

Наталья Витальевна Мазуркевич

Иная сторона Тарина

© Мазуркевич Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Счастье действительно было близко, но тогда я даже не подозревала об этом. Когда после двухнедельного путешествия по казематам меня позвали в кабинет главы службы безопасности, надо было не соглашаться. Подумаешь, посидела бы немножко в камере, закончила бы изучать дрессировку крыс в экстремальных условиях, помедитировала на капающую воду и слегка постройнела на уникальной, специально разработанной диете.

Но смалодушничала.

Захотелось полюбоваться на физиономию главного конкурента, да и новости узнать. Вдруг они и Райда упекли – тогда бы попыталась договориться на соседние камеры. В награду за хорошее поведение личного состава: стража даже ругаться хором научилась. Скоро бы и гимн выучили: не зря я каждую ночь концерты давала, чтобы крыскам скучно не было.

Но смалодушничала.

Поднялась и пошла. Не стала зубами цепляться за камеру, не потребовала времени для написания наставлений крысиному народу, а встала и пошла вместе с присланным стражником, радостно потирая ручки и ожидая допроса.

Но его не было. Его просто-напросто не было. Зато был усталый взгляд Дайрина, словно происходящее не доставляло ему никакого удовольствия. Мстительная усмешка Маджери – в этом слишком злопамятном господине я нисколько не сомневалась. Да и холодно-отрешенное лицо его высочества, сдобренное недовольным цоканьем мастера клейм, которого вытащили на работу в его выходной, не выходило за рамки привычной программы. Но допроса по-прежнему не было!

Разумеется, все стулья в кабинете были заняты. Зато свободен ковер. Свободен, чист, приятно пах. Именно на него я и пристроилась. Уселась поудобнее и, закрыв глаза, начала старательно думать. Чтобы менталисту удобнее работать было, конечно. Ведь если вопросы не задают вслух, значит, рассчитывают, что сама запаникую и выдам что-то этакое.

А вот не дождутся! Я им сейчас такого навспоминаю, что даже его высочество дрогнет. Благо фантазией боги не обделили. Что ж, менталисты, приступайте, я готова.

И уже вслух:

– Давайте.

Я благосклонно махнула грязной ладонью. На кого попала – не видела, а стоило мне открыть глаза и полюбопытствовать, следов ни на ком не нашла. Никаких. Неудивительно, впрочем. Мастер клейм стоял достаточно далеко, а остальные не рисковали появляться в обществе без щитов. И правильно, я скажу, делали. Доброжелателей у присутствующих с каждым днем становилось все больше, в том числе и моими трудами праведными.

– Сегодня без менталистов, – огорошил меня Дайрин, скупое усмехаясь.

– Как – без менталистов? – удивилась я и демонстративно засобиралась обратно. – Без менталистов ничего не скажу. «Луна не в той фазе», – доверительно сообщила я.

– Вот как? – Брови будущего начальства взметнулись, изображая притворное удивление. И никакого раздражения или гнева. Я даже мысленно поморщилась. Несмотря на все мои ухищрения, вывести из себя начальника внутренней безопасности империи мне так и не удалось. – Значит, мы выбрали самый правильный день. Сегодня, Майя, говорить буду я, а вы приложите все усилия, чтобы нас выслушать.

– Очень сложное задание, – призналась я, тяжело вздыхая. Нацепила на лицо самое жалобное из доступных мне выражений и обвела присутствующих молящим взглядом. Но то ли я разучилась давить на жалость, то ли все собравшиеся были непроницаемые сухари... Ничего, отрицательный результат – тоже результат. – Ну ладно, читай.

Сейчас я бы так не рискнула разговаривать с начальством. Ибо начальство оказалось обидчивое и злопамятное. Никак иначе свое поспешное назначение на задание я объяснить не могла. Впрочем, учитывая, что вытаскивали меня именно ради этой авантюры...

- ...приговаривается к двадцати годам лишения свободы без возможности обжалования приговора...

- Чего? - завопила я, мгновенно отвлекаясь. - Какие двадцать?! Максимум - пятнадцать. Я консультировалась!

- Соппротивление при аресте, - «напомнил» Маджери.

- Не было такого! - обиженно возопила я. Шишку он себе сам поставил, а что под ноги не смотрел, когда за мной бежал, - так я же не виновата, что brave солдата госдепартамента подвело зрение.

- Было, - ласково не согласился со мной Дайрин. - И попытка побега была.

- Когда? - заинтересовалась я, пытаюсь понять, что они так красиво обозвали. Подумаешь, из окна выпрыгнула - так искупаться хотелось, поплавать в речке, воздухом подышать, проверить плавучесть стражников в полном облачении. Так из лучших же побуждений. Да и не сейчас это было. Это так - ошибки юности. Года два назад, не меньше. Неужели срок давности еще не истек? Или это его высочество угрожал? От него чего угодно ожидать можно. Не зря Магнусами каждого первого пса в бедных кварталах зовут. Нужно же людям как-то раздражение свое унимать.

- Сейчас, - оскалился Дайрин. - Но, пожалуй, чистосердечное признание позволит тебе слегка уменьшить срок.

- Слегка - это насколько?

Прощаться с юностью отчаянно не хотелось. А двадцать лет... Это сколько же мимо меня пройдет? Есть, конечно, вариант - сбежать, но побеги не отовсюду удавались, а на амнистию при нынешней власти рассчитывать... Собака принц Магнус - самая настоящая, обидчивая до ужаса собака! Или так о кошках говорят...

- Скажем, лет на десять, - оценив на глаз мое потрепанное тельце и грязную физиономию, предложил сделку шеф.

- И что для этого нужно? - любопытствовала я, не зная, на что себя обрекаю. Я-то ждала очередного убеждения сдать тайник или продать товарищей в ломбард тайной службы, а оказалось, продавала я себя. В рабство. На десять бессонных лет. И как только совесть меня не съела...

Наверное, не стоило избавляться от нее в первую очередь.

Часть 1

Тарин

Это была не лучшая осень на моей памяти. Холодная, сырая, налепляющая комья грязи на подбой плаща. С мокрыми листьями кленов, осыпавшихся прямо за шиворот. Не по собственной прихоти – по велению природников со старших курсов. Сами шутники следили за всем сверху, из окон третьего корпуса, отданного под общежития четвертого-пятого курсов.

Сунув руку за шиворот, я с сожалением стряхнула с пальцев искорки чар. Нельзя. Полкурса видело, как я «промокла». И пусть заветные фигуры сами собой возникали из-под моих пальцев, наполнить их силой я не имела права. На первом курсе этому не учили, а третий не устраивал Маджери, писавшего легенду.

Меня же не устраивало все.

Столица – своим удаленным от границы положением, большим населением и Дайрином в опасной для моих дел близости. И если с первыми двумя обстоятельствами я могла смириться, а при случае и избавиться, то оборвать поводок любимого начальства, которое едва не уpekло меня на двадцать лет, было не так легко.

Вторым пунктом моего недовольства была, собственно, Таринская Высшая Школа, в которую мне пришлось поступать своими силами. Конечно, так вышло *красивше*, и местное начальство ставить в известность не пришлось, но... Кто компенсирует мне бессонные ночи и бдение над учебниками базовой школы? Ну какой от этого толк, если в будущем эти знания не понадобятся вовсе?! Ну вот зачем симпатичной девушке в самом разгаре сил и карьеры знать, чем дарейский колос отличается от таринского? Пусть агрономы эти колосья учат, а мне больше бы помог какой-нибудь обзорный курс по новинкам охранных систем.

А ведь был такой курс на моей новой работе! Но меня, как особо отличившийся криминальный элемент, на него не пустили. Пожадничали. И это после всего, что я для них сделала! Да не будь таких, как я, их ведомство бы давно разогнали. И потом... эти охранные системы каждый год обновляют, а поводок обещали снять только через три при условии хорошего поведения и идеального послужного списка.

Звучит реально, но я не обольщалась. Не тот человек Дайрин, чтобы давать мне шанс сбежать, не отработав все десять лет, а мы оба прекрасно понимаем, что подвернись мне возможность... Впрочем, это вопрос цены, как и всё в этом мире.

– Майку опять дождик пометил! – хохотнули сверху, стоило мне пересечь порог учебного корпуса.

Я подняла голову и встретила взглядом с Саем. На его прыщавом лице сияла улыбка, будто он лично руководил «дождем». Ухмылка его соседа лишь подтвердила мои выводы. Причастны. Недаром карманы форменных курток не оттопырены деньгами, как обычно. Ну и ладно, будь я посвободнее, обязательно бы отомстила, но сейчас... Кто же мне позволит празднично шататься, когда у меня десять лет на благо короны не отработаны.

Как я дошла до такой жизни? Сложно сказать. Наверное, все началось тогда, когда мне впервые захотелось проучить соседского мальчишку, отбивавшего грошки у всех, кто был слабее. Прокравшись к нему ночью, мы с коллегой, ныне известным как Рыжий Райд, обнесли его запасы. А чтобы на нас не подумали, подбросили парочку вещей ближайшего соратника обидчика на место преступления.

Наутро их обоих выгнали за безобразную драку. Даже папочка, посуливший директору неплохую сумму, не отмазал любимого сыночка: собственную физиономию директор любил больше кругленьких и блестящих. Да и не так уж много мог предложить отставной казнокрад после возмещения ущерба казне.

Но о чем это я? О превратностях собственной судьбы. В момент нашего первого триумфа мы с Райдом едва разменяли второй десяток, а ныне я гордо вступала в третий. Его же (великодушию службы безопасности не было границ) я могла посвятить благу короны: рекомендации не подвели. Пусть и поймали прежде, чем успела сбежать на

недружелюбные Тарину Калийские острова, но добычу так и не нашли. И не найдут!

Довольно усмехаясь своим мыслям, я шагнула на лестницу.

Конечно, меня недружелюбно таскали к менталисту и заставляли пить горькую гадость для освежения памяти, но как человек мог вспомнить то, чего не знал? Правильно, никак. А потому никакие ухищрения не заставили меня выдать наш схрон. А Райд... Райд всегда держал слово. Поэтому, едва мне удастся выбраться из этой авантюры, я стану обладательницей немаленькой суммы. Что касается его высочества... У Магнуса и без того безделушек достаточно. Одним перстнем больше, одним меньше... Благотворительностью тоже нужно порой заниматься, или ею займется кто-то еще. Себе во благо.

У кабинета основ работы с силой уже толпились первокурсники. Шмыгнув взглядом по макушкам заднего ряда, я поняла, что к двери не пробиться. Эти не пропустят, даже если война начнется или из аудитории выскочит бессмертное чудовище.

Вздохнув, я забралась на подоконник, благо длина юбки не могла смутить ни меня, ни окружающих, и, запустив руку в сумку, извлекла потертый томик «Основ». Никогда их не читала, предпочитая что-нибудь поуже и поспецифичнее, но... Маджери определенно любил мстить недругам. Пусть и на одной стороне теперь, а всё еще припоминает мороженое с перцем. И ведь даже не поморщился, когда ел. Даже улыбнулся! Я видела, специально оббегала дом, чтобы полюбоваться.

Вот же двуличный гад. Не удивлюсь, если еще что-нибудь скрывает.

На тихие шаги со стороны лестницы никто, кроме меня, внимания не обратил. Я же, как хорошая девочка, сползла с подоконника, поправила юбку, высушила себе, наконец, пиджак с блузкой и честными, несчастными, невыспавшимися глазами встретила преподавателя, возникшего за спинами собравших.

Лорд Трэмбл не был стар, уродлив или болен проказой, но при виде него мне хотелось скрипеть зубами, а руки сами тянулись к тяжелым предметам. Не сказать, чтобы наша неприязнь была взаимной, но в свое время (две недели назад) он выпил изрядно моей крови. Да и сейчас с наслаждением цедил ее по капле, вычислив слабое звено группы.

– Входите, – коротко распорядился он, приглашающим жестом направляя толпу в аудиторию.

Переглянувшись, парни услужливо пропустили вперед более фигуристых однокурсниц. Передо мной же сомкнули спины, заставляя ждать в коридоре, пока Юнос не протиснется внутрь.

Понимая, что завидовать нехорошо, я предпоследней шагнула в объятья любимого предмета. Последним был лорд – вот уж кто получал истинное удовольствие от занятий. Но ничего, я была полна решимости отомстить дражайшему преподавателю двумя подвластными мне путями. Законным и мстительным.

Первый предполагал отвратный почерк и идеально выверенный ответ. Ради этого я уже приобрела у старшекурсников набор готовых ответов. Обещали гарантированную пятерку, вот и проверим. Мстительный вариант же сводился к гнусному кляузничанию на лорда шефу. От его мгновенного исполнения меня удержало лишь справедливое опасение, что эти двое могут подружиться, и тогда... Как будто мне одного Дайрина не хватало для полного счастья!

Мрачно оглядев коллег-сомучеников, я направилась к единственному (кто бы сомневался?) свободному месту. Оно имело ряд неоспоримых достоинств, таких как чудесный вид на преподавательский стол, возможность лицезреть списки группы и текущие оценки и уникальная возможность обойтись без учебника при ответе. Разве что сжалившийся преподаватель откроет свой экземпляр и развернет его нужной студенту стороной. Увы, ожидать такого от лорда Трэмбла... Не в этой жизни.

– Адептка Дашан, конечно, витающая в облаках вы мне нравиться больше, но, к сожалению, мне платят не за тишину на занятиях, а за ваши знания, поэтому будьте любезны, оторвитесь от своих дум и уделите крупицу своего бесценного внимания

странице семнадцать.

– Да, магистр, – послушно отозвалась я, открывая учебник.

Со страниц талмуда по основам на меня смотрели укоризненные очи первого теоретика предмета. Эти прекрасные красновато-бурые глаза преследовали меня не в одном сне, пока я готовилась к поступлению. Увы, бессмертный вампир оказался на редкость плодовит и отметился не только в основах, замарав своими трудами по меньшей мере дюжину пособий по подготовке к поступлению в высшие и не очень учебные заведения страны.

– Читайте вслух, – распорядился достойный продолжатель его порывов.

Скрипнув зубами, я набрала в грудь побольше воздуха и, насколько могла гнусаво, принялась просвещать массы.

На первой минуте все доблестно терпели, на второй появилось фоновое звуковое сопровождение, на третьей... На третьей лорд Трэмбл сменил чтеца, наградив меня недружелюбным взглядом. Ну и ладно, не для того я сюда поступала, чтобы бесплатно чтецом работать.

Об истинной цели своего здесь присутствия я еще и сама была толком не осведомлена. А до пояснений начальство не опускалось: хлопало дверью перед носом и угрожало оставить без ужина, если и дальше буду возникать на пороге шефовой спальни в одетом виде.

Подумав, я решила, что ключевым являлось все-таки не появление на пороге, а неодетый вид. В противном случае... Хотя чего уж ждать от главы имперской безопасности? Это же святым надо быть, чтобы ни разу не злоупотребить своим положением.

А ведь поговаривают в конторе о трех постоянных любовницах и одной временной. Последней, к слову, назначили меня. Совсем люди шефа не знают: личную жизнь и работу он не смешивает, разве что берет последнюю на дом, как в моем случае.

«Чтобы уберечь ни в чем не повинных сотрудников ведомства от твоего тлетворного влияния», – как мне заявили сразу после приказа о переезде.

А потому вместо общежития для иногородних служащих я жила и готовилась к поступлению под бдительным оком высокого начальства в его особняке с видом на ратушу. И не было мне ни минуты отдыха, поскольку в отсутствие шефа мною, по личной просьбе хозяина дома, занимался дворецкий. Стоит ли уточнять, что шансов откосить от обучения у меня не было?

Я тоскливо зевнула, прислушиваясь к голосу читающего. Никакого желания учиться у меня не было. Не зная, чем заняться, я решила предаться искусству. Искусство с радостью поддержало идею, захватывая все доступные мне средства – от полей учебника до наточенного карандаша. Косыми штришками, огибая следы предшествующих поколений, я выводила четкий мужской профиль.

Заинтересованно фырча, ко мне приблизилась «соседка», заглянула украдкой и ухватила за ухо, заставляя подняться.

– Ау! – крик вырвался непроизвольно, карандаш вылетел из рук, а я осознала, что все мои соседи пишут конспект и не отвлекаются. Да и при всей своей наглости хватать за ухо меня никто бы не стал, кроме одного обличенного властью субъекта. – Магистр, но я же тихо! – взмолилась я, удерживая чужую руку за запястье.

Не то чтобы мне нравились прикосновения лорда, но не хотелось остаться без уха, если почтенный магистр выйдет случайно из себя.

– Нарушение правил пользования учебной литературой, – просветили меня о причине столь неожиданной близости. – Извольте покинуть аудиторию и спуститься к мадам Гельтруде.

– А может, не надо? – взмолилась я, содрогаясь. Вот так, без лишних усилий, заслужить поход к мадам – да я самый удачливый человек во всей школе. Даже сомученики

оторвались от работы и сочувственно (хотя кого я обманываю – предвкушающе!) улыбнулись.

– Идите. Я проверю, – отпустив меня на свободу, пообещал магистр.

Потирая пострадавшее ухо, я собралась и направилась по известному всем студентам адресу. Мадам Гельтруда так мадам Гельтруда. Подумаешь, женский вариант шефа с критическими днями.

Оплот власти Таринской Высшей Школы находился на первом этаже. И, признаться, мне не к чему было придрататься. С первого этажа и убежать удобнее, и ловить прогульщиков за многострадальные уши, и пресекать курение, и... Разве что из окон лучше не высовываться, но это такие мелочи, что, право, не стоят внимания.

Наслаждаясь гулким эхом, оповещавшим о каждом моем шаге, я спустилась вниз и тоскливо оглядела административный этаж. Кабинет за кабинетом, в один из которых мне предстоит зайти и выйти. Главное – сделать все в нужное время и не попасться на глаза куратору.

Да, такой приставленный к учебной группе человек у нас имелся. Он был странен до безобразия, и даже высшее прорицательское не могло объяснить всех его отклонений. Звали этого человека Мартимус Мусс. Но чаще – не звали, он сам приходил. Оправдывал диплом, не иначе!

Кабинет мадам Гельтруды был третьим по левой стороне, так что пройти и обдумать свое поведение у меня не было ни времени, ни настроения. Впрочем, мадам и не требовала раскаяния – она в него не верила. А требовала она идеального почерка, усердия и грамотности, о чем мне прямо и сообщила, усадив за пустующий письменный стол и выдав стопку вступительных анкет.

Я не возражала: все же лучше, чем выслушивать наставления и сочинять покаяния.

Прозвенел звонок, оповещая о начале перемены, а мадам даже не пошевелилась, чтобы освободить меня от работы. А я... Я промолчала, ибо лучше уж бумажная работа, чем практикум по изящному искусству. А все из-за преподавателя.

Мисс Моника (она требовала называть ее только так) с первого и единственного случившегося у нас занятия меня невзлюбила. Всю пару она ходила кругами вокруг меня и так и норовила стянуть карикатуру. Не на себя, нет. Я честно написала сверху, что все совпадения с реальными людьми случайны. Еще бы я такой приписки не сделала, шеф бы убил потом, узнай, как я его внешность использую. А мисс Моника обиделась. Зарделась вся, глазами сверкнула, губы поджала, забрала у меня листок и спрятала. Еще и «неуд» поставила, хотя обещала работы не оценивать – просто посмотреть на потенциал.

– Обедали? – отвлекла меня от работы мадам Гельтруда.

– Нет, – призналась я в своей полной неплатежеспособности.

Почему-то шеф решил, что оставлять меня без денег лучше, чем выдавать энную сумму на расходы. Зато, как добрый опекун, оплатил мне обеды в школьной столовой. Только питаться там было себе дороже. На завтраки и ужины его щедрости не хватило, а потому я перебивалась чем придется, ибо способностями к готовке меня при рождении обделили, а завтракать и ужинать в компании шефа было тем извращенным удовольствием, к которому я не собиралась прикасаться без крайней необходимости. Слишком яркие воспоминания вызывали эти совместные ужины. Чересчур для раздосадованной своей глупостью меня. Разумеется, были еще перекусы от Маджери, но их я бы и на смертном одре пробовать не стала, зная его мстительную натуру. С него стало бы передать мне слабый яд или средство для взращивания прыщей под видом яблочного сока.

– Пирог?

– Буду весьма благодарна, – заверила я, бодро кивая головой и с удвоенной энергией принимаясь за бумаги. А углядев, чьи именно личные дела мне выдали, и вовсе ускорила. Это же весь мой курс. И даже собственная бледномольная физиономия на

одном из дел стояла.

Не удержавшись, я открыла свое личное дело. Так, анкету пропускаем. Ее я заучивала наизусть, и правды в ней... Да только имя и пол не были липой. По ней выходило, что звали меня Майя Дашан, происходила я из торгового сословия, знания имела школьные (табеля прилагался), а годков мне перевалило за восемнадцать. Вопрос с выделением общежития еще не решился – в деле не было ни отметки «одобрено», ни ее антипода.

Пролистнув легенду, я окунулась в сочинение на тему «да кто она вообще такая и что тут забыла» в исполнении приемной комиссии. Однако! Я и не знала, что моя скромная персона удостоилась подобной дискуссии. Казалось бы, ответила честно на все вопросы, а что мое мнение не всегда совпадало с общепринятым, так тут шеф ничего поделать не мог. Не могла же я ему в любви признаваться после всего случившегося?

Сказала как есть: идеологию страны и лично товарища Разетти, советника по безопасности при императоре, не разделяю, слишком уж негуманная. Так ведь не соврала ни словом! Где там гуманность, когда, стоило мне задремать, ко мне вторгались и требовали перечислить всех правителей Тарской империи со времен ее основания. А я как будто всех знала? На монеты только трех вынесли! И ведь добился, ирод, выучила!

Приняли меня со скрипом, а где-то и с дыркой в акте. Видимо, и секретарю моя особа не приглянулась. Но тут уж вкусовщина. Мне, положим, тоже эта кучерявая пигалица не пришлась по нраву, но не портить же из-за этого официальные бумаги?

Посетовав на несправедливость мира в целом и шефа в частности, я принялась переписывать собственную легенду в общий бланк первого курса. Точно так же пришлось поступить еще с тремя десятками бланков, прежде чем в дверь постучали и робко спросили, можно ли заходить.

Поскольку мадам находилась в кабинете, я промолчала, вчитываясь в занимательные строки. Объект моего интереса имел длинное вычурное имя и короткое прозвище, от которого у меня развилась мигрень, а руки потянулись к короткому, острому и метательному. А все он – Сайсери Силандж, виконт Авалийский. А для меня просто – Сай Поганец.

– Мадам Гельтруда, ваш заказ, – смущаясь и стараясь лишний раз не смотреть на замдекана по воспитательной, проблеял парень. Судя по всему, с моей новой начальницей он был знаком не понаслышке.

– Можешь идти, Ларс, – позволила мадам, но прежде, чем парень скрылся за дверью, добавила: – В следующий раз постарайся не попасться. Еще одна провинность – и мне придется поставить в известность твою бабушку.

– Да, мадам Гельтруда, – покаянно опустив голову, ответил парень и поспешил скрыться. На меня он даже не посмотрел, как будто я новой мебелью была. Хотя нет, на новую мебель смотрят обязательно, а вот на древнюю рухлядь времен основания... Так меня еще никто не оскорблял!

– Присоединяйтесь, – позвала меня женщина, указывая на занятый пирогами журнальный столик.

Я благодарно улыбнулась и вышла из-за стола. Взгляд мадам скользнул по моему лицу, опустился на пиджак с ученическим значком и, посуровев, вернулся к лицу.

– Ученица? – сухо переспросила она, прищурившись.

– Первый курс, – отчиталась я. – Лорд Трэмбл отправил.

– Хм... – Быстро взглянув на ровные стопки рассортированных анкет и почти законченный общий бланк, мадам с недоумением вновь воззрилась на меня. – И чем же вы, юная леди, расстроили моего дорогого коллегу?

– Не знаю, – печально вздохнула я и потянулась к пирогу. Все же мне его обещали, так неужели я откажу себе в удовольствии из-за маленькой накладки. Работу-то я сделала, а не секретарь, или кого там мадам ожидала?

– Будем считать, что провинность вы отработали, в чем бы она ни заключалась, – подумав и приняв во внимание мою помощь, сообщила женщина и отошла к своему столу.

Вернулась она спустя пару минут с двумя полными стаканами. Уже по запаху я опознала настойку джиджа – напиток весьма полезный для концентрации и успокоения.

– Спасибо, – поблагодарила и впилась зубами в пирог. – Очень вкусный.

– Ешь, – разрешила мадам. Свой кусок она деликатно расчленила ножом с вилкой, но замечаний в мою сторону не последовало.

– Благодарю, мадам, – разделавшись с пирогом на своей тарелке, сказала я и понуро уставилась на дверь. – Я могу идти?

Звучало это скорее как «я могу остаться?», и мадам Гельтруда это прекрасно поняла. Усмехнулась, перевела взгляд на что-то за моей спиной, после чего внимательно оглядела мою тощую фигурку и кивнула, продлевая мое наказание.

– Доделаешь работу и можешь идти.

– Спасибо, – возрадовалась я, ибо сидеть целую пару на идеологии было выше моих сил. Как будто мне шефа в реальной жизни не хватало, чтоб слушать еще его наставления в свободное от него же время. Видимо, заметив, как расцветает на моих губах улыбка, мадам подошла ближе и ловко забрала из стопки обработанных анкет одну-единственную. Мою, значит.

– Майя? – переспросила она, сверяя данные.

– Да, мадам, – с готовностью подтвердила я, не отвлекаясь от правописания. Писать я любила, даже очень. Чеки на свое имя, акции на продажу, завещания и прочие ценные бумаги, которые могли как-то улучшить мое материальное благополучие.

А что с ними потом заказчики делали – так не моего ума это дело. Мое ж дело маленькое: написать что велено, следов своих не оставить, бумагу состарить и память, разлить что-нибудь, если потребуется, а там и отдавать можно – не придерутся.

Замечтавшись, я едва не пропустила мимо ушей судьбоносное предложение:

– Майя, а вы не хотели бы поработать у меня?

– Я? – удивление мое было столь искренним, что даже я сама удивилась. – А что нужно делать?

– Помогать мне с бумагами, – поспешила успокоить ошарашенную предложением девицу мадам.

На самом деле я была не столько потрясена, сколько злорадствовала: вряд ли шеф предполагал, что у меня появится другой источник доходов.

– Конечно, когда я могу приступить? – охотно ухватилась за предложение я.

– Официально – с завтрашнего дня. Но сегодняшний день при оплате мы учтем, не беспокойся. Поскольку ты еще учишься, приходишь будешь после занятий, а уходить со мной. Тебе подходит?

Я с готовностью закивала. Еще как подходит. Меньше видишь шефа – крепче и лучше спишь. А домашнее задание пусть Маджери делает. Ему полезно ради общего дела постараться.

– Хорошо, тогда сегодня можешь уйти пораньше, как закончишь с анкетами, а завтра жду тебя в два часа. Преподавателей я предупрежу, чтобы не задерживали. И еще кое-что. – Я вскинула голову, устремляя взгляд на начальницу. – С завтрашнего дня можешь заселяться в общежитие. Прощение я подписала – отнесешь коменданту.

На стол лег заполненный бланк с личной подписью мадам и печатью школы. Прощайте, любимый шеф и лицо Маджери по утрам. Обойдешься и без мстительного созерцания

сонной меня.

Стоп, а кто тогда мою домашку делать будет? Я? Хм, подработка или готовые задания от Маджери. А если шеф не одобрит? Нет, уж лучше самой, чем снова к нему переезжать. И так уже весь репертуар нотаций выучила – можно тренироваться в подражании.

С анкетами закончила быстро.

«Чувствуется опыт», – мог бы сказать внимательный наблюдатель, но мадам Гельтруда просто кивнула, принимая из моих рук готовую работу. Быстро просмотрела и милостиво кивнула, отпуская меня домой.

Не пойду же я на последнее занятие только потому, что оно пять минут как началось? О нет, это не для меня. Лучше ворон на центральной площади погоняю – всяко полезнее. Может, и шеф так ругаться не будет, когда я ему свеженького голубинового помета принесу. Говорят, от нервов полезно. Я, конечно, не знаю, сама пробовать не рискну, но раз уж говорят – наверное, действительно помогает. А шеф, он же такой нервный в последнее время. И Маджери... как могу я в помощи им отказать, когда средство каждый день на центральной площади выпадает!

Ради любимого шефа пришлось преступить закон в особо мелком размере. На крупный пол-литровая баночка для сбора материала, одолженная мной у любезнейшей секретарши шефа, не тянула. А нечего было обзывать. Майка, может, и плохо одевается, но злопамятностью не обделена. А если так о глазах шефа беспокоиться – вот теперь и о его нервах позаботишься. Неужели я забуду сообщить, кто мне тару одолжил?

Выскользнув из самого устрашающего заведения на площади, я отправилась подманивать голубей. Увы, такая умная была не одна я. Другие охотники за целебным средством от нервов также заняли позиции, вооружившись корзинами. Я нахмурилась: никогда не думала, что голуби столько какают. А значит...

– Простите, уважаемый! – крикнула я на полплощади, мимоходом отмечая, как напрягся мужчина, вкушавший обедоужин на крытой веранде таверны. Да и в канцелярии должны были напрячься: эти люди, казалось, и не слышали про частную жизнь и с большой охотой следили за всеми, кто оказывался вблизи их места работы.

Трое из носителей корзин, две из которых уже, видимо, были полны, ибо их прикрывала маскирующая ткань, вздрогнули. Один указал на себя трясущимся пальцем. Н-да, над выдержкой еще стоит поработать, прежде чем отправляться на дело.

– Да-да, вы! – подтвердила я, с разбегу приземляясь рядом с ним и заглядывая в корзину. – А что, голуби так много га?.. – И тут я разглядела содержимое корзины. Мысленно присвистнула, отмечая объемы чьей-то ненависти к площади Справедливости, и не преминула одобрительно заметить: – Ух ты, а в Тарине еще можно достать клеверейский порошок? И не страшно с ним ходить? Он же взорваться может! – громко, чтобы все слышали, сообщила я неудачливому охотнику за голубиным пометом. Бедняга замер, не зная, как поступить. Наверное, будь мы на темной улице где-нибудь на задворках, свернул бы мне шею, но здесь...

– А отсыпь мне немного? – жалобно заканючила я. – Ну давай, никто и не заметит, а я с тобой пометом поделюсь! – Я продолжала вдохновенно орать, про себя отмечая, что людей на площади становится все больше. И не простых людей, а с полноценными защитными амулетами, как у сопровождающих императорской семьи. Эти выдержат взрыв хоть тонны клеверейки, не говоря уже о каких-то жалких трех корзинках. – Или здесь с ним совсем все печально, и на голубей запор напал? Не собрать ничего?!

– Дура, иди отсюда! – прикрикнули на меня, как на малахольную.

Я решила не обижаться: знала же, что никто добрым словом мои труды не отметит.

– Нет! Ну тебе жалко, что ли?! Целая корзинка клеверейского порошка, а мне пару граммов отсыпать природная вредность не дает, да? – Я уже противно визжала, заставляя неподготовленных слушателей отвлекаться на затыкание ушей. Боковым зрением заметила, что площадь успели оцепить, а один из стражей одобрительно показал мне большой палец.

– Отвали! – крикнул мой немногословный собеседник и попытался от меня сбежать, пнув напоследок.

Ага, как же. Кто ж ему позволит попасть! Увернувшись, я всерьез обиделась. Никакого почтения к коллегам по тяжкому ремеслу!

Тем временем подрывники-неудачники начали что-то подозревать. Двое молчаливых уже успели отойти от места нашей перепалки на десяток шагов. А мой обидчик так же страстно желал с ними воссоединиться. Пустая банка призывно блеснула боком. Жадина сверкнул каблуками, и я решилась.

Описав красивую дугу, несостоявшаяся тара под успокоительное встретила со своей целью. В следующий миг меня сбило с ног и неплохо приложило о брусчатку, напоминая, что совершать шефоугодные дела, может, и правильно, но сопряжено со всяческими лишениями и травмами, за которые едва ли кто-то выплатит даже золотой пособия.

Стоило посетовать на несправедливость своего будущего, кто-то решил сбить меня с толку и галантно протянул руку.

– Не ушиблись?

– Мне соврать или чистосердечно признаться? – хмыкнула я, хватаясь за предложенную конечность, и поднялась на ноги. Юбка была безнадежно (до первой стирки) испорчена, как и моя репутация в глазах задержанных.

Они бы не удержались от плевков в мою сторону, но положение лицом в площадь не слишком подходило для выкрутасов, а потому меня просто материли на чем свет стоит.

– Простите, – прокричала я, всеми доступными мне способами изображая раскаяние. – Я случайно, просто голос громкий. А у вас такая редкость: лучшая взрывчатка в стране, не иначе! – Последнюю уже, кстати, успели отобрать и куда-то деть. – И даже поделить не предложили. А я бы купила. Задорого, – клятвенно пообещала, делая честные-пречестные глаза. Жаль, никто не оценил.

Рука, помогавшая мне подняться, предупреждающе сжалась на запястье.

– Тебе-то зачем? – не выдержал один из повязанных, сплевывая попавший в рот песок.

– Канцелярию взорвать, – честно призналась я, а поверженный мною преступник прервал череду ругательств. На плечо легла тяжелая ладонь, по руке ощутимо прокатилась волна обездвиживающей магии. Предупреждение, значит, чтоб драться при задержании не начала.

– Зачем? – уже не так яростно изображая червяка, переспросил он.

– Взорвать канцелярию, – спокойно повторила оторопевшему коллеге. – Отсыпали бы мне немного, насладились бы зрелищем, а так... Сами теперь и отвечайте за неудачную попытку, – наставительно заметила я и повернулась к заинтересованно прислушивавшемуся к разговору мужчине. Тому, что явно размышлял, как со мной поступить. То ли выслушать показания и отпустить, то ли арестовать и потом уже беседовать.

Решила не мучить человека: ему и так разбираться с горе-подрывниками.

– Ведите. Только банку мою захватите, если выжила. – Затем кивнула на окна шефа. – Кабинет 327. Как думаете, мне срок уменьшат за помощь следствию?

Никто не ответил.

– Так и знала, не стоит верить государственной машине!

Сказала и поняла, что всё. Больше – ни слова. И никто мне не расскажет: это господин старший следователь, судя по нашивкам, меня пожалел или себя. Вероятнее, второе. Рапорт ему и без того длинный писать, а каждое слово задержанного отражать – это никаких лесов не хватит.

- Какие будут указания? – подскочил к начальнику один из артефактоносцев.
- Проводи в управление, – поморщился тот.
- К этим? – кивнул мужчина на конвоируемых.
- Пока в карцер, – отрицательно качнул головой старший.
- Так там же... – начал было служащий, но осекся. – Карцер так карцер. Знать бы еще, ради кого его так обустроили. Десять лет крыс не водилось, а тут специально завезли, – пробормотал себе под нос мужчина, увлекая меня порталом в знакомые хоромы.

Крыски были рады мне, как родной. С диким писком устремились к своей дорогой Майке и исполнили гимн зубастых прямо у меня над ухом. Знакомые тюремщики благополучно сбежали еще в начале коридора, выдав мне ключи и потребовав обещание запереться согласно инструкции и никуда не уходить до прибытия господина Маджери. Этому зануде уже кто-то настучал, что искать меня следует по старому адресу, а не по-новому, личному шефовскому. А значит, на репетицию с крысиным хором у меня оставались считанные минуты.

Маджери явился в самый неподходящий момент. Мы с моими подопечными разучивали частушку: я придумывала текст, а они отвечали за музыкальное сопровождение. Но ни мои старания, ни усилия лысохвостого хора не смогли растопить каменное сердце Маджери. Глянув на меня, как на неприкосновенную блоху, он распорядился:

- Проводить в кабинет.

И, развернувшись на каблуках, вышел. Еще и очки поправил, дескать, как я устал видеть все несовершенство этого мира и тебя, Майя, особенно.

Стражники с готовностью посторонились. Не сошлись мы с ними характерами еще в прошлый раз, а дорогу до кабинета Маджери я и так помнила: недаром меня туда таскали через день, когда шеф сдавался и брал денек на отдых. Или чтобы поговорить с его высочеством.

Правда, терзали смутные сомнения, что его светлость лорд Дайрин Разетти был глубоко пристрастен в отношении моей персоны. Палача мне показали только один раз, хотя по правилам требовалось устраивать наши свидания едва ли не ежедневно. Бывалые коллеги горячо вспоминали дни своего заключения и любили совать под нос результаты этих свиданий. Обычно они выражались в отсутствии чего-то, а потому я хоть и досаждала графу, черту старалась не переходить.

Впрочем, не всё, что для мужчины позор, и для девушки худо. Кто-то и добровольно, за большие деньги, идет к магу, чтобы избавиться от лишней растительности. Но мне и это не грозило. Видимо, изначально планировали вербовать, а потому обошлись без вредительства. То-то Маджери недоволен. Но, видимо, хорошо быть девушкой из правильной компании и с определенной репутацией.

Три мрачных и абсолютно сухих коридора, два лестничных пролета, один недовольный маг-телепортист и любимый шеф, при виде которого я пожалела, что не успела собрать народное лекарство. Лицо у его светлости было на редкость взволнованным. Прямо настолько сильно, что вовсе закаменело.

Кивнув телепортисту, шеф дождался, пока посторонние выйдут, и протянул руку. В раскрытую ладонь лег ключ от моих стильных, по последней казематной моде, кандалов. Утяжеленный вариант, натирающий и гремящий цепями. Всё – лишь бы фигуру не портить!

Я с готовностью вскинула руки, едва не задев горшок с любимым перчиком Маджери. Любимым – потому что самым живучим оказался. Все остальные мало прожили после нашего первого свидания с любимым следователем.

Шеф взглянул на ключ, на мою просящую мордочку и протянутые ручки и хмыкнул. Заветный ключик оказался на столе в моей прямой видимости и абсолютной недоступности.

От столь демонстративной несправедливости бытия я надулась и решила играть до конца: хоть какое-то моральное удовлетворение.

– За что? – спросила я, обиженная в лучших чувствах, и плюхнулась прямо на диван. Все же Маджери был не самым низким звеном, и кабинет у него неплохой. Мебель с дорогой обивкой, стены после ремонта, окно новое... И всё благодаря мне. А он до сих пор обижается, судя по недовольной гримасе.

– За что же... – Он усмехнулся, но не ласково, а немного устало.

«Не злитесь, – отметила я. – Значит, сегодня можно обойтись без принудительного переодевания в приличную одежду».

– Преступные намерения, соучастие в попытке свержения правящего монарха...

У меня глаза стали как золотые монеты с профилем этого самого монарха, а он продолжил:

– Сопротивление при задержании, нанесение тяжких телесных повреждений сотрудникам правоохранительных органов, дебош в городской тюрьме и кража личного имущества моей секретарши.

– Кражу признаю, остальное происки завистников, – поспешила я очистить свое имя перед законом. Подумала и добавила: – Нет, наоборот. Кражу не признаю. Слишком мелко.

– И зачем тебе понадобилась эта несчастная банка?

Шеф вздохнул и бросил мне ключ. Я не заставила себя упрашивать и перехватила его в полете, чуть не лишив жизни перец.

– Хотела сделать вам приятное, – решила не врать я, размыкая кандалы и разминая запястья.

– Приятное? Мне? – Шеф усмехнулся и откинулся в кресле. На руке блеснул перстень главы рода. Следовательно, из дворца пришел, раз уж при полном параде. Даже заколка в длинных светлых волосах мелькает. И для кого же его светлость так одевался? Уж точно не для свидания со мной.

– Вам, – истово закивала и пожаловалась: – Но банку мне не вернули. Да и до происшествия собрать ничего не удалось.

– Собрать что? – заинтересовался шеф.

Маджери поморщился, понимая, что ничего хорошего я собирать на площади не могла. Или же ему кто-то сказал, о чем мы спорили с подрывниками, когда я не стыдила их за нежелание делиться.

– Уникальное народное средство от нервов. Естественного происхождения. Полностью натуральное. Свежее даже, как раз к вашему возвращению бы успела.

– Майя, – вдохновенно начал его светлость, видно, прекрасно догадавшись, о каком средстве шла речь, – я очень рад, что вам не безразличны мои нервы, но успокоить их вы можете и другими, более действенными способами.

– А может, не сегодня? – пошла я на попятную. Тонкий лед под ногами. Очень тонкий. – У вас там отделка дорогая, простыни шелковые, посуда хрупкая, а на клубнику у меня с детства аллергия. Оно вам надо? Еще и в потолке мою прыщавую физиономию видеть?

Я заискивающе улыбнулась, словно из лучших побуждений перечисляя свои недостатки.

Маджери еле слышно хмыкнул. Задумчиво так, мне совсем не понравилось. Да и взгляд, которым он меня наградил... странный взгляд, оценивающий и удовлетворенный.

– Может, и не сегодня, – протянул задумчиво Дайрин.

Я с облегчением выдохнула.

– Или сегодня...

Я затаила дыхание.

– Но для этого придется переносить другую встречу... – размышлял шеф, а меня начала охватывать злость. Вот чего он колеблется! Цену себе набивает. Как будто нужен он каждой встречной-поперечной!

Логика упрямо подсказала: нужен. Состояние у его светлости неплохое. Род древний, работа высокооплачиваемая, проценты по банковским вкладам опять же... Может, ну ее, эту стеснительность, все равно в одном доме живем? Сам сказал, что могу его вещи трогать. А сейф – тоже вещь, так что чего уж там. Пора познакомиться поближе. Мечты, конечно, но хоть что-то, вселяющее оптимизм.

– Пожалуй, я поужинаю с вами сегодня, – наконец решил шеф и подался вперед, чтобы лучше видеть благодарность на моем лице. И правильно сделал: с близкого расстояния, а еще лучше – под лупой, шансов увидеть мою благодарность было больше. По крайней мере, теоретически.

– Ужин за ваш счет, – честно предупредила.

– Разумеется, – усмехнулся Дайрин. – Полагаю, вам нужно время, чтобы привести себя в порядок.

– Могу и так.

Отряхнув себя слегка, я с готовностью переступила через кандалы.

– Маджери, подготовь отчет о юных пиротехниках. Я вернусь, – его светлость оценивающе взглянул на меня, – через полчаса.

– И мою сумку заberi, а то без учебников меня в школу не пустят, – бросила я помощнику любимого шефа, прячась за его, шефа, широкой спиной.

Маджери недовольно сверкнул очками.

От перемещения меня слегка мутило и не слегка клонило. На первый попавшийся предмет, коим, по несчастливой случайности, мог быть только горячо любимый шеф, который души не чаял в моей персоне и всячески заботился о ее, то есть моем, душевном и телесном здравии. А потому, как истинный джентльмен, он сделал вид, что ничего не замечает, и отошел в сторону, чтоб не мешать моему полету, дав мне вдоволь насладиться творением иноземных мастеров.

– Майя, никогда не думал, что ковер может вас так заинтересовать. Мне следует приказать, чтобы его прибили к полу? Во избежание.

Я не ответила. Устала. Постоянные подколки по поводу моего рода деятельности уже перестали быть смешными. А обвинение в возможной краже ковра... Да что я с ним делать буду? Если я появлюсь на пороге хоть какого-то нелегального учреждения, то учреждению придет конец, а меня под домашний арест посадят. Еще и зубрить заставят, чем колосья друг от друга отличаются. И не в пределах страны – континент тоже кто-то изучать должен.

Единственная месть, на которую я была способна в своем нынешнем положении, – лежать и не двигаться. Именно это я и сделала, закрыв глаза и представляя что-нибудь приятное. Например, Калийские острова, где меня давно уже ждали.

Тяжело вздохнув, я перевернулась на другой бок, положила ладошки под ухо и попыталась заснуть.

Увы... Шеф отличался немилосердностью не только на работе. Стоило найти удобную позу, как он испортил все удовольствие, опустившись рядом и начав гладить мои волосы. И так старательно, как будто клад там искать вздумал.

– Я сплю, – поставила в известность начальство.

– Я заметил, – фыркнул Дайрин, не прекращая своих поглаживаний. Пока он расчесывал мою шевелюру, это было терпимо, когда же, словно издеваясь, его рука коснулась шеи, я дернулась и откатилась в сторону. Пусть сейчас антимагический ошейник на мне отсутствовал, ворошить былое не стоило. И так напоминаний хватало. Метка каждый день чешется, стоит подумать нехорошее о его высочестве. Радует, что на дурные мысли о любимом шефе заклятие не реагирует. Иначе быть мне чахоточной в глазах общества, а это уже совсем не то, что «слегка не в себе». Не отмоешься.

– Я ухожу, – сердито заявила, поднимаясь с ковра и поправляя платье. Шнуровка слегка ослабла, и дышать стало проще, но это не повод и дальше выглядеть чучелом. Особенно когда заявляешь об уходе одному из самых опасных людей страны.

– И куда же? – усмехнулся шеф, поднимаясь одним слитным движением. Еще мгновение назад он сидел, а вот уже стоит прямо напротив меня и оценивающе смотрит, пытаюсь уловить – лукавлю я или нагло вру.

Поднырнув под начальственной рукой, сбежала к лестнице.

– В общежитие. Вам же для дела надо было? Так вот – сама всего добилась и теперь жить буду там. – Остановилась, подумала и, вернувшись, добавила: – Где мои карманные деньги от любящего папочки?

Дайрин усмехнулся и неторопливо достал из кармана небольшой кошелек. Отсчитал мне три серебряные (какая щедрость!) монеты и бросил.

Несмотря на всю свою нелюбовь к презренному угнетателю, я поймала деньги в полете и сунула их... А некуда было совать. Сумку при аресте отобрали, а вернуть ее мне никто так и не сподобился.

– Благодарю премного.

Все же не удержалась от шпильки и шутовски поклонилась. Не оглядываясь, взбежала вверх по лестнице.

– И найдите мою сумку. Это не так тяжело: вы справитесь, – заверила я и добавила с мнимым огорчением: – А то за учебники платить придется. И за сумку. Она казенная. А шеф у меня знает, какой строгий?! – пожаловалась я слушателю и, прокравшись по коридору мышкой, чтобы дворецкий не услышал, скрылась у себя.

Конечно, мое «у себя» было преувеличением. Дом и все его обитатели если не душой, то руками и ногами принадлежали его светлости. В дворцеком мне часто виделся вышедший на пенсию работник канцелярии, а в поварихе – матерая отравительница, с большой неохотой сменившая профессию и решившая оттачивать свое мастерство на мне лично. Как иначе объяснить, что все, что готовилось для шефа, было вкусно и ароматно (сама пробовала), а то, что подавалось мне, – мерзко и склизко?

Заговор царил в доме лорда Разетти. Зрел под его крышей, дышал его пыльным воздухом, тайлся в библиотеке, куда меня пускали с боем, и вырывался на свободу в кабинете, куда я старалась лишний раз не соваться.

Подперев дверь креслом, я проверила все углы, внимательно оглядела потолок, прощупала стены и, закрыв окно, вздохнула с облегчением. Шальная улыбка, не покидавшая мои губы ни на мгновение, пока я изводила начальство, схлынула, как последний летний шторм.

Тяжело вздохнув, я села на стул. Вести себя как чудо огородное сил больше не было. А Дайрин, зараза, кажется, отказывается верить в мою недалекость и ждет, когда мне самой надоест строить из себя... А, собственно, кого? Майку? Так не надоест – репутацию оправдывать надо. Если подвизалась выглядеть сумасшедшей, чтобы лишних вопросов не задавали и в душу не лезли, так и приходится отыгрывать. И так устаешь от всего этого, что хочется просто выпасться и чтобы ни одна седа зараза в дверь не стучала!

– Чего тебе, страж затхлости сего жилища? – простонала я, заползая под кровать и поправляя покрывало.

– Милорд приказал помочь вам со сборами, – педантично ответил дворецкий, не реагируя на мой выпад. – Извольте открыть дверь.

– Она не заперта, – соврала недовольная я, уязвленная поведением начальства. Нет чтобы слезы полить, уговаривая меня остаться, так туда же: раз! – и пинок под мягкое место. Лети, Майя, в гордом одиночестве, еж непризнанный, но гордый!

Дворецкий хмыкнул и толкнул дверь. Она закономерно не отворилась, поскольку и замок был на месте, и кресло я обратно не сдвигала.

– Майя, откройте немедленно, – спокойно, но очень прохладно попросил господин Клерн. – В противном случае мне придется принять меры.

– Принимайте! – легко согласилась я, затыкая уши.

Дверь выбило в ту же минуту, кресло отнесло к противоположной от кровати стене, задело полки, на которых стояли мои с боем добытые флакончики с разноцветной краской. Несмывающейся, конечно, стала бы я иначе ставить ее в такие легкодоступные места. Со звоном разбилось стекло, и жидкость потекла вниз, на стены, кресло и пол. Если еще и ковер задело – красота! И пусть только попробуют доказать, что я причастна! Я под кроватью лежала. Спала! Ничего не знаю.

Начищенные туфли господина Клерна просеменили мимо кровати, внимательно осмотрели разрушения и уперлись носками в кровать.

– Майя, полагаю, мне не стоит и пытаться донести до вашего сведения, что такими поступками вы лишь усугубляете свое положение.

– А есть куда? – фыркнула я, почесывая шею. Неудобно, конечно, под кроватью такие трюки проворачивать, да еще без зрителей, но вдруг они все же есть?..

Судя по сопению, дворецкий хотел ответить, но шум привлек в комнату еще одного гостя. Как будто у меня был недостаток шефа в личном пространстве!

Легко подпрыгнув, кровать замерла под потолком. Я подниматься не торопилась: еще упадет ненароком, придавит...

– Майя, я жду, – равнодушно произнес его светлость.

Когда он так начинал говорить, лучше было слушаться и не строить из себя... Майку. По крайней мере, всем остальным. Мне же предстояло и дальше демонстрировать сумасбродность собственной натуры. В противном случае... Это палач, а не менталист. С человеком разумным и другой человек договориться может, а со свихнувшейся особой не слишком четких правил... Стоит ли упоминать, что после моего задержания в ведомстве началась текучка кадров? Увы, не всех. Господин граф, уже имевший опыт общения со мной, напрочь отказывался сдавать позиции и уходить со службы, как и принимать мои инсинуации за чистую монету.

Потянувшись, я поднялась, почесала слегка припыленную шевелюру и бодро выскочила за дверь. Опыт подсказывал, что его светлости понадобится не менее трех секунд, чтобы опустить кровать. Еще двадцать он будет отдавать распоряжения дворецкому, а уж потом примется за меня. Предстояло провести время с пользой – спрятаться так, чтобы начальство успело остыть и было готово идти на компромисс.

...Если бы. Умнейшее и настырнейшее начальство не стало напрягать свой могучий интеллект и безжалостно активировало поводок, заставляя меня глотать злые слезы, изрыгать проклятия и задыхаться. И чем дальше я отползала от графа, тем сильнее раскалывалась голова и хотелось плакать. Навзрыд, от жалости к самой себе. Жгло плечо с меткой. Судя по интенсивности – пора было запастись целебными мазями, ибо так просто последствия непослушания не заживают.

– Майя, в мой кабинет, – распорядились надо мной, деактивируя метку и удавку.

Я рухнула на пол. От хлынувшего в легкие воздуха едва не задохнулась: так много его было. Задышала глубоко и часто, постепенно восстанавливая дыхание. И если спустя пару минут я наконец-то смогла вдохнуть полной грудью, не испытывая никаких

затруднений, то с последствиями активации метки так легко разобраться не удавалось. Плечо нещадно пекло, напоминая о свойствах подобных чар осквернять своим рисунком кожу. А там уже неважно, сняли с тебя метку или нет. Понадобится – тут же узнают, числились ли за тобой прегрешения. Особая примета, избавиться от которой можно разве что вместе с кожей. Только такие шрамы вызовут еще больше вопросов, отвечать на которые чревато.

Надо мной устало вздохнули, а потом аккуратно, стараясь лишний раз не задевать место метки, Дайрин помог подняться. Наградой ему был злой взгляд.

– Мне жаль, что пришлось так поступить, – сухо сообщил шеф. – Надеюсь, ты сделаешь выводы и не станешь повторять свои ошибки.

Я промолчала. Ввязываться в дискуссию было не лучшей идеей. Можно сколько угодно раз крикнуть, что наказание вышло чрезмерным, но кому интересно мое мнение?

Пошатываясь, я послушно засемила за дорогим начальством, когда он, поняв, что возражений не последует, развернулся и направился в свой кабинет. Остановился на пороге, придерживая для меня дверь, поддержал, чтобы не оступилась, и довел до появившегося одновременно со мной табурета. Помнится, в прошлый раз я пыталась оторвать его от пола, но не преуспела. Как метательный снаряд этот предмет мебели был бесполезен. А потому, чтобы не потерять достоинство, пришлось делать вид, что мягкие кресла мне не подошли по эстетическим показателям.

– Не двигайся, – приказал Дайрин, усаживая меня на табурет и быстро ослабляя шнуровку.

Я хотела возразить, воззвав к его чувству прекрасного, ну, или стукнуть по рукам, как писали в любовных романах, но мои собственные конечности отказались шевелиться, заставляя подозревать его светлость в нехороших намерениях. В конце концов, Майя, когда берешься допекать такого человека, следует быть готовой к последствиям. И кажется, они таки наступили. А как некоторые предпочитают снимать стресс, уже не раз рассказывали обитательницы веселых домов. Добегалась ты, Майка, договорилась. Сейчас твое девичество и кончится.

Но вместо закономерного продолжения по коже пробежал ветерок, уступил место куда более осязательному маслу. Холодному и очень мокрому – должна отметить. А после, не будь на мне обездвиживающих чар, рванула бы хоть куда!

– Больно-то как! – простонала я, чувствуя, как снова жжется метка.

– Хочешь особую примету? – наклонившись к моему уху, поинтересовался мужчина. Скользнул пальцами от обработанной метки выше, к шее.

И я бы предположила, что за этой попыткой крылось желание меня придушить, чтоб сама не мучилась и другим не досаждала, но ошиблась.

Чужие пальцы касались так бережно и нежно, что я, ошарашенная происходящим, отвлеклась от последствий исцеления, благо с каждой секундой жар спадал. А вот Дайрин и не думал останавливаться, лаская мою кожу легкими прикосновениями.

Еще немного, и я бы начала питать серьезные опасения насчет шефа и его предпочтений. Испортились они у него, однако. По наклонной пошел. Раньше томные блондинки были, а теперь вот я в своем самом неприятном образе – ненормальная истеричка с воровскими наклонностями и тягой к разрушению. Нет, определенно с графом что-то не так, и пора мне заканчивать мотать ему нервы.

– А их у меня в недостатке? – хмыкнула, пытаюсь отвлечь целителя-любителя от его нетрадиционных способов обезболивания и не выдать своего волнения. Никогда не любила прикосновений. Особенно если это маги. Особенно те из них, кому мне нечего противопоставить.

– Хватает, – усмехнулся Дайрин, поправляя на мне платье и ставя на стол пузырек с зельем.

А плечо все еще щипало. Видимо, метка пыталась отстоять свои позиции и застыть

клеямом на коже, но своевременное вмешательство этого не позволило. Вот только если я продолжу нарываться, сколько пройдет времени, прежде чем она навсегда останется на мне? Да и нет сомнений, что на «выпускной» я получу весь спектр особых примет.

- Что вам от меня вообще нужно? - устало вздохнула я, чувствуя, как мне затягивают корсет. Не слишком туго, но платье должно удержаться.

- Содействие? - предположил шеф, только в его глазах мелькнула странная тоска. И исчезла, чтобы никого из нас не сбивать, все же наше положение существенно разнилось. - Помощь? Информация? Ответы на мои вопросы, в конце концов.

Дайрин ухватил меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. Но я нахально их закрыла.

- А карту сокровищ не нужно? - не сдержавшись, фыркнула. - Или лучше сразу клад?

- Сокровищ у меня и сейчас достаточно. Недавно еще одно приобрел, - поделился радостью начальник, провел руками по моим плечам, погладил обнаженную шею...

По коже прошла волна мурашек, и стоило больших усилий сохранить на лице прежнее выражение.

- Очень за вас рада, - сухо сообщила я, поднимаясь. Игра, которую вел его светлость, порядком раздражала. Скорее всего, он и хотел вывести меня из равновесия, но демонстрировать, что ему это удалось... Не самое лучшее мое решение. - И раз у вас такие чудесные изменения в жизни, может, оставите меня в покое? Ну ваша светлость, что вам стоит? - сооротив самую жалобную рожицу, на которую была способна, попросила я. Только глаза злые были, не иначе.

- К сожалению, не могу, - отказался шеф. В отличие от меня, на его губах играла улыбка. Пусть печальная, но он все равно выглядел победителем, что не могло меня не раздражать. - Согласно нашему с вами договору, Майя, вы должны отработать еще более девяти лет под моим началом. Разумеется, за некоторые уступки с вашей стороны срок можно уменьшить.

- Не знаю, о чем вы, - быстро открестилась от перспективы быть стукачом. Своих сдавать - последнее дело для честного криминального элемента под стражей. Потом ни один уважающий себя работник темной стороны города меня в свой дом не пустит. А их услуги могли понадобиться в любой момент.

- Прискорбно, - притворно опечалился шеф. Обошел свой стол и уселся в любимом кресле. Вид за окном начал интересовать его больше, чем происходившее в кабинете.

- Я могу идти? - предположила и двинулась в сторону двери. Дернула ручку, но безрезультатно. Покинуть кабинет Дайрина без его на то позволения никому не суждено. - Что-то еще?

- Без веских причин территорию школы не покидать. За тобой будут присматривать. Если поймают...

Я поджала губы, демонстрируя свое отношение к «хвостам» из канцелярии.

- Или хотя бы заподозрят в противоправных действиях...

Недовольно прищурилась, поскольку подозрения зародить - мне и стараться не следует: и так подозрительнее некуда.

- ...срок твоей обязательной работы увеличится. В два раза за каждый случай.

- Я столько не проживу! - патетично всплеснула руками я, мысленно подсчитывая, скольких лет жизни будет стоить один несчастный пирожок.

Шеф усмехнулся. Его, кажется, одного не раздражало мое паясничание. Он наблюдал за ним как за забавным цирковым представлением, словно знал, что дела обстоят совсем не так. А меня это злило. Потому что мало кто из знакомых знал другую Майку. И уж тем более обидно, что среди них затесался его светлость.

- Господин Клерн поможет тебе собраться.

- Я и сама могу. Хотя если желаете приобщить своего служащего к дамскому белью... Или я чего-то о нем не знаю?

- Ты очень многого о нем не знаешь, - подтвердил начальник, но приказ отменять не стал.

Пришлось смириться и топать досаждать дворецкому. Чтобы он сам сбежал. Но то ли господин Клерн на меня обиделся, то ли получил инструкции от доброго и заботливого начальства, но он не ушел, пока не запечатал мою сумку какими-то неизвестными мне доселе чарами. Еще и предупредил, что все печати утром проверит, перед моим уходом. Чтобы я ничего лишнего не унесла. А я что? Пару вилок я уже припрятала, так что есть буду, может, и в столовой, но фамильным серебром начальства. Правда, были у меня подозрения, что Дайрин прекрасно осведомлен о моей выходке.

Дождавшись, пока дворецкий выйдет, оставляя меня в разгромленной, но уже чистой комнате, я вздохнула с облегчением. Съехала по стенке, убрала с лица волосы и, обняв колени, тихонько заплакала. Сложно. Как же сложно постоянно притворяться. Изображать из себя того, кем не являешься. И пусть я давно смирилась с пренебрежением в глазах окружающих, все равно иногда это корбило. Особенно если играть приходилось не за деньги.

Сползла по стеночке, глядя в потолок. Побеленный, с убитой мухой в углу. Наверное, она долго пыталась уклониться от карающей мухобойки, но кто же ей это позволит в доме, полном магов. Умерла. В один миг оказалась расплющена и вряд ли испытала удовлетворение, испортив до того кристально чистый потолок. Увидеть, как досадила противным людишкам, она уже не могла.

Но ничего. Завтра должно стать легче. Завтра будет школа и своя комната. Действительно своя, раз уж меня туда не сразу заселили начальственной волей. И можно будет расслабиться. Хотя бы там, хотя бы на пару часов. Расслабиться и подумать, куда и как бежать. От метки следовало избавиться - оборвать поводок и спрятаться. Можно даже не на острова - там в первую очередь искать станут. Просто уехать во второй по величине город страны - Аусвальд. Обосноваться там, если захочется, и поступить в... а хоть бы и туда.

Я расплылась в улыбке. Вряд ли шеф ожидает такой пакости. Значит, осталось только сбежать.

Занятия в школе начинались в восемь часов. А потому, не теряя зря времени, я забросила на плечи рюкзак со своими скромными пожитками и отправилась заселяться в общежитие. И пока сонные адепты бродили по коридорам в поисках еды и воды, я быстро разгрузила три своих платья в шкаф, составила две пары туфель и зимние ботинки в рядочек, бросила в тумбочку расческу, ссыпала на пол учебники и попробовала на мягкость кровать.

Во вторую ходку мне обещали дать с собой кастрюлю, но, чувствую, придется обходиться чашкой, ибо являться домой к любимому начальству не под конвоем искренне не хотелось. Правда, кто будет спрашивать мое мнение, когда на прощание мне на шею повесили маяк с телепортом. Как кулончик нагреется, лучше бежать в уединенные места, а то вырвет прямо из аудитории в кабинет Дайрина.

Мои барабанные перепонки испытал гонг, возвещая о пятнадцатиминутной готовности. Копотение в коридоре усилилось, кто-то уронил, судя по звукам, шкаф, разбилась одна ваза, захлопали двери - в общем, все начали собираться на пары. Пора было и мне идти.

Подняв из горки на полу нужные учебники, я бросила их в любимую сумку, спрятала в шкафу рюкзак и закрыла за собой дверь. На ключ. И волосок, чтоб наверняка. Должна же я знать, полезет кто-нибудь в мое отсутствие в комнату или нет. Уборка вменялась правилами проживания самому адепту, а значит, комнате предстояло быть моей и только моей. Теоретически. Правда, кровать в помещении стояла всего одна, да и та старая и скрипучая. Так что места для товарки в комнатке не было.

Следовательно, если кто-то высокопоставленный не подсуется, моими главными

проблемами останутся метка с поводком и кулончик «на память». И вот интересно, а не может эти три вещи случайно перемкнуть, как часто происходит с подобными чарами? Например, если зайти в банк. Там на входе все действовать перестает, даже косметические чары: абсолютно обезмаженное пространство. Самый сильный чародей там – ничто. Очень страшное ничто, ибо стареет и дряхлеет мгновенно. Потому и не ходят пожилые маги в банки: народ не пугают и морщины свои не демонстрируют.

Я брела по коридору, влившись в поток студентов. Хорошо, значит, можно зайти в банк, чтобы временно отключить все следилки. Но стоит покинуть его территорию, как снова засияю, как Искупительное древо в Огненную ночь. И ждать будут у каждого входа. Достать карту катакомб? А кто мне позволит там резвиться? Идти ночью – лучше сразу шефу магического вестника отправить. Если днем я еще могла как-то оказаться на улице после прямого запрета начальства (легенду, опять же, следовало поддерживать, а меня теоретически могли пригласить), то ночью...

А почему бы и не сходить ночью на свидание? Повод подходящий, в легенду вписывается, только ходить на ночное свидание в закрытое отделение Центрального банка... Никто не поверит, что это случайно произошло.

Я спустилась по ступенькам и запрокинула голову, наблюдая за приближающимися тучами. Погода радовала: точно с территории школы не выйду. А если вызовут – запрусь в туалете и буду грозу пережидать. Надо мне воду за шиворот схлопотать, да не из-за Сая Поганца, а от обычного дождя!

– О, Майке общежитие дали. За какие такие заслуги, чем расплачивалась? – лучезарно скалясь, прокомментировал мое приближение тот самый вышеупомянутый адепт.

Я не стала отвечать: что бы ни сказала – все равно услышала бы о себе нелестный комментарий. А так – пусть сам думает, как и чем. Может, мозгов прибавится, если начнет усердно тренироваться в постижении интересующих его задач. Шансов мало, но, говорят, и человек от пустынной макаки произошел когда-то. Или у эльфов что-то сорвалось, и бедную обезьянку нехило шибануло неизвестной современной науке волшебной. Эльфы до сих пор этот факт замалчивают, но относятся к людям как... к той самой обезьянке. А мы шкодим помаленьку. По старой памяти, не иначе.

Саю мое молчание не понравилось: прямо взбесился весь, пятнами пошел. Ну и ладно. Пусть ему слуги отвечают «да, господин», «нет, ваша светлость», а я отчитываться не обязана. Мне не за это платят. Правда, мне вообще не платят – так, на расходы дают, но это не повод делать лишнюю работу. Язык и так трудится не покладая кончика своего. Наверняка опять вызовут отвечать, а я еще и без домашнего задания: то ли Маджери не сделал, то ли господин Клерн не передал. От последнего, как и от первого, можно ожидать любой пакости.

– Майка! – угрожающе окликнул он, преграждая мне дорогу.

А я как будто собиралась в первых рядах лезть на лекцию замдекана по «Теории левитации». Практику нам пока не доверяли. И правильно, я вам скажу, делали. Когда я впервые левитировала, нос разбила. Не свой, конечно, однако профиль коллеги после этого обрел слегка иные черты. Более правильные, но все равно парень не переставал припоминать мне этот случай.

– Ваша светлость, у вас не хватает одежды? – насмешливо осведомился кто-то, останавливаясь за моей спиной.

А у меня дыхание перехватило. Не может такого быть. Просто не может. Нет, нельзя удивляться. Может, они только этого и ждут. Но если я не ошиблась... Так вот зачем меня сюда впихнули. Это не задание – это опознание. Проверяют свои подозрения, а кто-то следит. Не может не следить. И прямо сейчас тоже смотрят. Только кто...

– Хватает, – недовольно буркнул блондин и... замолчал, отходя в сторону.

А я обернулась, чтобы посмотреть на своего защитника и друга. О последнем обстоятельстве, правда, никому знать и не полагалось. Я бы и сама его не узнала, если бы не голос. Меньше всего вмешавшийся в нашу разборку адепт, староста, судя по значку, походил на моего приятеля и подельника. Темноволосый, одетый с иголочки

молодой человек с правильными чертами лица и особенно носом, в отглаженной форме и без сумки. С военной выправкой, которую он и не скрывал. Это что же получается...

– Спасибо.

Потупившись, как будто внезапная забота смутила меня до глубины души, я внимательно взглянула на пальцы Райда. Ага, нужно встретиться и поговорить. Найдет меня сам. С территории не уходить.

– Не за что. Не люблю, когда обижают таких очаровательных леди, – отвесил мне комплимент «некто». Его официального имени я не знала, а потому лучше и прозвище не вспоминать.

Я зарделась. Даже вполне себе натурально. Вспомнила поползновения шефа и... Лучше бы не вспоминала. С красными щеками злой взгляд не слишком хорошо сочетается.

Райд быстро прошел мимо, а однокурсники первый раз за все время знакомства обступили меня с интересом, не граничившим с брезгливостью. Видно, друг был известен в этой школе: все же старостой потока так просто не становились.

– Что он тебе сказал? – Любопытство победило нежелание опускаться до уровня простой горожанки, за которую меня усердно выдавали.

– Назвал очаровательной, – хмыкнула я, отмечая, как играют желваки на щеках прекрасных дам.

Ясно, друга успели присвоить. И когда только? Я его в стенах школы первый раз видела, а у окружающих уже мнение о нем имелось.

– А это кто? – провожая взглядом Нерыжего НеРайда, спросила я, пользуясь задержкой преподавателя.

– Себастьян Роуг, – с придыханием ответила одна из дев, нежно скалясь на дверь, за которой скрылся бедняга Райд. – Учится здесь с прошлого года. Перевелся из Аусвальдской Военной Академии. Говорят, его уже даже на работу взяли. Туда, – многозначительно закончила блондинка.

– Куда туда? – заинтересованно переспросила я, пытаюсь узнать о маске напарника побольше.

Это что же получается: не одной мне пришла идея затеряться среди гиен и в собственной травле поучаствовать? Райд уже так пару лет скрывается? И неплохо выходит, если его на работу «туда» берут. О том, какое место принято называть «тем», я догадывалась. Ибо упоминать всуе любое начальство и места его обитания считалось плохой приметой не только в криминальной среде. Любой с виду добропорядочный гражданин не желал привлекать внимание его светлости, поскольку сохранить свое доброе имя после подобных столкновений еще никому не удавалось.

Нет, Райд определенно хорошо устроился. Пока меня сюда не забросили. Ведь его ищут и, раз уж меня сюда отправили, подозревают именно здешние просторы... Нехорошо, ой, нехорошо. Соседние камеры – это, конечно, прекрасно, но лучше уж соседние гамаки где-нибудь под пальмами.

– Туда! – выразительно пялясь в сторону, ответила дева.

Я проследила за ее взглядом и обнаружила лишь дверь туалета вдалеке. Многозначительно ухмыльнулась, но сообщить собеседнице о ее просчете не успела. Позади нас раздался холодный голос:

– Леди Мэрибель, если вам необходимо припудрить носик, настоятельно рекомендую сделать это прямо сейчас.

Судя по шепоткам, нас навестил лорд Астарн – специалист высшей категории, маг с мировым именем (даже я его слышала!) и просто очень противный мужчина, в коего была влюблена вся женская часть Высшей Таринской. По крайней мере, даже мне нравилось смотреть, как мерно покачивается на его шее кулон стоимостью в два

особняк моего непосредственного начальника и как четко проступают мышцы под зачарованной от проклятий рубашкой.

– Заходим, – распорядился его светлость и отступил на шаг, пропуская адептов в аудиторию. Лекция была потоковая, и набилось нас... А вот все и набились, кто в списке был. Лорд Астарн прогулов не любил, хоть и игнорировал. На лекциях. А вот на практических, говорят, так гонял, что плохо делалось.

Я молча засела на галерке, открыла тетрадку, приготовила перо с чернилами и вздохнула. Скучно мне было на теории левитации. Хотелось уже полетать хоть немного. Но первый курс – кому тут летать? Разве что с крыши после дружеского пинка в спину. И не признаешься ведь, что уже больше пяти лет налетала, причем в таких местах, куда лучше вообще не соваться. Ошибешься – прах в совочек сметут и вынесут.

– Три последних ряда встали и пересели вперед, – приказал милорд преподаватель, останавливаясь за кафедрой.

Те, кто побыстрее, рванули «вперед» и заняли пустующие места в третьем-четвертом ряду. Остальным, и мне в том числе, пришлось садиться ближе к преподавателю. И, конечно, традиционное счастливое место ожидало именно меня. Как и внимательный взгляд лорда Астарна, устремленный в район моей шеи.

Я тяжело вздохнула и уткнулась в тетрадь. Хорошо еще, что это первая пара теории, иначе меня поймали бы на злостной экономии чернил и конспектов.

Удостоверившись, что все места спереди заняты, лорд принялся диктовать. Пришлось скрипеть пером под его внимательным немигающим взглядом. И как будто мне это нужно было, его внимание. Хорошо еще, что девы, помня о нашей «любви» с лордом Трэмблом, не приняли интерес преподавателя за нечто противоречащее их планам. Иначе... не хотелось бы весь день противоядия делать, а неопытный отравитель – хуже профессионала, никогда не знаешь, где он перепутал и в каких масштабах. Сама такой была.

В скрипучей тишине, нарушить которую решался лишь его светлость, мы писали конспект и рисовали графики. Вот вам и левитация – физика сплошная. Формула на формуле. Как будто думаешь о них, когда падаешь с центральной башни княжеской резиденции Трансваев. И хорошо, что не думаешь. А то пока силу высчитаешь и векторы в голове нарисуешь, навсегда с землей сроднишься... до практики допускались лишь лица, прошедшие теоретический курс и знающие, что бывает с храбро-глупыми недоучками.

Мы целых три картинки нарисовали, призванных наглядно продемонстрировать судьбу храбрецов. У меня почему-то вышло очень однобоко: клякса, клякса и клякса. А ведь со всем старанием с доски перерисовывала.

– На сегодня все, – оборвал арию скрипучих перьев лорд Астарн. – Продолжим в следующий раз. Вы, – он ткнул в меня, – задержитесь.

Я тяжело вздохнула: опять начинается. А следующая пара – у Трэмбла. Опоздаю – и голову с плеч. Вот уж везет так везет.

– Представьтесь, – дождавшись, пока все любознательные и рассеянные покинут аудиторию, приказал его светлость, усаживаясь на край стола.

– Майя Дашан, – хмуро озвучила я название своей легенды.

– И что же вы у нас забыли, *Майя Дашан*? – усмехнулся маг, особенно выделив мое имя. Еще один менталист на мою голову или... Ох ты ж. Его светлость – один из сильнейших магов, а значит, ему и метку видно, и поводок. И спорю, знает он, к кому ведет моя удавка и кому позволено за нее дергать. И раз уж увидел, потом не скажешь, что ее и не было.

– Высшее образование, судя по профилю учреждения, – хмыкнула я, пожимая плечами и тоскливо пялясь на приоткрытую дверь. – Один очень настойчивый господин, известный в определенных кругах, настоятельно рекомендовал мне поступить на первый курс сего достойного учебного заведения. Как вы понимаете, отказать ему было не в моих силах.

Губы лорда тронула понимающая улыбка.

- И надолго вы к нам?

- Пока сей восхитительный господин не изменит своего мнения. И *не порекомендует* мне что-либо еще. Увы, я не могу пренебречь его *советами*.

- Что ж... пожалуй, я обсужу с ним лично ваше присутствие на моих занятиях.

- Лучше отсутствие, - забросила удочку я.

Маг усмехнулся, погрозил мне пальцем - дескать, и без вас, дорогая студентка, разберемся - и ушел порталом. Судя по обоям на стенах, ждать мне очередной головомойки от шефа, ибо такой неповторимо болотный цвет с подпалиной на центральном куске ничего хорошего гадателю не предвещает... И вот как после этого уважать и преклоняться перед отечественной аристократией? Одни проблемы от них - и все на меня сыплются.

Тяжело вздохнув, я поплелась к любимому преподавателю. Ради разнообразия - успела и даже заняла местечко в третьем ряду. Его мне оставили впечатленные похвалой Райда девушки.

Кажется, я начинала обрастать знакомствами. По крайней мере, Лиди, Таши и Иви пожелали со мной дружить и зазвали на чай в общежитие. В комнату Лиди, которая была на платном, а потому получила помещение без лишних проволочек.

Пообещав зайти сразу после подработки, я без лишних слов (их и без меня в этой компании хватало) вписалась в женскую компанию. И стоило милейшему лорду поинтересоваться, сделала ли я домашнее задание, тетрадка с готовыми ответами как по волшебству оказалась передо мной.

Я с благодарностью кивнула Иви, но та только отмахнулась. Надо будет к чаю что-нибудь сладкое принести.

Положительные свойства существования в компании продолжились и на следующей паре, когда девочки, не сговариваясь, поделились с растеряшей зельями. На самом деле, конечно, ничего я не теряла: мне просто никто не дал ингредиентов. Даже после предъявления подписанного и заверенного школьной печатью списка. Любимое начальство вздохнуло, посмотрело на нормы и выяснило, что с одной парой меня не выгонят, а давать в руки злостной рецидивистке ключ к свободе...

Но даже им не удалось испортить мне жизнь. Практику одолжили девочки, а теорию... теорию я знала не понаслышке, а потому, едва господин Заран начал опрос, моя рука не опускалась, как и голос не замолкал. И пусть почти вся аудитория под конец пары смотрела на меня как на матерого отравителя, мне было абсолютно все равно. Я была счастлива: хоть где-то я не была дура-дурой, а шеф... вот пусть сам и строит из себя сельскую дурочку. Хотя дурочка бы не поступила своими силами - только по протекции, а моего спонсора в школе не видели.

- Задержитесь, - второй раз за день попросили меня. Только сейчас в голосе прозвучал неподдельный интерес.

- До встречи, - шепнула я девочкам.

Те быстро кивнули и поспешили скрыться. Смотрели они на меня с еще большим сочувствием, чем когда лорд Трэмбл пытался доказать, что домашку делала не я.

- Майя Дашан? - сверившись со списком и убедившись, что высший балл поставлен нужному человеку, спросил мужчина.

К моей величайшей радости, он не был блондином, начальником тайной канцелярии и вообще лордом. Зато у него на манжете был приколот знак почетного члена Ордена Арли - континентального объединения выдающихся отравит... зельеваров нашего времени.

- Все правильно, - кивнула я, радуясь, что раньше с Зараном не пересекалась, а значит,

ему не за что мне мстить.

– Адептка Дашан, Майя... – Я ощутило напряглась, услышав начало речи нелорда. Не хватало еще, чтобы и он был чересчур любознательным. Особенно в вопросах женской анатомии и всякого рода меток. – Вы занимались раньше составлением зелий? – издалека начал зельевар.

– Приходилось, – осторожно ответила я, мысленно помечая вписать данное обстоятельство в легенду. Допустим, помогала аптекарю в детстве, или мать была травницей. Об истинной природе моих знаний господину Зарану лучше не знать, а то окажется, что я у него что-нибудь увела в пылу острой необходимости... А ведь только порадовалась, что не встречались раньше.

– Полагаю, довольно часто, – усмехнулся собеседник.

Он не выходил из-за своего стола, на котором стояли три колбы с разноцветными жидкостями. Но кто в великом деле изготовления ядов верит цвету? Морковкой подкрасил и в путь, будет «зело полезное зелье» вместо «отравы редкостной».

– Мне сложно судить, – пожала плечами. И подошла поближе. Любопытство все же порок, не поддающийся искоренению даже методом постоянных столкновений со стражей.

– Опознаете? – преподаватель указал на каждое из трех зелий.

– Они не для первого курса, – догадалась я, делая шаг вперед. Нюхать химикаты, склонившись над ними, я не собиралась, но вот чуть направить в свою сторону ветерок...

Да быть не может! Полный удивления взгляд мне скрыть не удалось. Заран ласково улыбнулся и отодвинул бутылку подальше. А я... Но это двадцать лет тюрьмы за изготовление и десять за хранение. Да что здесь вообще за школа такая?!

– Узнали. – Мужчина кивнул сам себе, и улыбка стала до того искренней, что где-то за его спиной мне замаячил профиль графа. Или еще лучше – лично лорда Аскелира. Вот уж о ком слухов ходило больше, чем о любимом шефе. Отравитель на службе у короны.

– Вы понимаете, что это нарушение закона? – осторожно и крайне тихо поинтересовалась я.

– В большинстве случаев – да, – спокойно согласился преподаватель.

– А сейчас не такой случай? – уточнила я, нехорошо косясь на собеседника. Сомнений в том, что беседа будет иметь продолжение, не оставалось.

– Нет, – легко подтвердил господин Заран. – Полагаю, и у вас особые отношения с канцелярией, раз уж вы опознали «Шутку Альвенуса». Приходилось сталкиваться или варили?

– Простите, но мне пора на работу, – ушла от ответа я.

– Подрабатываете? И где же, позвольте поинтересоваться?

– Здесь, – буркнула раздраженно. – У мадам Гельтруды. Помогаю с бумагами. Можете его светлости так и передать. И, раз уж у вас с ним тоже особые отношения, полагаю, на ваш предмет мне можно не ходить. Так уж вышло, что мне запрещено брать в руки даже набор юного зельевара.

– Под присмотром – разрешено.

– Под присмотром – неинтересно, – открестилась я от перспективы совершения незаконных деяний под носом у шефа.

Ведь стоит совершить что-нибудь противоправное, и я тут же схлопочу увеличение срока. И я не я, если меня не будут на этом ловить. Так что без письменного позволения, заверенного императорской печатью и подписанного лично его высочеством Магнусом, я палец о палец не ударю. Даже если любимое начальство изволит отравиться. Впрочем,

поймать меня на помощи отравителям также не удастся.

– Что ж, в таком случае...

Господин Заран выдержал паузу, но продолжать не стал. Вместо этого сунул мне в руку прямоугольную картонку без всяких надписей и ушел порталом.

Я вздохнула: все страньше и страньше. Не школа, а какой-то рассадник криминальных и околориминальных личностей. Разговор с Райдом становился все более насущной необходимостью. Он-то должен уже разобраться в ситуации: за ним его светлость не приглядывает и любимого секретаря не посылает проверять.

Извинившись за опоздание перед мадам Гельтрудой, я уселась за знакомый стол и приступила к привычной секретарской работе: заполнению и созданию всякого рода отчетной документации. Один из экземпляров которой, судя по адресу, ехал прямо в секретариат тайной службы. Видимо, будущие кадры заранее ищут.

С мстительным удовольствием слегка приукрасила свое личное дело, чтоб Маджери было интересно читать, а то придет ему его же собственное сочинение... А так хоть посмеется... Если, конечно, чувство юмора они не сдают сразу по приходе на работу.

Отпустили меня спустя четыре часа, разрешенные для работы студентов. Конечно, будь моя подработка где-нибудь в Верхнем городе или, напротив, в трущобах, на время никто бы внимания не обратил. Но мадам Гельтруда была не почетным рабовладельцем и чтит законы.

До первой законной зарплаты на новом месте оставалось еще три дня. Почему так мало? Мадам обещала выдавать деньги лично мне в конце каждой отработанной недели, поскольку необходимость в помощниках не была постоянной.

Рука нашарила пустой картонный прямоугольник в кармашке сумки. Ничего, вечером выберусь в лаборатории и узнаю, что же написал мне господин Заран. Или у Райда спрошу, как только он меня найдет. А с поисками он не торопился: я успела поужинать в столовой, которая работала лишь для заселившихся в общежитие, и выпить чаю с девочками. Конечно, обсуждали Его. К сожалению, не прожиточный минимум, как я ни пыталась перевести разговор, а банальный предстоящий бал первогодок.

Сие мероприятие, посвященное пополнению в рядах студентов, традиционно проходило на территории летней резиденции князя Альверанского. Нынешний князь хотел, по слухам, перенести празднование куда-то еще, но ему ткнули под нос договор между школой и его пра-пра-пра, и нынешнему хозяину Альверана пришлось в очередной раз согласиться на толпу пьяных студентов в своем доме. Была бы князем – спалила бы к демонам резиденцию, построила бы новую и подала прошение на смену адреса. И пусть маги сколько угодно своими бумажками тыкают!

Размышляя над превратностями судьбы, заставляющими аристократов прогибаться под совет магов и лично его императорское величество, я едва успела затормозить у выхода на балкон. Там, вперив взгляд в горизонт, наслаждался вечерней промозглой погодой Райд.

Услышав мои шаги, он приглашающе кивнул.

– Добрый вечер, – поздоровалась я, жестами уточняя, можно ли говорить, и показывая на кулон.

Райд присмотрелся, подумал пару минут и снова кивнул.

– Что здесь происходит?! – не выдержала я, перебираясь через перила и усаживаясь. Теперь если подтолкнуть меня в спину – полечу, гордо рея над внутренним двориком.

– Ничего хорошего, – поморщился приятель. Он не стал садиться на перила, лишь слегка оперся, оставаясь лицом к зданию. – Тебя прижали?

– Сделали предложение, от которого я не смогла отказаться, – развела я руками. – Его высочество умеет уговаривать. Даже без палача обошлись. Я, признаться, ожидала с ним свидания, уж слишком Маджери зол был.

– Маджери всегда зол, – поморщился друг. И, поймав мой взгляд, пояснил: – Как ты вскоре узнаешь, я состою на службе в тайной канцелярии.

– И давно?

– Больше года, – усмехнулся приятель. – Остался после практики. Деньги неплохие, первым на месте преступления оказываешься, можно кое-что не заметить и случайно испортить...

– Полно преимуществ, – подытожила я. – Ты знаешь, как метку снять?

– Кто ставил и на кого?

– Любимое начальство. Наше. И на принца завязали.

Райд выругался. Видимо, кандидатура принца не вселяла оптимизма. Да уж, тут обычным шантажом не отделаешься – пришьют покушение на наследника короны и демоны знают что еще. Вот куда палец Маджери тыкнет, то и запишут. А у личного помощника шефа пальцы кривые и длинные...

– Ладно, все равно выхода нет. Придется добавить пункт в требования.

– В какие требования?

– Наши. Кольцо я так и не отдал. На встречу явился – едва ноги унес. Повезло, что на знакомых напоролся. Сказал, тоже вызвали на подмогу. Всю ночь сам себя искал, а утром – на службу. Выговор за сонный вид получил. И штраф еще дать хотели.

Я сочувственно вздохнула. Только сочувствия в моем виде было совсем на доньшке. Мне-то каторга светила за наши художества, а не какой-то штраф.

– Значит, кольцо у тебя?

– Не при себе. Но – да.

– Заказчик?

– Отказался. Как только мы работу сделали – он исчез. За собой подчистил, так что посредник уже давно лежит и разлагается. Мне еще и закапывать пришлось, чтоб в морге место не занимал. Всегда мечтал работать в тайной службе, – хмыкнул напарник.

– И что теперь? Продадим его светлости?

– Верно, – расплылся в улыбке Райд. А у меня глаза на лоб полезли. – Не той светлости, – поспешил добавить друг. – Князю Альверанскому. Ему такой аргумент будет не лишним в предстоящем споре с его высочеством.

– Постой. Я уже ничего не понимаю. Давай с начала, – попросила я, массируя виски. Всё же выпала я из политики за это время. Требовалось время, чтобы вновь включиться в процесс.

– Рассказываю по порядку, – смирился Райд. – Князь Альверанский хочет выйти из-под власти его величества. Территориально для него это не слишком тяжело: основная часть земель граничит с Лайсаром, в состав которого он, видимо, и намерен вступить. Там всё же федерация, а не как у нас. Империю же такая потеря пошатнет.

– А разве из состава империи можно выйти?

– Князь Альверанский – может. Они вступали в состав Тарина еще до имперских времен, и в условиях четко прописан их возможный выход из состава королевства. Альверанские земли всегда были автономией, только два поколения назад они потеряли этот статус. И нынешний глава семьи печалится из-за этого обстоятельства.

– А мы тут при чем?

– Просила же с начала, – покачал головой друг, но перешел ближе к интересующей меня теме: – Мы с тобой попали между этими двумя. Скажем, тот предмет, который мы

позаимствовали... Заявить, что он был украден, – похоронить репутацию императорского дома. Не заявить – значит, все заверенные с его помощью документы являются истинными. Князь уже год не может получить согласие императора. Его величество игнорирует бывшего друга, так как при личной встрече он будет обязан удовлетворить прошение его светлости. Князю в свою очередь необходимо поставить в известность его величество о выходе его земель из состава империи и получить оттиск императорской печати. Можно не большой, какую на дипломатические документы ставят, хватит и...

– ...малой, личной, которая есть у его величества, его наследника и кого-нибудь из доверенных лиц. Мы же не ее потянули?.. – с надеждой уточнила я, хотя понимала, что тщетно.

– Ее, – вздохнул Райд. – И ведь ни одна собака не предупредила, что его высочество любит в одном предмете пару функций совмещать.

– То есть крали мы всё же не печать?

– Нет, крали охранный артефакт. А как оказалось...

– Мы в заднице, – оптимистично заявила я, поворачиваясь и спрыгивая на балкон. – И что делать будем? Магнус, видимо, папочке ничего не сказал, раз тайно ищут. Или сказал, а тот посоветовал молчать. Но стоит им узнать – и необходимость в нас исчезнет. И, Райд, это все равно не объясняет, почему меня не сводили на свидание и не спросили «настойчиво»?

– Майя... – Райд вздохнул и серьезно спросил: – Что ты знаешь о своих родителях?

– Вот только не говори, что моя матушка согрешила с кем-нибудь из великих, – взмолилась я. – Это пошло!

– Промолчу. Вряд ли матушка, но кто-нибудь постарше мог. Так что ты, моя радость, седьмая вода на киселе, но вода интересная.

– Какая есть. А с чего ты вообще решил?..

– Руки не обжигала? – вкрадчиво уточнил Райд.

– Нет.

На всякий случай убедилась в этом. Но никаких ожогов или их следов на моих ладонях не было.

– А у меня есть. И это я пару секунд печатку подержал, через перчатки. А тебя печать не покарала, значит, право имеешь. И, полагаю, его высочеству и его светлости очень интересно, откуда у тебя это право взялось. Для артефактов, подобных печати, это или кровь, или разрешение кого-то, кто к этой крови принадлежит. Не знаешь таких?

– Нет, – буркнула я, понимая, что драпать придется еще быстрее и еще дальше.

– Не огорчайся так. Сама подумай, если бы не это – стояла бы ты сейчас тут? После таких дел нужно карьеру заканчивать и на дно ложиться, иначе долго не проживешь. А ты попалась. Что не удивительно, учитывая, кто был заинтересован в твоей поимке и проверке родословной. Так что, Майя, сходи в храм и свечку поставь покровителю. Он тебя, конечно, втянул в переплет, но и вытащил из беды.

– Или только усугубил, – потирая шею, пробормотала я. – Может, меня только потому и поймали, что столько сил приложили. Ты же на свободе остался.

– В рабстве, – хмыкнул парень. – Трудовом. Знаешь, какой у меня контракт? Двухлетний, без права расторжения с моей стороны.

– У меня десятилетний. С полным пансионом и надзором первых лиц страны, – не смогла смолчать я. – И я бы хотела его досрочно разорвать. Ты учитывай, когда с князем будешь разговаривать.

– Учту. Если я буду с ним разговаривать.

- А есть варианты? Мне покидать территорию запрещено – хвост будет в лучшем случае. В худшем – фантазия у Маджери... страдает. И я не хочу рисковать, пытаюсь выяснить, какой пункт из уложения он применит, возвращая беглого каторжника в места заключения.

- Не применит, – уверенно заявил Райд. – Если ты действительно родня императору, тебе дадут новое имя и выдадут замуж. За того же Маджери, если проявит себя.

Меня перекосило. То ли от «замуж», то ли от уточнения кандидатуры жениха. Сложно судить: оба факта были для меня равно неприятны. Хотя если быстро стать вдовой... Пожалуй, рассмотреть варианты можно.

- И зачем я им?

- Май, ну сама подумай, – Райд вздохнул. – Покушения на императорскую семью дело хоть и хлопотное, но обычное. Двойников не напасешься, да еще таких, на которых реагировали бы семейные артефакты. А ни тебя, ни твоих детей и внуков жалко им не будет. Кто ты и кто они? Даже если и родня, смысл властью делиться?

- Знаешь, – поморщилась, – я, пожалуй, хочу сменить подданство. Не в курсе, князю случайно не нужна горничная там? Или на кухню кто-нибудь? Слуги же автоматически подданство сменяют, если не пожелают уехать в трехдневный срок?

- Сменяют, – подтвердил Райд.

А я усиленно соображала. Теперь в выходе княжества из состава империи я была заинтересована кровно. И лучше ему поспособствовать, пока на десять лет не упекли и за Маджери не выдали. Это, конечно, неэтично, но кто меня спрашивать будет, если в стране есть император, и его воля – последняя инстанция? На богов всё же надеяться не приходится: отчисления я им делала редко и только избранным кандидатам.

- Ты сказал, что вести переговоры, возможно, придется мне. Почему ты решил, что это удастся повернуть? – уточнила я. Вряд ли Райд говорил бы голословно, а значит, знает больше, чем успел рассказать.

- Посвящение первого курса традиционно проходит в резиденции князя Альверанского. Тебя зачислили именно на первый, хотя могли записать на любой волей его светлости. Даже диплом выдать, проставив тебе любые оценки. Но отправили на первый и, судя по любви окружающих, заставили сдавать самостоятельно, не открывая имен твоих «покровителей»?

- Угу, тяжкое время, ночная зубрежка...

- После пожуешься, – отмахнулся приятель. – Дело важнее. Итак, тебя отправляют на первый курс, задания еще не дали?

Я отрицательно качнула головой.

- Значит, дадут перед самым мероприятием или уже на нем. Чтобы никто лишний не услышал и сам князь не заподозрил неладное.

- У меня метка.

- Если захотят, чтобы ты туда шла, – снимут. Кочевряжься до последнего, не соглашайся на задание... Упирайся и убеждай в полной неадекватности. Ты это умеешь.

Я хмыкнула.

- В общем, веги себя естественно и непринужденно. Торгуйся, клянчи, упирайся руками и ногами, – продолжал инструктаж Райд. Как ему удавалось сохранять невозмутимое выражение лица, я бы очень хотела знать, но, наверное, это профессиональная тайна. – Специалистов твоего уровня там не будет. Альверанский не пустит никого: он почти всех столичных деятелей в лицо знает или по ауре. А мы с тобой работали не здесь – люди новые. Поэтому я и думаю, что пошлют именно тебя.

- И что им от князя нужно? Что я такого могу им добыть, чего у них нет?

– А вот это уже не моего уровня допуска дело, что у него есть, а чего нет, – фыркнул Райд, отчего я поняла, что приятель догадывается, но говорить не хочет. – Сама подумай, что может понадобиться его светлости, чтобы засвидетельствовать свое решение.

– Только не говори, что теперь нам придется его печать тянуть?

– Вероятно, именно это тебе и предложат. И заставят взять контракт. По всем правилам. Они их не лучше нас знают. Советую не отказываться.

– Но если я контракт возьму – выполнять придется. А без печати... Останусь я всё с теми же десятью годами плюс сколько мне еще накинут за кражу имущества подданного короны.

– А разве кража обязательно заканчивается передачей товара заказчику? Бывают же, – Райд тонко улыбнулся, – обстоятельства непреодолимой силы.

Я понимающе улыбнулась: кажется, жизнь начала налаживаться.

Утро нового дня уже не было таким ужасным, как предыдущее. Все же надежда – вещь хорошая, но план – куда лучше. А состоял он в следующем: дождаться, пока любимое начальство привлечет меня к «неожиданному» делу, всеми правдами и неправдами заставить их навязать его мне, а потом... На потом у меня были такие выдающиеся планы, обсуждать которые я не рисковала даже с собой. Вдруг кто-то заметит абсолютно счастливую рожицу и догадается. Нет, так себя вести – первый путь к провалу.

Сверившись с зеркалом и убедившись, что лицо меня не выдает, я отправилась на теоретическую каторгу, которая завершалась сегодня уроком черчения от несравненной мисс Моники, имевшей на меня всю свою невставную челюсть.

Только вот зря она так. Я бросила быстрый и недовольный взгляд на чертеж, который мне выдали для копирования. Подставить решила – не иначе. Работа пусть и не зачетная, но важная, на рейтинг влияет, а простой студент-первокурсник вряд ли скопирует магическую матрицу охранного артефакта третьей степени. Для этого опыт нужен, навык, зудящие запястья и вымазанная в чернилах мордочка. И не по одному разу.

– Госпожа Моника? – Я жалобно вытянула вверх руку.

Преподавательница удовлетворенно фыркнула и сделала вид, что не услышала. Группа разделилась: более либеральная часть сочувствовала мне, другая наслаждалась зрелищем. Еще бы, им она дала задания первого класса начальной школы. Почти все уже справились, а я...

Я с тоской уставилась на свой макет. Остаться после занятий и отрабатывать, если, конечно, мне позволят, значило остаться без платы за подработку. Вряд ли мадам Гельтруда согласится ждать, пока я буду неумеху-первокурсницу изображать.

Мстительно решив, что за провал легенды о Майке-неудачнице накажут саму мисс Монику, я испытала необъяснимое удовлетворение, как будто любовница шефа вызывала во мне какие-то чувства. Тряхнув головой, я отбросила глупые мысли подальше вместе с карандашом и линейкой. Последние я терять не хотела, но так уж получилось.

Нырнув под парту, я увидела совсем не то, что ожидала. Ни срамных надписей, ни подтеков чернил, которые студенты вытирают об стол, пока не видит преподаватель, – ничего такого под партой не было. Зато был вид. Вид на руки коллег, которые, судя по движениям, делали ставки.

– Иви, – шепнула я соседке, – за меня или против?

– Против, – смущенно ответила она.

– На меня поставь, серебряный.

– Он у тебя есть? – удивленно спросила девушка больше из тревоги за меня, чем из недоверия.

– Есть. Ставь. А я пока... порисую.

Вынырнув из-под стола и водрузив на стол карандаш и линейку, я приступила к работе. Да, в порядочных учреждениях не учили бегать вокруг стола с высунутым языком, растушевывать карандаш ладонью и поминать нехорошими словами (про себя, конечно) всех демонов бездны. Не учили там и быстро запоминать, чтоб еще быстрее копировать, пока стража не уволокла в участок и не поинтересовалась, чем таким ты занята нехорошим.

Я так попала лишь однажды, но крупный рогатый скот и продукты его жизнедеятельности до сих ненавижу. Не могли, что ли, отправить градоправителю сапоги чистить? Пользы столько же, а мне приятно – на прощание бы что-нибудь позаимствовала, все равно из города смываться пришлось.

– Готово! – за пять минут до конца пары выдала я и утерла пот со лба. Манжета белоснежной блузки успела сменить цвет, но зато свое честное имя я отстояла. И законное время на подработку.

Мисс Моника недовольно просеменила ко мне и остановилась у стола. По мере сверки лицо ее приобретало все больше сходства с портретами аристократок. У тех почему-то было принято или белить лицо до состояния мраморной маски, или, напротив, румянить так, что леди хотелось к целителю отправить. Мисс Монике удавалось совмещать оба варианта. Из любви к искусству, верно, коему она посвятила всю свою жизнь.

– Неплохо, зачтено, – наконец выдавила она. – Но потрудитесь больше не пачкать стол.

– Обязательно, – клятвенно заверила я и победно оглядела присутствующих. Кислые лица большинства моих соучеников указывали на мой примерный выигрыш. И если все так, то до посвящения я могу не появляться на пороге у шефа в поисках денег.

Я – могу, а вот шеф, услышав о моем самоуправстве, подумал иначе и вызвал на ковер отчитываться. Именно от него мне пришла записочка с требованием ровно в тот момент, когда довольная и счастливая я выходила с подработки. Мальчишка-курьер, почему ты оказался такой ответственный? Не мог потерять послание по дороге и не тыкать мой нос в него, снимая слепок ауры? Теперь так просто от разговора не уйдешь. Даже если сломать ногу, придется ползти на встречу. А не то...

Рука сама почесала шею. Вспомнилась песенка пирата: *«Хорошо висеть на рее в жаркий день, но уж лучше бы в долине Ар-Вер-Трей...»*

Вздохнув, я пообещала себе хоть на недельку вырваться в Вер-Трей, как только наше с Райдом предприятие увенчается успехом. О провале я предпочитала не думать: так и накликать недолго. Вот как я – любимого шефа в этой истории с деньгами. Правда, если он думал, что я не найду решения...

Губы расплылись в многозначительной ухмылке, а спустя некоторое время руки уже стучались в дверь комнаты Лиди, где вечерами заседали все три девочки, вздыхая над конспектами и добытыми нечестным трудом рисунками принцевого профиля. Даже я им один подложила. С кривым носом и тонкими губами. Не все же им на виконта Дарского любоваться, профиль коего куда популярнее его высочества Магнуса и расходится быстрее.

– Вечера! – отчиталась о времени суток я. Плюхнулась рядом с хозяйкой комнаты, заглянула ей через плечо и закономерно уткнулась глазами в виконта Дарского.

Даже жаль просвещать мечтательниц о личности объекта их истинной страсти. И не потому, что за авторитет принца радею, а потому, что виконту ныне двести пятый год пошел, и пусть он и маг, но вряд ли девушек устроит женатый мужчина с четырьмя детьми и двенадцатью внуками. Да и профиль его с тех пор, когда его зарисовали, слегка изменился. Округлился, раздулся, нос, опять же, пару раз сломался в передрыгах. В общем, лишние это знания для юных дев. Лишние. Сама печалилась, когда виконта вживую увидела.

– Майя, а где ты так научилась? – не справившись с любопытством, рискнула спросить Таши. Вопрос был понятен, все же я явилась к ним с мешочком выигрыша.

- Чертить? Помогала старшим, когда просили, – пожала плечами.

И даже не соврала. Старшим с черчением и рисованием в целом я действительно помогала. Но называть имена этих старших... Боюсь, девушки могут заметить их портреты в весьма неожиданных местах. Конечно, почетно смотреть на главную площадь со столба в центре, но хочется же и личной жизни! А ею до нового сезона вряд ли удастся насладиться. Разве что конкуренты подсуеются и выше головы прыгнут. Но ждать от них такого... Когда надо – не почешутся, а когда совсем не ждешь – только и успевай ноги уносить, если в одном месте пересечетесь.

- Понятно... – пробормотала Таши.

- Научитесь, – вдохновенно заявила я и ободряюще улыбнулась: – Дело несложное, а вы терпеливые. Или скажете, не сами носовые платки вышивали? – Девушки смущенно потупились. – Я вот вышивать не умею и даже учиться не стану: три стежка – три дырки. А пальцы мне пока целые нужны.

«Особенно если к князю в дом лезть», – мысленно добавила я, воровато обернувшись, но менталистов вроде рядом не было.

- И как ты только до своих лет дожила?! – печально и сочувственно, без капли иронии или издевки, как получалось только у нее, вздохнула Лиди.

- По стечению обстоятельств, – фыркнула я и перешла к делу: – Дорогие леди, – девушки слаженно хихикнули, – не оставьте без помощи.

Троица настороженно замерла, молча внимая.

- Присмотрите, пожалуйста, за мешочком. А то боюсь, до своей комнаты не дойду. Там Сай на лестнице пост устроил, а он меня... любит.

- Он тебя и правда любит, – без тени насмешки заметила Таши.

- Издеваешься? – Я устало взглянула на нее. – Вода за шиворот, подколки...

- А как иначе? – Девушка печально развела руками. – Сай – аристократ, и его девушка должна быть аристократкой. А он как на тебя посмотрит, так и бесится от бессилия. Он же тебя еще на первом экзамене заметил, после второго подошел представиться, а ты мимо него промчалась и даже не взглянула. Он старался, лучший свой костюм доставал, полсклянки духов на себя вылил...

- Так это от него так несло? – припомнила я второй день экзамена и удушливый аромат чьих-то духов. Как я ни старалась уйти подальше от этого запаха, он будто меня преследовал.

- От него. – Иви прикрыла наморщенный носик ладошкой. – Все еще ждали, ради кого он так расстарался. Его на следующий день на балу у графини Аверлин весь вечер изводили.

- Вот оно как...

- Да. Он думал, что ты его хотя бы запомнила, а ты и здесь игнорировала. Он страдает...

- А я нет? – припомнив, сколько гадостей сделал мне Сай, резонно спросила я. – Подножки, вода за шиворот, левитация обеда, незапланированное открытие форточек, лягушка мне в сумку... Я все понимаю, но чем ему бедное земноводное не угодило?

При упоминании о бедняжке девушки слаженно скривились. Да уж, не сидели они в засаде на болоте, не знают, как там тяжело без хора жабок. Комары кусают, сыро, и не пошевелишься, ибо на звук точно кто-то прибежит. А почесаться хочется, хотя бы чтобы искусанная кожа не так зудела. Конечно, существовали специальные заклятия для отпугивания насекомых, но, когда тебя ищут с применением магии, только подсветки в виде щита не хватает. А природные средства почему-то нехорошие собаки замечают и несутся с лаем выдавать место твоей лежки... Так что без лягушек в засаде не обойтись.

- Будь ты леди, он бы ухаживал по всем правилам, – вступилась за Сая Иви. – Но ты не

леди, а посмел... отвергла его ухаживания. Теперь он действует так, как умеет, чтобы привлечь твоё внимание. И, судя по всему, успешно, раз до сих пор тактику не сменил.

– Предлагаешь не реагировать? А это реально, когда тебе крысу подкидывают? Или паука?

Иви передернуло, а Таши печально вздохнула. Одна только Лиди сочувственно погладила меня по плечу и перевела тему:

– А зачем ты зашла? Не о Сае же поговорить? Да и, если честно, не стал бы он у тебя деньги отбирать. Он вредный, но не бесчестный.

– О Сае я и не знала, – призналась, хотя это было и не слишком приятно. Совсем мне мозг запудрил начальник, раз я проглядела белобрысого. Видать, колосья учила тогда, иначе бы хоть в лицо запомнила... А все шеф виноват. Во всем он, злыдня, отметился! – Пусть и не станет отбирать, но не один же он в корпусе? Здесь же не только аристократы учатся, да и не все из них с понятиями чести знакомы... А у меня, кроме этого, – три медяка до следующего месяца...

Я горестно вздохнула и стерла без труда выдавленную слезу. Ещё бы ей не течь – как вспомню о своей тяжкой доле и незавидном будущем, так и рыдать захочется. Особенно для дела. Особенно – ради такого дела.

– Оставляй, – разрешила Лиди. – Но сначала давай я тебе расписку напишу, что взяла на хранение.

– Зачем? – удивилась Иви под полным одобрения взглядом Таши.

– Так положено, – серьёзно ответила девушка, заставляя меня уважительно кивнуть. Не всякая молодая леди знает о существовании расписок, и уж точно не каждая будет предлагать простой горожанке дать подобный документ за личной подписью. А Лиди споро высыпала монеты на кровать, пересчитала и написала нужный документ, поставив не только подпись, но и свою печать.

Лидия Эрштейн. Именно такое, гордое и запоминающееся имя носила милая Лиди, с первого взгляда заподозрить в которой внучку герцога Сарвазского не смогла даже я. Пора на острова, пилить кокосы. Внучка казначея сидит со мной рядом и пишет мне долговые расписки, а я хлопаю глазами и думаю лишь о том, что канделябр тогда выносить не стоило. Подумаешь, три золотых. Зато сейчас не было бы так мучительно стыдно.

– Лиди, а что ты в этой школе делаешь? – осторожно поинтересовалась я, складывая расписку и засовывая её в тайное отделение сумки. Шеф о нём, конечно, знал, ибо вещь была казенная.

– Учусь, – усмехнулась девушка и печально вздохнула. – А ты обо мне слышала?

– О твоём деду, – призналась, понимая, что скрывать будет проблематично. – И отце. О тебе лично – нет, но они занимают довольно... видные посты. И скандал с полгода назад был, когда шайка воров вломилась в резиденцию герцога и украла часть столового серебра.

– Три вилки, четыре ложки, один нож и... канделябр, – усмехнулась Лиди. – Серебро мы потом вернули, а канделябр исчез. Дедушка был опечален: именно этот канделябр он уронил, чтобы привлечь внимание бабушки.

– Надеюсь, без горящих свечей? – все же уточнила я.

– История об этом умалчивает. Как и бабушка с дедушкой, – тонко улыбнулась Лиди. – Но восточное крыло примерно в то же время подверглось капитальному ремонту.

Я фыркнула, выражая сомнения в истинной причине пожара. Но пусть внешне у меня ничего не дрогнуло, в душе было паршиво. Если бы хоть деньги тогда утащила... Они пришли и ушли, особенно в таких семействах. Так нет же, брала что-то подешевле, ради смеха, а оказалось, ценность вещи никак не равнялась цене. И главное, чтоб я помнила, куда этот канделябр дела! Может, до сих пор стоит в кладовке на третьей улице в

восьмом доме с дырявой крышей и собирает дождевые капли. Надо бы проверить, но как туда теперь выбраться без хвоста...

– Я пойду, – прикинув, сколько прошло времени с тех пор, как пересекла порог комнаты, сказала я. – Дела еще остались.

– Какие дела вечером? – удивилась Таши. – Или у тебя есть жених, и Сая ты по этой причине не заметила?

– Нет, – отрицательно покачала головой. – Жениха. А дела есть. Еще одна подработка. Если повезет – я ее получу. Если нет – придется экономить выигрыш. Вряд ли мне еще раз так повезет, а у мадам Гельтруды работа временная.

– Тогда иди, – приняла решение за всех Лиди.

Она вообще оказалась на редкость здравомыслящей особой. По крайней мере, когда беседа проходила за закрытыми дверями. На публике белокурый ангел предпочитал быть милой дурочкой. И я была очень рада, что только на публике.

Выскользнув из комнаты, я тихо прикрыла за собой дверь и, насвистывая себе под нос песенку про доярку и аристократа, двинулась на встречу с шефом.

Его светлость граф Разетти обошелся без парада, а потому вместо официального камзола с нашивками явился в кабак в потрепанной рубашке, кожаных брюках, облежавших его выступающие части тела слишком уж явно, в сапогах, делавших честь попрошайке, и кепке, закрывавшей пол-лица. Пол чересчур обезображенного и чумазого лица, которое никак не могло принадлежать аристократу в надцатом поколении. А уж руки... Не знай я, кто это такой, могла бы и не заметить. Шеф все же не вчера в должность вступил: умел маскироваться и затирать сословные маркеры. Интересно, мозоли на какой клей сажал...

– Почем нынче свиные потроха? – беззаботно стукнула я кулаком по столу, занимаемому начальством, от чего пиво чуть не коснулось светлейшего носа.

– Садись, – поморщившись, распорядился Дайрин.

Я послушно села и ручки на коленках сложила, как приличная девочка из неприличной семьи. То есть с определенными выкрутасами из пальцев. Но... кого удивишь в этом заведении подобными жестами?!

А заведение было в чем-то культовым. На стене напротив стойки делали зарубки за каждый визит городской стражи. По чью именно душу она вызывалась, разницы не было. Отсюда и перепивших студентов забирали, и магов-ренегатов, и бесталанных воров-рецидивистов. Бесталанных, ибо талантливые не попадались второй раз, чтобы под рецидив попадать. Даже я еще так не опустилась, первый раз официально вот только пару месяцев назад сидела. И больше не хочу. И не буду!

– Заплатите за мой ужин? – заглядывая шефу в глаза и облизывая губы, спросила я, утягивая у него из-под носа кружку с пивом.

Судя по тому, что мне это удалось, выбрала довольно удачный ракурс, демонстрируя достижения легкой промышленности города, добавившей мне размер груди. Или я все чрезмерно упрощаю, и за покладистостью начальства скрывается нечто иное?

– Заказывай, – пожав губы, позволил Дайрин, подзывая подавальщика.

Парень прибежал мгновенно, как будто из-под соседнего столика вынырнул. И положил передо мной... меню? С каких это пор в таком месте меню имеется? Или только для избранных господ? Хм, неужели заведение владельца сменило? А если и сменило, то где же прежний обретается? Не в соседней ли со мной камере ему уютный угол приготовили?

– Пирог с грибами, березовый сок и...

Я задумалась. Хотелось выбрать что-нибудь подороже, но все эти культурные изыски с расщеплением на составляющие, кои начали практиковать маги-неудачники,

подавшиеся в высокую кухню... Не привлекали они меня. А из нормального был пирог. Вишневый. Или с творогом. А после грибного еще и сладкий есть... Но разорить шефа хоть на один лишний золотой хотелось. И я героически ткнула пальцем в самое дорогое блюдо.

Официант сошел с лица, но промолчал. Подхватил меню и рысью метнулся на кухню. Я бы пробежалась с ним, но его светлость даже в камуфляже оставался его светлостью. А потому припечатал меня взглядом к стулу (без магии явно не обошлось) и протянул вперед раскрытую ладонь.

Я внимательно изучила все линии на его руке и с профессиональной сноровкой ткнула пальчиком в особо кривую загогулину. Загадочно при этом улыбнулась и начала вещать:

– Господин хороший, а вы знаете, у вас сегодня судьбоносный день! Звезды сошлись в идеальном порядке, в Лесах Ранки родилось новое Древо Счастья и...

– Майя, достаточно, – сухо оборвал меня Дайрин.

Я пожала плечами. Не хочет – не надо. Фантазию напрягать не придется.

– Что-то случилось? – устало вздохнула я и опустила голову на стол. Прикрыла глаза, рассматривая из-под ресниц начальство и вечерних посетителей, среди которых было немало таких, кого пустили бы и в приличные заведения. Точно владелец сменился. Иначе с какого бронированного и рогатого здесь такие люди обретаются?

– Рассчитывать на раскаяние не приходится? – вкрадчиво уточнил его светлость.

– Нет. А метку активируете, я вам... не расскажу что-нибудь потом.

– Серьезная угроза, – согласился Дайрин, но жжения я не почувствовала. Значит, дело не государственной важности, а его личных интересов. Первыми он поступиться не пожелал бы. – Отдай выигрыш. Тебе не положены такие суммы.

– Не отдам, – развела руками, радуясь, что уже пристроила наличность. – Нет у меня. Вложила. И изъять не получится.

– Ожидаемо, – кивнул собеседник. – В таком случае оплачивать общежитие будешь сама.

– Это еще почему? – вознегодовала я. Тратить свои честно заработанные на то, что мне самой нужно, как...

А ведь действительно нужно. Иначе опять к шефу под крылышко и неусыпный надзор. Пожалуй, лучше я в общежитии поживу, авось мисс Моника не станет под окнами орать о своей нелегкой судьбе.

– Полагаю, сама догадалась. Но если нет, подскажу. – Дайрин откинулся на спинку стула. – У одинокой девушки не может ежемесячно появляться сумма на расходы, если она не выходит вечером в свет.

Я недовольно прищурилась: намек был так толст и так прозрачен, что сомнений не оставалось, где одинокой девушке гипотетически предстояло зарабатывать и как. И ведь подсудное дело. И это сам начальник тайной службы толкает меня на воровство!

– Но у одинокой девушки в большом городе должна быть хоть какая-то связь с ее «семьей». Раз уж не денежная, то подойдут и соленья. Дочь, верно, любимая, раз уж ее вообще учиться отправили, а не посадили за станок, да и замуж не отдали.

– Я распоряжусь, – пообещал шеф, возвращая свою кружку с пивом. – Как учеба?

– Учеба – прекрасно, – расплылась я в улыбке. – Друзья проходу не дают, зовут на встречи, следят, чтобы мне жарко не было, развлекают в меру сил и возможностей. Говорят, даже питают теплые чувства.

Теплые... Я мысленно хмыкнула. «Горячие» было бы вернее. Ибо искусством холодной мести Сай пока не овладел. И хорошо. Иначе вновь придется с шефом встречаться, когда легенда полетит под хвост еноту.

– Очень рад, – усмехнулся Дайрин. Так снисходительно, что сомнений относительно того, какая папочка каждое утро ложится ему на стол, не осталось. Все он знает. И про Сая, и про его любовь, и про «украденный» у меня третьего дня медяк, нагло истраченный на булочку с маком.

– А уж как я рада! – вдохновенно поведала и откинулась на спинку стула, чтобы официант с трясущимися руками не пролил на меня березовый сок. Березки не для того плакали, чтобы он их слезы на мое платье тратил!

– Не сомневаюсь в этом. Ешь, – мне указали на пирог.

Я послушно приступила к трапезе. Вроде бы ничего в мой пирог влито не было. Тесто достаточно пропеклось, начинка лишнего привкуса не имела. Конечно, можно и незаметные зелья добавить, но как будто шеф мне не верит. И ведь правда, разве он мне верит?

Бросила быстрый взгляд на его светлость, на что он ответил легким поднятием бровей. Отвернулась. Ну его, только аппетит портит. О делах лучше после еды, а то пропадет настроение – и ничего не влезет. И заберет шеф мой ужин себе, мисс Монику угощать.

Последнего я допустить не могла и впилась зубами в румяный край. На его светлость взглянула, лишь когда на тарелке осталась вилка с ножом и парочка капель соуса.

– Итак, можем продолжать, – сопровождая свои слова царским взмахом рукава, разрешила я, но шеф мои потуги проигнорировал.

Впрочем, чему удивляться? И во дворце, и у него на приемах мало кто вел себя иначе. Разве что я цирк устраивала более занимательный, но, кажется, безуспешно. Что бы я ни делала, его светлость продолжал разговаривать со мной как с разумным существом, а не ученицей младших классов школы для особых.

– И не подскажите ли мне, зачем вообще понадобилось меня в эту школу отправлять? Вокруг одна знать. Я сегодня знаете с кем чай пила? С внучкой казначея! А представьте, что будет, когда ему донесут о нашем знакомстве?

Я патетично взмахнула руками, подаваясь вперед. Пусть и нет веры в глазах шефа, играть нужно всегда. Иначе точно не поверит. Да и мне уже привычнее вести себя с ним так. Не надо ничего нового придумывать, линию поведения выстраивать, над речью работать... Шантажируй, неважно, с каким успехом, угрожай, рыдай и руки заламывай – всячески внимание отвлекай. Заодно и попрактикуешься – у шефа тоже много чего увести можно, пока он гневается.

– И кто же ему донесет? За разглашение государственной тайны у нас вешают.

Я было открыла рот, чтобы напомнить, что и за мое резюме по совокупности то же самое положено, но не успела и слова сказать, как он добавил:

– Но в особых случаях могут пойти на уступки и заменить казнь, пожалуй, увеличением срока отработки. Лет так... до конца жизни. Печально, всю жизнь и без карманных денег. Ни одной монетки...

– Совсем ни одной? – печально вздохнула я.

– Совсем, – подтвердило жестокое начальство.

– Так я пойду? – резко, чтобы от неожиданности появился шанс на положительный ответ, спросила я, поднимаясь и отодвигая стул.

Ножки скрипнули, привлекая всеобщее внимание. В таверне тут же повисла тишина, не оставлявшая сомнений, что таверну точно перекупили. В нормальном питейном заведении никто бы и внимания не обратил на такую мелочь, как чей-то уход.

И верно, подтверждая мои догадки, его светлость едва уловимо качнул головой. Таверна вновь зашумела, а подавальщик с облегчением выдохнул. Будто за мебель здесь отвечает он. И даже если начальство стул ломает, вычтут у бедного недоглядевшего служащего.

- Мы не закончили.

Громко, на все заведение, простонав, я упала на стул и вытянула ноги. Не слишком приличный поступок для нашего просвещенного общества, но самое то для таверны. В подобных заведениях и не такое вытворяли, не щадя чужих нежных чувств. А казаться приличной и благовоспитанной... ну уж нет. У меня напрочь отсутствовало желание всю жизнь изображать то, от чего сводит скулы и хочется заткнуть уши. Светские рауты – однозначно не мое.

- Продолжайте, – устало махнула я, устраивая голову на стол и косясь на дверь. Стол был чистым, без разводов и царапин, и без стишков разухабистых, и даже сердечки отсутствовали. В общем, кто-то перестарался с наведением порядка. Столы стоило оставить прежние: соответствовало бы ожиданиям, да и я остереглась бы не то что голову класть, мизинчиком касаться.

- На выходных вы с Маджери пройдетесь по лавкам, – начал было шеф, но я его остановила: вытянула руку в его сторону и покачала пальцем из стороны в сторону.

- Не нужно мне кредит увеличивать. Отдавать как-то нечем, а лишние годы впахивать – увольте.

- Экипировка для задания, – уточнил шеф.

- Тогда ладно. И что покупать будем?

- Бальное платье, – усмехнулся начальник.

- Боюсь, вы слегка неверно оцениваете мою квалификацию, – осторожно начала я и напомнила: – Бальное платье – оно для балов, а я слегка по другому вопросу. Не по бальному.

- И по бальному, если это необходимо, – не поддался на провокацию шеф. Еще и напомнил, злыдня такая: – Медальон герцога Шарнес исчез как раз во время бала. И все мы понимаем, что ваше присутствие там было очевидной случайностью, – хмыкнул он.

- Не доказано, – мрачно напомнила я, понимая, что, докопавшись до моего тайника, со мной разговаривали бы по-иному. Во всяком случае, не постеснялись бы предъявить новые улики и пригрозить увеличением и без того обременительного срока.

- Этого не требуется.

- А что хоть за бал? – Я подняла голову и с тоской взглянула на тирана и деспота. – Очередной прием для самых-самых? И чем вам так ваши сограждане мешают...

- Не для самых-самых, но присутствовать будут важные люди. А бал... Полагаю, вам скажут на днях, но поступившие леди уже готовятся. Слышал, внучка казначея заказала новый туалет в кремовых тонах. Не желаете ли и вы такой?

- Мне лучше белый, – буркнула я. – На саване при оказии сэкономите. – Утерла несуществующие слезки и спросила в потолок: – Что я вам такого сделала, что на кривую дорожку толкаете? Да еще такую непроторенную. – Перевела взгляд на Дайрина и заметила: – Архимаг вас не простит. Его запонки – лучшее, что в нем сохранилось.

- Запонки архимага мне без нужды, – заверил меня шеф. На его лице мелькнула досада: видимо, все же собирался что-то сказать, но удержался. Раньше времени не хочет ничего открывать, ну и ладно. Как будто мы с Райдом своих предположений не имеем.

- Весьма обязана, – пафосно изрекла я, вскинув руку в благодарственном жесте. – Раздевать архимагов слишком даже для меня.

- А герцогов – не слишком?

- А герцоги были против? – в тон ему вернула шпильку. Глаза шефа потемнели, намекая, что лучше обойтись без лишних подробностей.

- Скажем, его светлость желал бы повторить процедуру, предшествовавшую вашему

расставанию. Мне сообщить ему о твоём местоположении, чтобы вы могли закончить то, на чем остановились? – чересчур эмоционально поинтересовался шеф.

– А давайте, – с показным воодушевлением согласилась я. Вновь встречаться с Юлиаром Шарнес мне отчаянно не хотелось. Даже несмотря на то, что целовался его светлость... опыт чувствовался. И практика. Годы практики и тысячи попыток. Но графа перспектива нашей встречи, казалось, тоже не прельщала, а значит... – Мне как раз не повредит закрепить умения и навыки в кое-каких делах. И, пожалуй, лучше герцога никого не найти.

– Говоришь, не повредит закрепить навыки? – медленно, со странным предвкушением, не сулящим мне ничего хорошего, начал было граф.

Я заглянула ему в глаза и поспешно отвернулась. Договорилась...

Взгляд шефа был странным. Заинтересованным таким, предвкушающим, слегка голодным. А мне уже не двенадцать лет, чтоб не понимать, чего хотят мужчины с таким взглядом. Вот только не для того я пошла в честные воровки, чтоб менять специальность в расцвете карьеры. Пусть и во время вынужденного отпуска.

Зазвенели колокола центрального храма. Им вторил мой облегченный выдох.

– Комендантский час через десять минут! – вскакивая с места, поставила я в известность начальство.

Граф на пару секунд прикрыл веки, видимо, восстанавливая пошатнувшееся от моего поведения душевное равновесие, и милостиво кивнул, отпуская восвояси.

Поспешила воспользоваться позволением, пока его светлость не передумал. С него бы стало и такое, а мне ни к чему вновь навещать его дом. Особенно после того, чем кончилась наша беседа. Ведь не только герцог Шарнес умел целовать так, что все внутри замирало.

Прикусив губу, я тряхнула головой, отгоняя неуместные воспоминания, и бросилась к общежитию.

Пару дней меня не дергали. Ни поганец Сай не устраивал «приятных» неожиданностей, ни любимый шеф не действовал на нервы, ни даже девушки не заставляли выбирать с ними рюши. Последнее, правда, лишь в силу моей подработки. Последней я была весьма довольна. Доход, пусть и небольшой, но приятный, оттягивал мне карман каждую пятницу. Не бог весть сколько, но на столовую с лихвой хватало, а уж после выигрыша...

Расстраивало лишь то, что после победы никто против меня не рисковал ставить. То ли одумались наконец, то ли деньги карманные кончились. Я уповала на последнее: другого источника быстрых денег в этой школе не существовало. Не идти же наниматься в тайную канцелярию, куда меня весьма любезно порекомендовал алхимик. Вот уж удружил.

Хотя... ничего нового его светлость обо мне не узнал. А уж Маджери... Он чего не знал – успешно додумывал. И так складно у него выходило, что я не могла не заподозрить большой опыт. А уж откуда он взялся: из личного опыта или по рассказам коллег – этот вопрос пока оставался нерешенным.

Вздохнув, я переступила порог актового зала, куда, судя по шуму, набился весь первый курс. Да, даже аристократы по рождению, оказавшись в одном помещении, в предвкушении выступления ректора чесали языками на манер торговков с улицы. Разве что торговки говорили более сдержанно: в них яблочный огрызок прилететь мог от проснувшегося нехоти постояльца верхнего этажа.

Но юным леди и лордам встреча с яблочными остатками не грозила. Разве что рассвирепевший ректор обольет умеренно теплой водой. Отфильтрованной к тому же, чтобы потом ни в чем не обвинили и на суд императора не поволокли. Вот с такими, как я, бюджетными, здесь вряд ли станут носиться. Впрочем, и не носят: поблажек на занятиях никаких, а гоняют, как ослика ломового.

– Дорогие студенты...

Ректор все же решил почтить нас своим вниманием в компании двух замов и одного неизвестного типа. Тип мне сразу... понравился. Он скучал и зевал, всем видом демонстрируя, что отбывает здесь повинность.

Солидарный зевок вырвался непроизвольно. Как и выросла моя симпатия к неизвестному посетителю. Интересно, откуда его прислали, что он даже меч сдавать не стал? И почему ему это разрешили?

Ответить на последний вопрос я бы, пожалуй, смогла, но увы, с седьмого ряда, где я приткнулась, рассмотреть фамильный перстень не удалось. Даже его наличие я больше предположила, чем увидела. Но интуиция подсказывала, что гордого разворота плеч вкупе с ухоженными длинными волосами у простолюдинов не водится. Среди воров, конечно, порой попадались с длинными шевелюрами, но только до первого задания. С него они уже возвращались со стрижкой, а то и лысыми – как кому с охранными чарами повезет. И с напарниками.

А ректор распинался. Про великую честь, оказанную нам тем несчастным добродетельным князем, который сдуру подписал договор со школой. Про нашу честь, которую нельзя ронять. Ее, как мне кажется, надлежит сметать в совочек. Про честь и славу школы, которую мы теперь представляем и должны преумножать подвигами и свершениями.

Я себе так и представила мемориальную табличку на стене. «Здесь была Майка. Сумма вознаграждения за поимку – две тысячи золотых. За живую – доплата на лекарства». Нужно будет заказать в тот же день, как осяду где-нибудь далеко и в тепле. Главное, чтоб без вони. А то в канаве сточной тоже тепло бывает. Но запах...

Я поморщилась, погруженная в свои мысли. Мне поморщились в ответ. Тот самый зритель, он же счастливый гость нашего ректора, он же... кто? Счастливый хозяин будущего банкета?

Я подалась вперед, с интересом изучая будущего работодателя. И пусть он еще не знал, что будет платить мне жалование, я уже начала продумывать свои действия. Перво-наперво нужно украсть его на пару минут. Желательно – под благовидным предлогом. Еще лучше под неблагоприятным, чтоб все поверили в мою дурость и растяпистость. Это уж точно никого не удивит. А значит, и до шефа может не дойти. Ябеду Монику на собрание не звали, а больше меня так подставлять здесь и некому.

– ...желает лично поговорить с каждым первокурсником и выбрать трех стипендиатов для своего фонда. А потому рекомендую вспомнить все свои достижения и занять очередь у кабинета пятьдесят семь. Собеседование пройдет именно там.

«Пятьдесят семь... Пятьдесят семь...» – повторяла я про себя, чтобы не забыть и не сбиться с шага. Пусть в школе и хватало платников, получить прибавку к карманным деньгам, а то и направление на практику к кому-нибудь из великих хотелось едва ли не всем. Мне даже локтем пытались въехать в бок, чтобы в очереди продвинуться, но увы, я уклонялась профессионально, как и кисти выворачивала. Не мне же одной боль терпеть после проваленного задания на улицах городов. Подростающее поколение тоже учить нужно, чтобы или профессионально срезали, или вовсе не брались. А то без рук останутся – в нашей самой гуманной из всех стран именно такое наказание полагалось для уличных воров. Те, кто поудачнее, получали несколько иные предложения. Хоть бы и десять лет полного пансиона за счет казны.

Очередь продвигалась довольно быстро. Видимо, князь точно знал, кого именно он желает проспонсировать. И аристократов среди них не было. Родовитые дворяне покидали кабинет, едва порог перешагнув. Разорившиеся задерживались подольше, но тоже возвращались с собеседования без особой радости. Дольше всех беседовал с князем Тарлин, мой коллега по мучениям с учебником. Бедняга над ним и вовсе поседел, а на экзамене голоса лишился – шепотом на все вопросы отвечал.

Моя очередь подошла где-то спустя час. Я успела всю попу отсидеть, устроившись прямо на полу. А что? В правилах не было пункта, запрещающего сидеть на полу. А длина юбки, закрывавшей мои ноги до носков туфелек, надежно защищала от попрапия приличий.

Собрав все свое мужество и изобразив дрожь в коленках, я вошла в приоткрытую дверь.

Остановилась, чтобы помяться на пороге, но послышавшийся из коридора голос школьного алхимика заставил меня поторопиться. И, словно в наказание за мою медлительность, а после – поспешность, ручка двери больно ударила меня по попе.

– Проходите, – на мой конфуз его светлость милосердно не обратил внимания. Разве что в глазах мелькнули искорки смеха, но тут же скрылись за ледяной коркой, уловив мой внимательный взгляд.

Старательно шаркая, я доковыляла до стола и неуклюже села, задев с профессиональной сноровкой чернильницу. Наклонилась, чтобы получше рассмотреть результат своего конфуза, и заглянула под стол, оценивая обувь князя. Неплохо, совсем даже неплохо. Я бы такую пару себе в коллекцию взяла. Что ж, будем считать, что первую проверку на подлинность его светлость прошел.

– Здравствуйте... – проблеяла я голосом невинной овечки.

– Здравствуй, – усмехнулся мужчина.

Он разглядывал меня внимательно, слишком внимательно для праздного любопытства. И слишком цепко для любопытства академического. По крайней мере, если он хотел поговорить о стипендии для талантливой молодежи, ему следовало заглянуть в мою липовую анкету, а не искать на моих руках шрамы, а на лице... На лице я даже не знала, что можно искать. Особые приметы в нашем деле не приживались, как и безукоризненные черты лица и сногшибательная красота. Не тот профиль – красавицу, как и уродину, все бы заметили. А возить с собой набор для смены внешности и каждый день гримироваться... сложно. Можно, конечно, но хлопо-о-о-от...

– Представься, пожалуйста, – ободряюще улыбнулся князь, демонстрируя ровные белые зубы. Еще бы им другими быть, с его-то состоянием!

– Майя Дашан, – пролепетала я, опустив глазки в пол. В стол. В лежавшее перед князем личное дело. Копию, судя по количеству пометок в нем.

– Майя, – уловил главное мужчина. – Как давно вы в столице?

– Совсем недавно, – печально вздохнула и заголосила в лучших традициях попрошайки на рынке: – Два года я не могла поступить в высшую школу, поскольку папенька с маменькой сердиться изволили. Они и сейчас-то не особо рады, но папенька по столу «хрясь!» – и маменька смирилась. Говорила: «Езжай ты уж, Майечка, в столицу, мир посмотри, себя покажи. Да нам пришли что-нибудь. Перстенок какой драгоценный, памятный, чтоб с историей. Шоб сам принц его хотел, а в ручки свои не получил...» Ой, – я притворно ужаснулась и прикрыла рот ладошкой. – Будьте милостивы, не гневайтесь, с дуру ляпнула. Совсем из ума выжила...

– Я заметил, – усмехнулся князь, заметно расслабляясь. Папка с личным делом с шумом захлопнулась. – Красивое колечко раздобыла?

– Еще какое! Аленькое, с камешком в центре и закорючками мудреными. Такие уже лет сто нигде не ставят. Но паренек с торговой слободы сказал, самое то, ценное, почти что принцевое. Дорого-о-о-о-ое, – я завороченно потянула гласную. – Три медяка отдала! Там, говорят, еще есть, коли надобно.

– Вот как? – Мужчина подался вперед. Запах его парфюма окутал меня с головой... Оглушительный чих сотряс комнату, возвращая дистанцию между нами.

– Простите. – Я шмыгнула носом. – Аллергия.

– Ничего, Майя, бывает. – Словно в утешение, мне в руки сунули грязный носовой платок. Но ничего, буквы я позже посмотрю, а нос протереть чем – и в сумке найдется.

– Увы, – вздох вышел печальный. – Жизнь такая сложная, такая сложная... Где бы переночевать, чтоб с завтраком включенным...

– Такие места существуют, – серьезно заметил его светлость.

– Например? – Я уже даже не старалась выглядеть деревенщиной.

- Вы скоро сможете его посетить.

- А погостить? - требовательно спросила я.

- И погостить, - заверили меня.

- С удобствами?

- Если того пожелаете, - на мгновение удивился просьбе князь, но, кажется, все верно понял. - Я распоряжусь, чтобы все подготовили.

- Вы меня премного обяжете, - кивнула и поднялась, нарушая все правила этикета и субординацию в частности. Уже у порога обернулась и спросила: - Стипендия?

- Не искушайте судьбу.

Я расплылась в улыбке, вдохнула еще раз запах княжеского парфюма с платка и, дождавшись, пока глаза покраснеют, вывалилась, несчастная, в коридор.

Действие второе, акт первый. Майка и те же. Начали...

Несмотря на мои актерские способности, тем же вечером меня снова вызвали на ковер к начальству. Ковер, как и в прошлый раз, располагался в таверне в окружении всех заинтересованных и не очень лиц. Последних, судя по мрачным физиономиям, было большинство, но отпускать их домой или по борделям, кому как ближе, великое начальство не собиралось. Не для того им премии ежемесячные дают, чтоб они на шефа гневались и носы кривили! Мне бы так платили! А то заперли в эту школу...

- И что на этот раз? - положив голову на предварительно вытертый стол, спросила я.

Соображения насчет «этого раза» у меня имелись, но увы, дорогому начальнику я помочь ничем не могла. Знала ровно столько, сколько и все остальные, заглянувшие за дармовой стипендией. Никаких посланий не получала, записок не читала, и вообще, какие претензии?

О последнем я не преминула сообщить, чем весьма его озадачила. Еще бы, наверняка на ложь проверял. А вот не надо создавать мне такие условия! Как будто я не понимаю, что здесь чем меньше знаешь, тем дальше от эшафота стоишь. Конечно, если бегать не разучился. А то у нас и без состава преступления загреметь можно, империя все же. Монарх - наше все: солнышко, батюшка и мать родная.

- Майя, - проникновенно начал Дайрин, пытаюсь заглянуть в мои бессовестные глазенки. Бессовестные, ибо поднимать голову я не собиралась, а шефу было не с руки ложиться на столешницу, как плебею, и приходилось сгибаться-наклоняться... Чую, позже выльется мне это в большие неприятности. - О чем вы беседовали с его светлостью?

- О моей несравненной красоте и новой прописке.

- Конкретнее.

- Ну... его интересовало, из какой деревушки я перебралась в это «вах, какое громадное село!» - поделилась я впечатлениями о любимой своей столице, куда рвались все аристократы от мала до велика. Сама я рвалась в направления прямо противоположные, но кто же мое мнение учитывать станет, когда тут дела государственной важности. - Ответила согласно легенде, ответ сиятельного господина устроил, и меня торжественно выставили из аудитории, даже не дав денег за просмотр! - пожаловалась я и сделала слишком явную, чтобы пройти успешно, попытку украсть у шефа кружку с пивом.

- Пей уже.

Посудину поставили прямо передо мной.

Я приподнялась, с подозрением оглядела предложенный напиток, принялась и слизнула капельку с бортика. Вроде бы эликсира откровения в кружке не было. Да и плохо он сочетался с алкогольными напитками. Видимо, два состава, развязывающих язык, между собой уживались как я с шефом и при первой же возможности друг другу

стремились нагадить.

– Нет, лучше молока, – озадачила я официанта. На вздернутые брови шефа ответила: – За вредность.

– Но у нас нет... – Поймав красноречивый взгляд начальника, юноша сглотнул и, прижав поднос к груди, пообещал: – Сейчас принесу.

И принес. Не знаю, куда повар отправил беднягу, но спустя пять минут напряженного ожидания (в исполнении официанта) передо мной поставили кружку с парным молоком. И даже свежей булочкой с сахаром сверху. Вкуснятина!

– ...Маджери заберет тебя около десяти.

– Куда? Зачем? – подавившись булочкой, завопила я.

– На примерку платья, – спокойно ответил шеф, хотя в глазах мелькнули обреченность и скорбь. Видимо, разговоры о тряпках его прельщали еще меньше, чем мое общество.

– А как же выбор ткани? А фасон? А финтишлюшки на попе с портнихой обсудить?! Вы обещали поход по лавкам, а не примерку! – Пусть мне и самой не хотелось во все это окунаться и запоминать, но Лиди, Иви и Таши слишком часто начали обсуждать последние модные веяния, чтобы даже отставшая от жизни я запомнила, отчего соперницы умирают от зависти, а кавалеры возносят мольбы богам и продают души демонам. – Это же мой первый выход в свет со дня...

Я прикусила язык: незачем себе срок увеличивать. И так на хлебе и воде сижу, последние деньги – и те отобрать пытаются.

– Портной его величества не любит разговаривать с клиентом. Но могу вас заверить, платье будет удовлетворять всем модным тенденциям.

– И кто тогда поверит в мою легенду? – фыркнула я. – Откуда у девочки из села деньги на королевского портного?

– Кавалер подарил.

– Кавалер? – Я во все глаза уставилась на начальство. – Вы, что ли? Или его высочество расщедрился и репутацией решил поступиться?

– Нет. Но не сомневаюсь, этому господину вы будете очень рады. Ведь не так давно вы желали его увидеть... – с улыбочкой, от которой меня перекосило, подсказал шеф и перевел взгляд мне за спину. А я... я не стала туда смотреть. Как будто было так много вариантов, кто там мог стоять. Влипла ты, Майка, и кто просил с графом шутить? Запомнил и отомстил, исподтишка и метко, как этот облезлый змей и любил! Чтоб ему икалось всю ночь, едва он с кем-нибудь уединится!

И я нисколько не сомневалась в личности того, кто сейчас присаживался рядом, в паре сантиметров от моей руки останавливая свои пальцы, но не прикасаясь – знал, что я этого не люблю. И не любила... Иначе он вряд ли обратил бы внимание на ничем не примечательную аристократочку, восторженно наблюдавшую за круговоротом пар на балу в его доме. А он обратил. И запомнил. Видимо, потому, что редко получал веером по своим длинным пальцам, желавшим ухватить леди за ручку, чтобы поцеловать.

А я нервничала тогда. Одна из первых работ под носом у графа, сделать все требовалось чисто и без шума. Точнее, шум должен был подняться на следующий день, а не в ту же ночь. Я ждала сигнала, кусала губы от нетерпения и во все глаза, чтобы не пропустить, смотрела на танцующих. Мне следовало удалиться сразу же за виконтом Орлаш, а он все никак не уходил, флиртуя с дочерью советника, баронессой Эльверт, дамой, между прочим, замужней и в положении. И в тот момент, когда виконт наконец соизволил остановиться, ко мне подошел Он.

Дорогой парфюм, дорогая обувь, дорогие часы, дорогое... да все у этого мужчины было дорогое. И медальон тоже. Древний, зачатый на крови, он тянул на очень хорошую сумму, и мне было очень жаль, что времени на близкое знакомство с ним не оставалось. Виконт уходил все дальше, и мне следовало спешить, чтобы успеть прокрасться за ним, а

внезапная помеха предприняла попытку ухватить меня за запястье.

Демоны! Мало того, что я терпеть не могла, когда ко мне прикасаются незнакомые люди, так сейчас это могло и вовсе сыграть со мной злую шутку: мне с трудом удалось скопировать ауру виконта на браслет-артефакт, а сейчас она исчезнет, заменяясь аурой этого первого-встречного франта?! Я разве для этого терпела потные ладони Орлаша целых два танца?

Незнакомец был обречен: злая и напуганная перспективой провала, я огрела его веером по длинным пальцам и ретировалась в сторону, пискнув что-то маловразумительное и не факт, что цензурное. Легенда летела в тартарары, но времени остановиться и подобрать ее осколки уже не было.

Дело мы с Райдом с горем пополам выполнили, хотя из-за чьей-то любвеобильной натуры просидели в шкафу на час больше и выбирались уже на рассвете, унося с собой не только фамильные ценности семейства Орлаш, но и заколки ее высочества. Как оказалось.

Вторая встреча с господином в дорогом камзоле и с медальоном произошла буквально через пару дней. И общество для нашей встречи было весьма неподходящим. Для него. В те далекие, четыре года тому, времена всякое «отребье», как звали нас придворные, обитало в Лиловых кварталах. И если на двух центральных улицах появление даже высшей знати было привычным явлением, ибо там стояли популярнейшие дома столицы, собиравшие под своей кровлей едва ли не весь верховный совет, то на задворках Лилового, в переулке Дубильщиков, аристократы предпочитали не бывать. Здесь их могли разве что раздеть, а приголубить... Хотя и приголубить могли. Тяжелым и по голове. А дальше – как повезет: вынырнешь из объятий мрака поутру – дойдешь до стражи, не вынырнешь – и позора меньше. Через весь город в подштаниках идти не придется.

Именно в таком месте, в самом его сердце, в трактире «Зубоскалы», пообедали мы с Райдом и еще с дюжиной таких же удачливых молодых людей. Стража сюда соваться не любила, ибо паслась здесь сама тайная канцелярия. Для ее служащих даже стол особый имелся. Каждый день свой, но старожилы его знали и на глаз могли определить, сидят серые или тошнятся в подворотне, наслушавшись баек, для них, собственно, и придуманных. Репертуар нам сам хозяин заведения составлял, на роли раскладывал, и получалось... Вот как накоплю на свой театр, так и оставлю эту почетную (на каждой площади афиши) работу.

Каким же было мое удивление, когда рядышком, у меня под боком, опустился знакомый незнакомец с бала. Парфюм он сменить не догадался, и теперь я с наслаждением вдыхала почти забытый за всеми бренными делами запах. И пыталась вспомнить, как же выглядит его обладатель. На балу мне было не до изучения его лица, а потому сейчас память пасовала, виновато предлагая все, кроме внешности сего странного господина.

А он сидел и молчал. И мы, все бесчестное собрание, сидело и молчало. Даже байки для безопасников травить перестали, недоумевая, что потребовалось этому лощеному господину в дорогом плаще в нашем милом заведении, из которого выходят босиком и не по своей воле.

– Что-нибудь съедобное, – озвучил он заказ.

Трактирщик отмер. Хотя странно, что могло быть съедобного в трактире? Закуски? Ничего другого просто не держали. Сюда ж пить и дело взять ходили, едальня напротив стояла, так зачем он заглянул?

– Кто свободен?

Отвернувшись от стойки, мужчина оглядел зал. Лица его все еще видно не было – в лучших традициях капюшон накинул, маску надел... Но парфюм... Вот зачем так палиться?! Я-то его по запаху знаю. Или на то и расчет? И зачем, спрашивается? Я заказ точно брать не стану: один раз виделись – и хватит. Для второго нужно иметь или крепкие нервы, или отсутствующие мозги. Ведь запомнит, свяжет и тайной службе подарит. Любят они так делать, свои делишки чтобы прикрыть.

– Ну, я!

Из-за соседнего столика поднялся рослый детина. Рой его звали. Или Оса. Или Шершень... Точно помнила, что нечто кусачее и злобное, хотя сам парень... Впрочем, мы с ним не сталкивались в темном переулке, но Райд хвалил: увернуться едва-едва успел, а реакция у моего напарника профессиональная.

– Что делать-то надо?

– Передать сообщение.

– Так это на почту, а не к нам! – ухмыльнулся, пусть все же будет так, Рой. – Проводить?

– Не нужно, – жестом остановил его незнакомец. – У меня есть причины подозревать, что леди, которой я хотел бы передать послание, не существует в высшем свете, а потому искать ее следует в заведениях, подобных этому.

– А чего сразу не в «Золотой туфельке»? – хохотнули откуда-то из угла. Там сидели драчуны и забияки, порядочные вору туда даже не смотрели.

– Работниц всех видов «Туфелек» я уже отсмотрел, – спокойно ответил мужчина.

А мне даже обидно стало: записать меня, порядочную, в общем-то, воровку в какие-то «туфельки». Теперь точно объявляться не буду. Разве что компенсацию за моральный ущерб требовать и долгую память о себе оставить. Не одной же мне у парфюмерных лавок страдать в поисках похожего аромата.

– И пришел к выводу, что леди связана с последующим исчезновением драгоценностей, – добавил он.

Услышав о драгоценностях, зашевелились серые, притихшие было, чтобы не мешать разговору. Еще бы, Разетти там с ног сбивается, землю роет, уже и нам предложение о выкупе прислал через подставных. Вот только Райд ему не хочет продавать добычу, а раз Райд не хочет, то и я против. Нечего ему репутацию так просто возвращать. Пусть побегает, поищет...

Я вздохнула, бросив взгляд на шефа. Побегал, нашел, отомстил. И за что мне все это?

Грустно усмехнулась и повернулась к тому, кого хотела бы забыть, наверное. Или не встречаться. Потому что герцог Юлиар Шарнес был одним из тех мужчин, при взгляде на которых подгибались коленки, а мозг добровольно капитулировал, не справляясь с лихорадочно бьющимся сердцем и произвольной улыбкой.

Конечно, был способ удержать самообладание. Целых три. И все мной уже опробованы. Первый – на том самом балу, когда я на работе была, а честь профессионала важнее любовных дел; второй – опять же на работе, но после его появления в трактире и в самых уязвленных чувствах; и третий – сейчас, когда мне вообще никого не хотелось видеть из моих клиентов. Особенно если их пригласил граф и теперь так снисходительно-поучительно улыбается, сцепив руки в замок и наслаждаясь сценой. Театрал-любитель, чтоб демоны его всю ночь не отпускали! О третьей нашей встрече я предпочитала не вспоминать.

– Очарован. – Несмотря на явное несоответствие заведения и придворных церемоний, его светлость герцог Шарнес не преминул поклониться даме, присаживаясь рядом. Он бы еще и руку поцеловал, но... По известным причинам не стал. – Дайрин, должен поблагодарить тебя за помощь, – сухо продолжил мужчина. – Жаль, что ты не сделал этого раньше. Мой медальон мог бы остаться при мне.

– Вряд ли, – покачало головой начальство. – Если ты действительно имел наглость высказать о Майе все то, что поведал мне, она не могла так просто это оставить. Верно, хороша моя?

Я гордо промолчала. Только прищурилась и смирла шефа убийственным взглядом. Ох, была бы я истинной темной... Мечты-мечты, до костра не доведите.

– Майя, это невежливо, – продолжил издеваться мой главный мучитель, в кабалу к

которому я на десять лет угодила. – Его светлость тебя поприветствовал, неужели ты не скажешь ему и слова? После того, что я от тебя услышал, я надеялся, что его появление заставит тебя улыбнуться хоть на мгновение. Или я снова не угадал с подарком?

– Не угадали, – мрачно подтвердила я и демонстративно потрогала лопатку. – Могли бы и что-нибудь получше придумать.

– Мог. Мое упущение, – согласился Дайрин и перевел взгляд с меня на герцога. – Юлиар, знакомься, это Майя. В силу определенных причин сейчас она работает с нами. А поскольку и ты согласился оказать мне услугу, я не мог обойти вниманием твою давнюю просьбу. Условия ты помнишь. Отдаю ее тебе до утра. Занятия в Таринке начинаются в восемь, она должна быть там без опозданий. – И практически шепотом: – Помни, ты поклялся.

И он просто взял и поднялся, не глядя, как меня выворачивает от боли активировавшаяся метка, впитывающая отпечаток ауры еще одного «хозяина». Ненавижу. Их всех ненавижу. И каждого. И герцога ненавижу. Тоже. И запах его поганый...

– Прошу. – Мне галантно подали руку, но оценить вежливость его светлости, когда он присоединился к списку моих мучителей...

Я отшатнулась и бездумно побрела на выход. Сомнений в том, что ему от меня нужно этой ночью, не было. Видимо, так и поддерживается его репутация: днем дамский угодник, а вечером девочек подследственных в подарок от приятеля на личные нужды берет.

И верно, кому интересна их дальнейшая судьба.

Экипаж стоял у входа. Без гербов и других опознавательных знаков. Конечно, без труда можно было сказать, где их делали, но там же производили и сотни таких же карет, призванных разъезжать по особым поручениям.

Терпеливо дождалась, пока мне откроют дверцу, и залезла. Сидение было мягким и чистым. Ни чужих длинных волос на обивке, ни кошачьей шерсти, ни пятен от разлитого вина. Под потолком мерно переливался неярким светом осветительный шар, а сквозь задернутые шторы лезли уцелевшие от холодов комары. У некоторых это даже выходило, и они зависали на потолке в засаде, прятались в шторах или бесстрашно летели навстречу своей гибели. Увы, такова жизнь: подлетишь слишком близко, зажужжишь слишком громко – и прости-прощай прежняя жизнь, поезжай неведомо куда с неизвестно какой целью, которую настойчиво от меня скрывали за непроницаемой маской на лице.

К своему стыду, я первой нарушила тишину. Вздохнула печально, откинулась на спинку сиденья и, пытаясь установить по мерному стуку лошадиных копыт улицу, спросила:

– И что же вам от меня нужно?

Вышло до того устало, что порядочный человек устыдился бы своих намерений и одумался, но... порядочной среди нас была разве что лошадь. И она была занята делом. Цок-цок-цок...

– Мне не хватит этой ночи, чтобы озвучить весь список, – усмехнулся герцог.

Красивая у него все же улыбка. Губы не слишком тонкие, но и не пухлые, как у вышедшей на охоту дамочки. Нос прямой, породистый, ни разу не ломаный. Высокие скулы... Но больше всего привлекали глаза. Не холодные, отстраненные, как у шефа, а заинтересованные и внимательные, порой демонические, обещающие самые запретные удовольствия и...

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение. Его светлость усмехнулся: знал, мерзавец, как его взгляд действует. Заставляет поверить, что, кроме тебя, и нет никого, ты одна единственная и неповторимая, и все то восхищение, что плещется там порой, – все оно одной тебе...

Ай!.. Кулаком в стенку, пусть и не каменную, бить лучше после изрядной дозы

обезболивающего зелья. Иначе будут последствия. Большие и болючие, и с синяками на утро. Но пусть так. Когда рука ноет, о других чувствах уже не думаешь. Точнее, как раз думаешь, ибо плыть по волнам, заглядывая в глазки одного из самых противных, как оказывается, магов страны, никак не разумное действие.

– Может, приглушите свое очарование? Глаза смотреть уже устали, – посетовала на тяжелую свою долю я.

– Сожалею, но над ним я не властен, – вежливо ответил герцог и по-доброму улыбнулся. Не ласково, как любил шеф, угрожая, не заботливо, как все тот же начальник, устраивая очередную гадость, а по-доброму, с искренней заботой, как будто его действительно волновало мое состояние.

Будь я чуть глупее, верно бы, купилась, но мои шестнадцать лет давно прошли. И повезло, что без герцога Шарнеса.

– Плохо в школе учились? – предположила я.

Наверное, не стоило дергать тигра за усы, а герцога за самолюбие, но я слишком устала от всей этой чехарды с ролями и правилами, чтобы еще и здесь скакать на одной ножке. К тому же вряд ли бы он поверил.

Увы, герцог Шарнес видел и совсем другую Майю. Пусть недолго, но я до сих пор помнила тот день.

Большой Имперский Бал был самым громким событием года. Приглашенный на него хотела получить едва ли не каждая девушка нашей необъятной страны. Реальные же шансы были лишь у благородных и таких, как я. Тех, кто ходил на подобные мероприятия по работе, а не для развлечений.

Пригласительным на бал меня одарил клиент. Сам о своей щедрости он еще не подозревал, но наутро, когда доползет до уборной и дружески переговорит со всеми имеющимися там посудинами, вряд ли станет выяснять, где именно уронил свой билет. Нам же с Райдом – в самый раз. Особенно мне, поскольку дама включалась в билет априори, без указания титула и имени. А потому с гримом больше работал напарник. Мне же хватило нескольких штрихов, чтобы визуально увеличить глаза, изменить овал лица и разжиться веснушками коренной уроженки приграничья. По всему должно было получиться мило и отбить желание ухаживать за простушкой.

Никто и не ухаживал. Райд кружил седьмую даму по счету, а я гордо подпирала колонну, изучая потолок и ожидая выхода монарха с семьей. Раньше мне не приходилось видеть правящую чету с сыновьями и дочерью, и я изнывала от любопытства, ожидая, когда же они покажутся. Не для того, чтобы оценить наряд, а чтобы запомнить лица и обходить третьей дорогой, а если возможно, и седьмой. Но музыка играла, а монаршее семейство не торопилось.

– Леди, позвольте представиться, – вырвал меня из предвкушающего оцепенения знакомый голос того, с кого я хотела стребовать компенсацию за моральный ущерб, но все никак не доходила до увитого плющом забора с собаками на той стороне. – Юлиар Шарнес, к вашим услугам.

Мне пришлось губу закусить, чтобы не выругаться или, что было бы еще хуже, рассмеяться. Если бы не постоянные отчисления богу-покровителю, решила бы, что он на меня прочно сердит. Хотя за случайные встречи отвечал не только прохиндей Дадари, но и его вредная сестрица Мамари, подрабатывающая на досуге свахой и срывающая даже самые продуманные операции. Если верить мифологии, проворачивала она это частенько, за что любящий братишка ежегодно ей мстил, ворюя все подарки, преподнесенные ей людьми по случаю дня божества. Я и сама по молодости участвовала и, видимо, недостаточно перцем обсыпалась, раз Мамари меня учуяла и мстить решила. Эх, слушать старших следовало, говорили в рот тоже перец брать, а я смалодушничала...

– Май... Майри, – представилась я именем, похожим на правду, но ею не являющимся. Присела в реверансе, веером прикрывая лицо и глядя в пол. Точно на мозаику. Ведь ничего интереснее сценки с... Да сколько можно?!

С пола на меня смотрела и ухмылялась Мамари! И кто додумался ее вообще изображать в императорском дворце! Теперь же не отмоешься, если Райд заметит. Сам-то он от ежегодной кражи откосил: больным прикинулся. И где только споры кармисского гриба достал, чтобы так удачно лихорадку изобразить?

И что самое неприятное, Шарнес не преминул проследить за моим взглядом. Хмыкнул, словно получил подтверждение каким-то своим мыслям, и перевел на меня задумчивый, полный какого-то предвкушения взгляд.

– Рад знакомству, Майри, – не отказал себе в улыбке его светлость, сделал еще шаг, сокращая дистанцию между нами, и протянул руку. Намерение было прозрачным – ручку целовать юным барышням здесь любили.

Ахнув от открывавшихся перспектив, я протянула затянутую в перчатку ладошку. Целуй, если так хочется. Перчатки практически новые, всего на одно дело ношенные, а что белые... так к платью подходят – и ладно.

– И я... – пискнула, склоняя голову еще ниже. Темно-русская челка заслонила глаза. И вовремя, ибо Мамари на мозаике издевательски подмигнула, из-за чего на моем лице отразилась нескрываемая печаль... и злобная решимость отомстить этой поганке, провалив все ее планы напрочь. Знать бы еще, где божественный произвол, а где неудачное стечение обстоятельств.

– Я наблюдал за вами, – признался герцог.

Наверное, у молоденькой наивной дурочки эти слова должны были вызвать приступ легкой эйфории, но у меня только зубы закрипели от злости. Это ж сколько нужно терпения и, главное, свободного времени, чтобы четырнадцать танцев подряд смотреть, как я стенку подпираю. Неужели в императорском дворце ничего интереснее не нашлось? Или меня узнали, и теперь?..

– Ох... – только и могла вымолвить я, чтобы не ляпнуть чего-то неподходящего. Конечно, если бы меня заранее предупредили, я бы приготовила целый набор высказываний на нейтральные придворные темы и даже ежегодную поздравительную речь императора его народу, но природа пока не вышла на первый план в нашем общении, а говорить о драгоценностях я постеснялась.

– Вы немногословны, – отметил мою «застенчивость» мужчина, оказываясь рядом и норовя ухватить под локоток. Я прикрыла веки, чтобы мое страдание было не так заметно. Где-то в сознании возникла заманчивая мысль: а не упасть ли в обморок? Обстановка как раз располагала. – Молю о снисхождении, леди, готов бросить к вашим ногам все золото мира, все, что принадлежит мне по праву, только подарите мне этот танец. Для меня было бы искренним наслаждением ангажировать вас на тур вальса. Соглашайтесь, я буду счастливейшим мужчиной в этом зале!..

Дальше я не слушала. Хватит. Уши развесила, как трепетная лань на первом свидании. Еще и Мамари в дядьке в парике на полу усмотрела. Срочно в отпуск. Незамедлительно. Как за порог выйду, так сразу и уеду плавать. На острова. Оттуда не высылают и местным властям не выдают.

Я мечтательно вздохнула и вложила ладошку в требовательно протянутые пальцы. Ноги оттоптать, карманы освободить, заколку утянуть на память. Остальное – как повезет. Не спускать же его светлости тот факт, что он поспорил с двумя заинтересованно глядящими на нас господами. Уж я-то знаю эти любопытно-азартные взгляды, насмешливые полуулыбки и снисходительные «клюнула рыбка». Клюнула, еще как клюнула. В голову алмазным резак, чтоб неповадно было добропорядочных скромных леди соблазнять и в глазах общества позорить.

Влюбленно улыбаясь, я сложила веер и повесила его на руку. На мгновение его светлость остановился, но быстро пришел в себя, продолжая вести меня в круг танцующих. Узнал? Не должен был. Разве что мое «бальное» лицо ему кого-то случайно напомнило. Меня? После внезапного посещения «Зубоскалов» исключать такую вероятность было бы глупо, но... Ведь уже три месяца прошло, поиски закончились, захлебнувшись в самом разгаре из-за недостатка сведений, часть которых пропала прямо из сумок незадачливых искателей. Ничего взамен подброшено не было: лишившись улики

и испытывая головную боль сродни похмельной, ищейки предпочли сохранить лицо. Тем более аванс по договору не возвращался.

А танцевать его светлость умел. Танцевать и соблазнять, заставляя забыть о коварнейшем из планов: оттоптать ноги своему партнеру я так и не смогла. Да и как прикажете их оттаптывать, когда тебя самым кошунственным образом прижимают к себе, забывая обо всех приличиях и следуя дворцовой моде. И дыхание перехватывает от его руки, медленно сползающей вниз по ребрам и останавливающейся в районе копчика. Еще чуть-чуть, и он нащупает мою любимую отмычку. Или подушечки, делавшие мои округлости более... хм... округлыми.

– Не надо... – хрипло попросила я, делая попытку остановиться. Но что мои пятьдесят кило против герцогских восьмидесяти, да еще сдобренных военной выправкой и навыками? А потом... потом я забыла, что была против.

Вкус его губ я помнила дольше запаха парфюма. А он, должно быть, еще не один час поминал меня добрым словом. Но такова была его плата: пари он выиграл, влюбленная дурочка полчаса прождала его на балконе, затем цинично хмыкнула, поцеловала новоприобретенный медальон (золотой, не без удовлетворения отметила я), взятый авансом в счет морального ущерба, и, подвернув юбку, перемахнула через парапет, не желая идти через весь зал в одиночестве.

А заявления о краже медальона в стражу так и не поступило. Лишь через год о нем вспомнила тайная канцелярия, но разве можно найти драгоценность спустя такой срок?..

– Майя? – окликнули меня, вырывая из воспоминаний. Странные эпизоды, нелогичные, но имевшие место. Если бы мне еще кто-нибудь объяснил, что его светлости понадобилось от моей персоны, вообще осчастливилась бы.

– Ваша светлость? – с преувеличенным интересом отозвалась я, подаваясь вперед.

Склонила голову набок, как будто под углом бледное лицо собеседника могло поведать мне больше. Конечно, так оно и было. Но увы, к разряду ценной информации с трудом можно отнести точное до часа время бритья его светлости.

Хотя смотря кому эти сведения предложить. Убийцы наверняка заинтересовались бы распорядком дня его светлости, но с душегубами я старалась не связываться. Эти настоящие лица запоминали с первого раза, и ни грим, ни парики, ни каблуки не могли больше ввести их в заблуждение. А потому – нет, оставим на будущее этот козырь.

– Вам не интересно, куда мы едем? – продолжил играть на моих нервах мужчина. Я промолчала, но укоризны в моем взгляде было столько, что можно было спутать ее с ядом. – Что ж, пусть это будет сюрпризом.

– Улица императора Вильгельма, третий дом по правой стороне от Ржавого Всадника, – хмыкнула я.

Некоторое время, пылая праведным гневом, я соображала ужасную месть с проникновением, но то ли быстро остыла, то ли другая работа подвернулась, но ни один из домов его светлости не пострадал от меня.

– Польщен вашим вниманием, – кивнул его светлость, отмечая тот факт, что его адрес не является для меня загадкой. – Не думал, что вы решите меня навестить.

– Вы слишком настойчиво предлагали, – сквозь зубы процедила я и отвернулась к окну. Детали «приглашения» все еще были свежи в памяти. – «Туфельки», да?

– Полагаю, я должен извиниться, – серьезно предположил герцог.

Я криво усмехнулась. Извинится он или нет, а мою обиду это не отменит. И ведь на том балу я совсем хорошенькая была, скромная, трепетная, без лишнего грамма макияжа или сантиметра декольте.

– Поздно, – отмахнулась. – Извинения были бы уместны, связывай нас что-то, кроме метки и приказа белобрысой гадости.

– Дайрин знает, что вы его так называете? – любопытствовал герцог, подаваясь вперед и ища на моем лице признаки раскаяния или страха.

Но найти то, чего не было... Реальнее разглядеть на моем лице досаду – вот это чувство в полной мере посещало меня при воспоминаниях о графе.

– Полагаю, он прекрасно об этом осведомлен, – ответила и поморщилась. – Но можете ему донести. Подробности личных разговоров всегда интересовали его светлость в первую очередь. Только учтите, что и я могу о вас кое-что поведать.

– Обо мне он и так все знает, – лишил меня повода для шантажа его светлость. – Мы выросли вместе.

– Сочувствую... – искренне прониклась герцогским горем я, прижала руку к груди и склонила голову. – Ваш подвиг занесут в анналы.

– Занесли. – И в ответ на мой недоумевающий взгляд пояснил: – Наш общий друг в свое время вел дневник общества «З».

– Зануд? Забияк? Зазнаек? – предположила я. Впрочем, это была скорее дань разговору.

– Увы, всего лишь законников, – развел руками собеседник. – Но ваши варианты будут учтены на очередном собрании общества. Обещаю.

– Дорого ли стоят ваши обещания? – усмехнувшись, бросила я.

– Ах, это... – Лицо его светлости просветлело. – Вы все еще расстроены из-за нашего небольшого недоразумения? А я, признаться, полагал, что мой медальон примирил вас с моим опозданием.

– Опозданием? Более получаса – это не опоздание. Даже на собственную казнь принято приходить вовремя и не задерживать занятых людей, вы же...

– ...повел себя недопустимо с прекрасной незнакомкой, – закончил за меня его светлость. – И понес за это заслуженное наказание, верно? – Я нахмурилась, не понимая, куда он клонит. – Полагаю, рассчитывать, что вы вернете мне артефакт в обмен на что-то иное, слишком самонадеянно с моей стороны?

– Разумеется. Какой артефакт? – Я распахнула глаза пошире и всплеснула руками. – Никогда о нем не слышала!

– И не видели?

– И даже не пробовала! – охотно подтвердила я.

Там и так ясно было, что золото настоящее, так зачем в рот таскать. Мало ли чем предыдущий дегустатор болел. Или того хуже – металл проклятый.

– Ваша цена? – притворно сдался визави.

– Эти разговоры ни к чему не приведут.

Мне надоело играть с ним в игры. Конечно, будь мы поставлены в другие условия и не долей надо мной метка, я бы, может, и повеселилась, торгуясь. Но ни сил, ни настроения продолжать бесполезный спор не было.

Экипаж остановился. Кучер шустро прыгнул с козел, а при распахнутой дверце ни один уважающий свои секреты человек не стал бы откровенничать.

– Прошу.

Мужчина первый сошел на землю и подал мне руку. Я не стала отказываться.

В доме царили тишина и темнота. Лишь в коридоре, освещенном парочкой угасавших свечей, еще можно было разглядеть обстановку. Дорогая, но довольно старая обивка стен, начищенный паркет, скрипучий в некоторых местах, закрытые двери, из-под которых нет-нет, да и пробивался лучик света. Чужеродного, холодного, сияющего света

духа-охранника, патрулировавшего дом. Старый дом, древний, с историей.

Передо мной вежливо распахнули дверь и замерли, ожидая, пока я сделаю первый шаг. Но заходить куда-либо вперед хозяина было дурной приметой, порой несовместимой с жизнью. Никто ведь не знает, что его ждет там, за поворотом. Вдруг, стоит мне порог переступить, на голову таз холодной воды выльется? Неприятно, но простудой удастся отделаться. Но если вместо таза окажется проклятие Туманного Острова или Огненный шторм? Впрочем, последний едва ли: помещение маленькое, пожароопасных вещей хватает... Вот была бы это казна, там точно без Шторма не обошлось бы.

– Полагаю, я должен войти первым, – правильно понял мое промедление герцог и переступил порог. Впрочем, это мало о чем свидетельствовало: на хозяина такие чары никогда не срабатывали. Так что если герцог о чем мне и сообщил своим поступком, так это о том, что упрекнуть его в невнимательности не выйдет.

Вздохнув, я заверила себя, что от мертвой обгоревшей меня будет мало проку, а потому герцог должен воздержаться от порчи моей казенной шкурки. Шаг – тишина и покровительственный смешок из уст спутника убедили меня в отсутствии случайных ловушек.

– Присаживайтесь. – Мне указали на мягкое кресло, в которое я не без удовольствия забралась, разулась и поджала под себя ноги, после чего сползла ниже и закрыла глаза. Теперь можно и поспать... – Майя, – позвал меня его светлость, – если желаете отдохнуть, мы можем побеседовать и в другом месте.

– В каком же? – Лениво открыла один глаз и предупредила: – У меня разряд по дрессировке крыс. Так что и там выплусь.

– Не сомневаюсь, – без тени иронии согласился мужчина. – Но я имел в виду постель.

– Уж не вашу ли? – усмехнулась я.

– Если пожелаете составить компанию, – в тон мне ответил герцог. – Проводить?

– Как-нибудь обойдусь, – открестилась я от перспективы. – Вы хотели поговорить о чем-то, – напомнила и добавила: – Не предназначенном для слуг.

– Верно, но полагаю, это лишено смысла. Возвращать мою бывшую собственность вы не намерены, а мне нечего предложить вам столь же ценного.

– Ваша потеря настолько ценна? – заинтересовалась я давним приобретением. Оценщику я медальон не показывала: что-то внутри противилось необходимости передавать артефакт в чужие руки. Даже Райд не знал о моем трофее. Большой, красивый, с вязью древних, незнакомых мне рун, он оставался теплым независимо от погоды и температуры моих рук, согревая теплящейся внутри магией. Доброй даже ко мне, не хозяйке этой вещицы. При одной мысли о расставании с амулетом становилось горько во рту, а пальцы непроизвольно сжимались. По-хорошему, это было лучшим сигналом избавиться от вещицы, пока не случилось чего-то непоправимого. Не зря о родовых артефактах ходили неприятные слухи, но тогда возникал вопрос: отчего магия амулета приняла меня?

– Для меня – определенно да, для скупщика краденного – не слишком, – расставил акценты герцог. – Ваше удивление я склонен принять за подтверждение моей теории. Медальон взяли вы.

– Ничего не знаю, ничего не видела, по значным местам не ходила, – заверила я мужчину, сетуя на себя. Чего стоило промолчать? Хотя помогло бы мне это молчание? И так ясно: если предмет за год не всплыл на черном рынке, значит, его для себя оставили, в коллекцию, так сказать, взяли. Трофейную.

– Разумеется, – усмехнулся собеседник. Он не выглядел расстроенным или раздосадованным. Напротив, на лице герцога поселилась улыбка. Словно он получил не очередной отказ, а напротив – желаемое, будто сам факт присутствия его медальона у постороннего вызывал у него чувство глубокого удовлетворения. И это было странно.

Я бросила быстрый взгляд на собеседника и не могла не отметить, как хорошо он

смотрелся в своем кресле. Роскошно. Отрицать красоту герцога Шарнес не смог бы даже самый упертый скептик, а уж кресло, которое он занял...

Новое, но не из тех, что сейчас заполнили мебельные лавки, с отделкой под полевые цветочки, а добротное, с бежевой обивкой, широкими и мягкими подлокотниками и... Я бы себе определенно поставила, если бы знала, где такое раздобыть. Можно даже вместе с мужчиной...

На последней мысли я почувствовала, как щеки заливают краской, и тряхнула головой, отгоняя всяческие соблазнительные непотребства, коим не пристало приходить в головы добропорядочных девиц. В конце концов, действительно не «туфелька», чтобы ради мужчины забывать о работе. Мамари, твои проделки?

– Полагаю, мой ответ вам был известен заранее, – хмыкнула я, беря себя в руки. – Так зачем же вы затребовали встречи наедине? И чего вам это стоило?

О, этот вопрос меня действительно волновал: хотелось уточнить, сколько нынче ночь со мной стоит. Раньше заказчик тратился неплохо, но сейчас, когда мне денег за услуги не полагалось... Звучит, конечно, кому скажи – неправильно поймут.

– Пусть это останется между мной и вашим непосредственным начальником, – ушел от ответа его светлость. – Но если вас это утешит, весьма дорого. Дайрин никогда не упускает своего, а я желал увидеть вас вновь.

– Только и всего? Тогда не следовало тратить. Волей нашего великого и беспощадного каждый будний день я отбываю трудовую повинность в Таринской Школе. Полагаю, это не продлится долго, поэтому спешите, аттракцион подходит к концу, – голосом заправской зазывалы отрекомендовала я.

– Уже спланировали побег? – понятно осведомился герцог. Отчего-то его компания была мне приятна. Особенно когда собеседник улыбался, прикрыв глаза и словно бы наслаждаясь моментом.

– Примерно, – заговорщицки подмигнула я. – Меня оттуда сами спобежат. Весь преподавательский состав. Коллективно. Особенно будет усердствовать любовница графа.

– Моника? – нахмурившись, вспомнил герцог.

– Вы знакомы? И как вы догадались, что речь идет именно о ней?

– Видел однажды. А Дайрин упоминал о некоем конфликте между вами. Поделитесь?

– Это неэтично! – патетично заявила я и шепотом добавила, желая хоть как-то себе настроение повысить: – На первом занятии по изобразительному искусству...

Как-то незаметно, ибо мне было приятно рассказывать о своей «любви» к начальству, прошел первый час нашей милой беседы. Его светлость оказался на редкость приятным собеседником: не мычал, не ворчал, не задавал ненужных вопросов – тихо и мирно сидел в своем кресле и слушал, как я на разные лады костерю Дайрина, Маджери и всю тайную канцелярию в целом.

Ничего полезного он, правда, почерпнуть из моей тирады не мог (за этим я строго следила), а наши отношения с шефом, получившие после моей поимки новые силы, тайной не являлись. Как, впрочем, и крайне негативное восприятие главы тайной службы всем преступным сообществом страны. И если карманники о его светлости лишь отдаленно слышали, то ворами постарше и посерьезнее доводилось встречаться с ним лично. И не всегда встречи случались на нашей территории.

Пробили часы, намекая, что время для вечерних бесед уступило место совсем другим минутам, но его светлость не сдвинулся с места. Он продолжал внимательно слушать, ни словом, ни действием не намекая на то, в чем я его подозревала. В душе даже стало как-то обидно: молодая и красивая я, а он даже намеком не высказал своего желания упрочить знакомство.

Мысленно отвесила себе подзатыльник: нечего бдительность терять. Плавали – знаем,

сидят такие вежливые, внимательные, но лишь до тех пор, пока своего не получают. А раз прямо сразу не полез, значит, на уме у его светлости нечто, что куда важнее развлечения на одну ночь. Но что же может быть нужно герцогу?

– Ваша светлость, – я оборвала на полуслове рассказ о патологической любви начальства к перчаткам, – может, просто скажете, чего от меня хотите, и разойдемся? Я подумаю, как помочь вам, вы – как нам больше не встречаться... Все будут довольны, не сомневайтесь.

– Так уж и все? – иронично переспросил мужчина.

– Все, – с уверенностью заверила я. – Все мы ценим свое время, а сейчас вы тратите его впустую. Ничего полезного, того, что граф не расскажет вам за бокалом вина, если вы, и правда, добрые друзья, я не поведаю. О медальоне, о котором я первый раз в жизни услышала от вас сегодня, – прошу внести в протокол – новой информации вы не получите, а время позднее, для кожи вредное. Пора собираться спать. Так неужели мы не сможем договориться побыстрее? Или вам доставляет удовольствие слушать мои бредни?

– Доставляет, – невозмутимо согласился его светлость. – Но раз вы устали, позвольте проводить вас в вашу спальню.

– Мою спальню?

– Гостевую, – уточнил мужчина, чем вызвал у меня ощущения сродни шоку. Гостевые апартаменты для меня? Без замка на двери и трехслойной защиты от проникновения? Ваша светлость, вы с ума не сошли? – Или у вас имеются возражения на этот счет?

– Отсутствуют, – развела я руками, сползая с кресла. – Ведите. И не будите меня.

– Вы не боитесь опоздать на занятия? – уточнил его светлость, открывая передо мной дверь.

– А я скажу, что вы меня не разбудили, – поведала я свой коварный план.

На самом деле он был еще коварнее, чем казалось. Мне не нужно было просто подставлять герцога, мне хотелось узнать, позволит ли он и это, пойдет ли на открытый конфликт с Дайрином просто из-за моей «хотелки». Ответ меня огорошил:

– Прикажу не пускать графа до обеда, – пообещал его светлость, заговорщицки подмигивая.

Я остановилась и серьезно, с превеликим вниманием воззрилась на собеседника.

– Ваша светлость, вы понимаете, что ваш медальон к вам не вернется?

– Понимаю.

– Вы уверены, что не хотите попросить меня о чем-нибудь еще?

– Признаться, – мужчина вздохнул и покаянно возвел очи к потолку, – у меня есть к вам одна просьба. – Он помолчал. – Даже две.

– Слушаю? – Я насторожилась, мысленно прикидывая, что и откуда придется тащить, да еще так, чтобы начальство не заметило. Впрочем, если его светлость прикроет... Можно и попробовать, но в обмен мы попросим...

– Будьте аккуратны с мебелью и по возможности не храпите. Моя экономка спит очень чутко, не хотелось бы заставлять ее просыпаться среди ночи.

– Постараюсь... – ошарашенно выдохнула я.

И ведь понимала я подход этого мужчины, знала о таком, но ничего поделать с собой не могла: любопытство само заставляло не отводить от него взгляд и думать, думать...

Уже и дверь за спиной захлопнулась, и шаги в коридоре смолкли, а я сидела на кровати, поджав под себя ногу, и соображала, что вообще происходит. Зачем его светлости играть

со мной в такие игры, когда он мог просто приказать, пользуясь меткой. А теперь предстояло полночи ворочаться то ли в ожидании, то ли в предвкушении, то ли сочиняя, для профилактики, тираду любимому шефу.

По всему выходило – пары я точно прогуляю. Благо меня уже обещали отмазать.

Выспалась. Первая мысль, посетившая меня по пробуждению, была именно такой. Я наконец-то абсолютно и бесповоротно выспалась. Никто не стоял над душой, не скребся на пороге, не шаркал тапочками за стенкой, не скрипел кроватью и вообще никоим образом не будил меня с утра пораньше. Даже будильник молчал, войдя в мое бедственное положение. Или его и вовсе здесь не было, поскольку комната вокруг была совсем не общажная и с домом любимого шефа имела мало схожего. А походила больше...

Ой, демоны бездны, не приснилось! Это была вторая мысль, заставившая меня сесть на кровати и ословевше оглядеть убранство. Точно, и шторы нежно-синие задернуты, чтобы солнце не мешало высыпаться, и коврик мягкий-мягкий, чтобы ботинки приятнее искать было, и кресло занято бодрствующим и завтракающим в ожидании моего пробуждения герцогом...

Приличия мы нарушили. Это была третья мысль, после которой я снова начала думать связно, закутываясь поплотнее в одеяло и косясь на его светлость. Тот с превеликим вниманием рассматривал меня, хотя следовало любопытствовать рисунком на ковре. По крайней мере, в приличном обществе так поступали. Если верить светской куртуазной литературе. В бульварной все иначе было, вот как у нас сейчас. Только без одеяла. А с ним я расставаться не намерена. Сквозняк все же, заболею, бал пропущу, кто тогда пойдет работать?

– Утро доброе? – поинтересовалась я с намеком, что добрым утро как-то не кажется. И неплохо было бы внести коррективы в текущее положение дел, чтобы ситуация изменилась.

– Прикажу подавать завтрак. – Герцог поднялся и без лишних слов вышел.

Вот теперь утро действительно доброе. Но озадаченное. Это насколько же хорош его светлость, и не промышлял ли он раньше моим ремеслом, что так просто подкрался? Или я всю ночь под усыпляющими чарами лежала?

Я принялась, но оглушительно чихать не стала. Промашка. Обошлось без усыпляющих, иначе бы уже всюю распространяла свои хвори по комнате: аллергия на определенный вид магии. Хорошо еще, что не на бытовую.

Пользуясь отсутствием зрителей, я хмыкнула, откинула одеяло и натянула ботинки. Вот еще: спать в незнакомом месте без одежды. Ботинки-то ладно, в руки взял и деру в окно, а пока все крючочки застегнешь... Моя предусмотрительность сэкономила мне пару ценных секунд, поскольку герцог, с утра явно позабывший о воспитании, вошел без стука, зато с подносом. Что и говорить, делиться своим остывшим чаем он не собирался.

– Позвольте помочь?

Его светлость поставил поднос на прикроватный столик и потянулся к последним крючочкам. Правда, выглядел он слегка озадаченным и радостью от моей предусмотрительности не пылал. Разве что смирением. Ну вот и поделом. Даже помятое платье жалеть не буду. Бытовая магия для того и придумана, чтобы после ночи валяния по полу и тесного общения с коровой выглядеть королевой.

– Не хотелось бы вас утруждать.

Я перекатилась на кровати и сползла с другого края. Ботинки, к счастью, грязными не были, иначе убила бы меня прачка... Но думать о горестях прачки не было времени. Ловко подцепив крючки, я закончила с платьем, быстренько завязав пояс и выпорхнув из кровати.

Сонная, помятая и уделяющая завтраку внимания больше, нежели случайному кавалеру, я обежала вокруг и уцепилась за поднос.

– Готово! – отчиталась я. – Позволите? – Я поднырнула под рукой его светлости, намереваясь утащить поднос.

– Нет, не позволю.

Я остановилась, смерила собеседника недоумевающим взглядом и осторожно поинтересовалась:

– Но ведь вы это принесли для меня?

– Для вас, – подтвердил его светлость, перехватил мою ношу и самолично пронес целых семь шагов до столика, где уже совсем остыл его собственный напиток. – Прошу, угощайтесь.

Я пожала плечами. Впадать в истерику из-за странностей аристократов я считала глупым занятием: понять их все равно не удастся, а если захотелось ему носильщиком поработать – его право. Как и дом, и завтрак, и мое время, которое, видимо, снова выкупили.

– Премного благодарна.

Я плюхнулась в свободное кресло и протянула руки к ароматному напитку. Еще и кусок вишневого пирога. День определенно начинался хорошо. А герцог и его отсутствие воспитания... так не всем же чудеса самоотверженного героизма проявлять. Да и кто докажет, вдруг он уже выиграл битву с моим дорогим шефом и отдыхает после ратных подвигов?

– А шеф не заглядывал? – осторожно поинтересовалась я.

– Уже ушел, – спокойно ответил герцог, отпивая из чашки.

Я проследила за его взглядом и была приятно-неприятно удивлена. Даже мне, с соседней точки обзора, было заметно окошечко над кроватью, через которое прекрасно просматривалась... гостиная. Хм, мне выдали номер с развлечениями, а я не оценила? Хотя меня прощает тот факт, что окошечко было односторонним: из спальни видно, а вот из гостиной – нет. Иначе стала бы наряженная, как статуя императора в день его рождения, дама так разоряться, попрекая то ли внука, то ли племянника неразборчивостью в связях и прочих неподобающих вещах.

Список прегрешений шел далее, и, должна отметить, неплохой: во-первых, потому что вменялось в вину неумение транжирить деньги направо и налево, во-вторых, участвовать в развлекательных мероприятиях коллективного толка, еженежно проводимых на территории дворца, в-третьих, обещание «выгнать к демонам» любого, кто потревожит его сегодня приглашением посетить подобное мероприятие. Прочих посетителей было приказано вежливо отсылать обратно. Но дама, видно, не желала вежливости, дама желала своего племянника немедленно, пока о нем слухи не пошли. А если у слухов еще и основание есть... – тут мадам мечтательно прищурилась, – то она приложит все усилия, чтобы...

– Не желаете ли пирога? – не дал дослушать мне обещание престарелой служительницы дворцового порядка герцог.

– Желаю, – согласилась я и впила зубами в кусок. Уши тем временем работали на прием, но, кажется, кто-то снова поколдовал, ибо комната напротив стремительно опустела. – Подслушивать родственников нехорошо, – удержаться от шпильки было выше моих сил. – А подглядывать...

– ...и вовсе аморально, – закончил за меня Юлиар Шарнес. – Но планы тетушки лучше узнавать заранее, пока она не начала претворять их в жизнь. Приношу свои извинения за доставленные неудобства. К сожалению, предсказать, в которую гостиную направится ее светлость, пока не удавалось никому.

Извинения звучали довольно искренне, вот только ложь я чувствовала отменно. Видно, классовая особенность, а может, герцог и не хотел, чтобы я верила его словам.

Как бы то ни было, после завтрака я сбежала. Дождалась, пока его светлость отлучится,

и перемахнула через подоконник. Второй этаж – развлечение одно. Быстро преодолев расстояние до земли, я выскользнула в приоткрытую специально для меня, иначе и не скажешь, калитку и отправилась гулять по городу. Времени до серьезного разговора с начальством оставалось считанные минуты, а потому я резво направилась в трущобы. Поиграем в прятки?

Не поиграли. Направленный портал – прямое нарушение всех неписаных правил игры, но именно им за мной явился... герцог. Не говоря ни слова, ухватил меня за запястье и переместился. На сей раз в свой кабинет, в котором в светлую пору суток было куда страшнее, чем ночью. Наверное, из-за того, что мне все же стыдно было: заставила за собой бегать. И не любезное начальство, коему по должности положено тренироваться по утрам, а своего гостеприимного хозяина.

– Простите, – вздохнула я и села в уже знакомое кресло.

Его светлость проявлять подобную традиционность не спешил и замер стоя. Помолчал, как будто думал, стоит ли доносить на меня Дайрину, и медленно выдохнул.

– Больше не убегайте, – попросил он наконец. – Я поручился перед Дайрином, что вы не выкинете ничего порочащего его или мое имя.

– Жаль.

– Кого?

– Что, – поправила я. – Ваше имя. Но позвольте все же спросить, почему вы так неосторожно поступили?

– Неосторожно поступил?

– Взяли ответственность на себя. Разве мой сиятельный шеф не поделился с вами подробностями моей биографии? Или вы все еще считаете, что ваше имущество случайным образом исчезло, а ее высочество в порыве страсти подарила любовнику драгоценности и теперь не признается? – Герцог усмехнулся, а я серьезно добавила: – Конечно, так оно и было. Ведь воров не было ни на одном из мероприятий, но... давайте начистоту: что вам от меня нужно? Мебель, так и быть, оставим в порядке, я не вандал, чтобы ей вредить. И вы об этом наверняка догадываетесь, иначе беседовали бы мы где-нибудь в менее уютном месте. Ваша светлость, признайтесь, у вас есть заказ?

– Возможно, – усмехнулся мужчина. Но на лице не было ни капли веселья. – Но как вы намекнули, больше по прежней специальности вы не работаете.

– Конечно, – стукнув кулачком по груди (к сожалению, своей), заверила я и шепотом добавила: – Но хоть поделитесь, что хотели одолжить и у кого?

– Сначала клятва, – потребовал его светлость.

– Даже так? На одну только информацию о гипотетическом заказе?

– Именно. За любопытство нужно платить.

Я вздохнула. С одной стороны – не сдалась мне чужая тайна, с другой – хотелось прояснить, что же задумал герцог, что со мной уже сутки возится и не сдает шефу. А при моем характере и отточенных повадках... Скороговоркой проговорив требуемую формулу, я с предвкушением уставилась на собеседника. Он не заставил себя уговаривать:

– Мне нужен охранный амулет Дайрина.

От неожиданности я подавилась воздухом.

– Охранный... Что? Вам-то он зачем? – Герцог закономерно не ответил. – И после этого вы заявляете, что мой любимый шеф ваш друг? Интересные ныне отношения между друзьями.

– Не самые худшие, – пожал плечами он. – Все же я обратился к вам, а не в

«Кондитерскую лавку старика Шаири».

– Если бы туда, я бы даже ввязываться не рискнула, – честно призналась я, а во рту стало сладко-сладко. А на душе тоскливо и горько, как всегда бывает, когда после небывалого удовольствия смотришь в кошель, а там оказывается безнадежно пусто. И обещаешь себе больше не ходить и не тратить, но едва перед глазами встает вывеска самой лучшей кондитерской города, то и жадность отступает на второй план. И неважно, что, скушав конфетку из лавки старика Шаири, можно никогда не проснуться. Ведь главное – покупать их в лавке, а не брать из рук наемного убийцы. Впрочем, если кто-то из ребят Шаири заглянул – лучше скушать конфетку и умереть счастливым. Так хоть ковер выбрасывать не придется, а то обижаются мальчишки, когда творчество их дядюшки не ценят, сильно обижаются... еще неделю помещение отмыывают после таких отказов.

– Бойтесь поправиться?

– Боюсь, возможности отплатить за доброту не будет, – натянуто улыбнулась. – Или вы и мне свидание с ними обеспечите после заказа?

– Если не станете меня вынуждать...

Договаривать смысла не было: и так ясно, что средств обратиться к старику у его светлости хватит. Другое дело, что мешает ему пригрозить этими ребятами мне и попросить вернуть амулет? Так и быстрее, и дешевле, и дружбу свою под удар ставить не придется. Нет, не сходилась здесь что-то.

– Вы уверены, что вам нужен амулет именно графа?

– Вы передумали и готовы вернуть мне мой собственный?

– Рассматриваю варианты, – осторожно сообщила я. – Возможно, его удастся отыскать. За сумму...

Передо мной лег типовой контракт на кражу в особо крупном. Храмовая бумажка, противная, особая. После подписания исчезнет, но не дай тебе Дадари контракт не выполнить. Ох и прилетит божья кара!.. И сумма, на ней написанная. Почтенная сумма, на год безбедного житья в Лайсаре хватит. И платится лайсами, как будто знает его светлость...

Я бросила быстрый взгляд на собеседника. Тот лишь насмешливо усмехнулся и кивнул на договор. Пришлось читать дальше. Права, обязанности, вознаграждение. А вот и сроки. Я взглянула на дату и выругалась в голос. Сдерживаться уже не имело значения. Последним днем исполнения заказа стояла дата проведения бала. Тот самый день, после которого я собиралась не возвращаться в Тарин и забыть его как страшный сон. Неужели не удастся? Если о моих намерениях знает герцог, тайна ли это для графа?

– Попробую поискать, – пообещала я, стараясь не акцентировать внимание на дате.

– Вас что-то смущает? – А вот герцог тактом не отличался. Или, напротив, прекрасно знал, какой должна быть моя реакция, и собирался ее получить.

– Разумеется, нет, – огрызнулась я. – Разве что перспектива обворовать своего начальника и загнать к нему в рабство еще лет на двадцать. Признайтесь, вместе планировали?

– Все возможно, – тонко усмехнулся мужчина. – Но вы не узнаете этого, пока не попытаете исполнить мой заказ. Или откажетесь? Впрочем, вы можете разыскать мой амулет...

– Чтобы, как только поймете, что сумасшедших связываться с Мстительным Дайрином нет, вы в кондитерскую зашли? Вот уж увольте.

От огорчения я даже перестала стараться выглядеть серьезно или ответственно. Настроение и так было испорчено, будущее казалось беспросветным, а желание повеситься на ближайшем кусте практически неудержимым. Практически. Ибо стоило мне предпринять попытку к самоубийству – шеф явится во всей своей красе спасти свои вложения и дармовую рабочую силу.

– В таком случае, заказ вы берете? – ничуть не устыдившись, поинтересовался его светлость.

– Клятва о неразглашении? – мстительно потребовала я. Юлиар Шарнес не возражал. Еще бы, что ему та клятва, по-крупному здесь я встряла, а не он. – Беру, – вздохнула и, повертев в руках ножик, чиркнула по пальцу. Моя капелька крови – его капелька, и контракт взят. Как и очередной ошейник, и возможные в ближайшей перспективе дополнительные двадцать лет. Эх, чувствую, придется со своим имуществом распрощаться – к шефу в спальню я ради какой-то побрякушки, да еще с таким риском, не полезу.

Дайрин не дурак – мое появление в его спальне за обычное любопытство не сойдет. Разве что мисс Монике приятно сделать, чтобы не расслаблялась и вела себя эмоциональнее при встрече. А то пока не дорабатывает, всего-то на семестр вперед мне двоек наставила в ведомости. А как же следующий год?

Пытаясь себя хоть как-то развеселить, я стянула остатки чужого пирога, вздохнула и поплелась в общежитие. Ловить здесь уже нечего было, а герцог... Не люблю я клиентов, которые меня в лицо знают. Переезжаю. Теперь уже точно. Только бы выгорело, только бы не сдал аристократ проклятый, демоны б его, да не один раз...

Запутывать следы следовало заранее, а потому на следующий же день, вытерпев примерку и Маджери, я направилась постигать азы приготовления запрещенных зелий и всячески демонстрировать свою отсутствующую лояльность и необходимость привлечь талантливое дитя на свою сторону.

Интересно, как быстро доклад о моем маленьком увлечении ляжет на стол шефа? Или уже лег? Вот не верилось мне, что без ведома канцелярии здесь запрещенные составы варятся. Хотя если инициатива исходила лично от Зарана, а курирует сей проект лорд Аскелир... Мужчина замечательный и примечательный во всех отношениях, замеченный в личной дружбе с императором, а потому практически всесильный... Ох и будет мне трепка. А ведь обязательно будет. На то и расчет. Нужно же дать начальству в руки пряник, чтоб знали, чем манить и завлекать. Иначе плакала моя вылазка, если ничего достойного предложить не смогут. Все же знают, за просто так я не работаю.

На ум тотчас пришел герцог с его пожеланиями. Хотя и с него мне причитается. Разве что методы у него...

С этими грустными мыслями я пересекла порог алхимических лабораторий и зажгла огонь под горелкой. Райд внимания ядодела не удостаивался, а потому, кроме рассказа об особенностях вербовки в химики, ничего поведать не смог. Но и то не беда. Все же яды – они не для мужской руки, а порядочной девушке сама Мамари велела: не одними же улыбками мужа удерживать, иногда и поварить полезно. Что-нибудь. На что знаний хватит. И смелости. Все же составляющие у большинства приворотных не для трепетных дев. Пока накопишь, пока порежешь... Я прямо сочувствием к привороженным мужьям прониклась: брать эту гадость в рот – удовольствие ниже среднего.

А работа меж тем продолжалась. Вскрыв замок на шкафчике с ингредиентами, я весело поигрывала ножом, рождая на дощечке новые и новые кусочки, а в ступке – качественное пюре.

Время было темное, а потому я зажгла все свечи. Огласки не опасалась: подвал он и есть подвал, кому, кроме меня, нужен. Разве что...

– Адептка Дашан, и как прикажете понимать ваше вторжение?

...хозяину помещения.

– Терпение и прилежание? – предположила я, помешивая по часовой стрелке универсальный проявитель.

Конечно, универсальным он не был, просто обладал самым широким спектром. Четкость, разумеется, подводила, но большинство веществ на его состав реагировало. Недаром им каждый второй пользовался. А каждый первый – голубиной почтой, чтоб уж наверняка ни к кому в руки не попало. Правда, о судьбе голубей история предпочитала умалчивать,

но сырье для гадания на птичьих потрохах на рынки поставлялось исправно.

– Кража со взломом, – взглянув на обилие использованных ингредиентов, поправил меня мужчина. Но отрывать меня от дел несправедливых не стал. Напротив, вытянул из-за ближайшего стола стул и уселся, с любопытством следя за моими действиями.

Я поморщилась. Не люблю работать со зрителями. Как на экзамене, сейчас еще кто-нибудь из наставников розгу достанет, чтоб поторапливать нерадивых. Со времен школы ненавижу, но кто ж спрашивает мнение попавшейся на горячем адептки.

Вздыхнув, я процедила отвар и, макнув в него кисточку, привычным жестом провела по картону. Он намок, впитывая жидкость, и... остался прежним. Разве что мокрым и вспухшим. Даже никакого постороннего аромата не добавил! Обман! Афера! Издевательство над моим любопытством!

– И как это понимать?

– Майя, не хамите, – напомнил мне о разнице в статусах мастер, поднимаясь со своего места.

– Простите, глубокоуважаемый мастер. – Я склонилась так низко, что залезла под стол. Не люблю, когда меня втемную используют. – Не смею больше попадаться вам на глаза.

– Не паясничайте. Вам не идет. – Я промолчала, обиженно вздыхая. Если универсальный проявитель ничего не показал и даже запах у бумажки не изменился, значит, и не было там ничего. А мне просто пустышку вручили. – К тому же свое главное предназначение эта бумажка выполнила: вы пришли вновь, и мы можем поговорить без свидетелей.

Я показалась из-под стола, расстроено заглянула в бесчестные зеленые глаза собеседника и вздохнула.

– А вам-то что от меня нужно? Сами же с канцелярией на короткой ноге? Или решили покровителя сменить? Так мой вам не понравится, он старый и в спальню зовет постоянно. Еще и с вредными привычками: все отберет и даже денег на расходы не оставит. Нужен он вам?

– Полагаю, что в таком качестве нет, – спокойно ответил мужчина.

Скользнувшая по губам улыбка быстро исчезла, но я еще успела уловить ее следы. Видимо, не любил господин Заран улыбаться. Да и вообще на эмоции был не слишком щедр. Даже двойки ставил с каменным лицом и ничего при этом не говорил. Мстил исправно, но так, что доказать никто не мог. В общем, соответствовал своей профессии. И вот что ему от меня понадобилось? Личная беседа посреди ночи в его лаборатории? По нему же больнее ударит, если я решу попрактиковаться в пении.

– Полностью вас поддерживаю, – призналась я и, желая немного сменить поле битвы, села на стол. Обычно зельевары от этого приходили в гнев, но господин Заран отличался недюжинной выдержкой. Он лишь подался вперед и заметил:

– Приятное зрелище. Но я бы немного сменил позу.

И вроде бы в голосе не было ни издевательства, ни насмешки, но уж сколько в нем слышалось предложения помочь... Со стола спрыгнула непроизвольно, еще и отошла.

– И что вам нужно? – Сил терпеть уже не было. – Обратитесь официально, его светлость человек добрый и отзывчивый, мое время раздает направо и налево, а вам может и в счет будущих услуг дать. Только смысл? За алхимический отдел Аскелир отвечает, а при вашей квалификации и он на уступки пойдет. Так в чем смысл?

– И с лордом Аскелиром вы знакомы, – отметил собеседник.

– Заочно, – поморщилась от нехороших воспоминаний. Качественные у него сыворотки, особенно свеженькие и усовершенствованные. – Приходилось дегустировать творения его подчиненных. А вы пробовали? Отменные зелья, рекомендую.

– Поверю на слово, – заверили меня и перешли, наконец, к делу. – Майя, а вы не хотели

бы сменить покровителя?

– Шило на мыло? Нет уж, родное начальство я уже знаю и люблю. Со всеми его выдающимися качествами.

– Поверьте, у лорда Аскелира их не меньше.

Я едва удержалась, чтобы не ляпнуть что-нибудь такое, за что настоящие лорды тут же тащат отвечать за свои слова, но вовремя сдержалась. Хамить ядоделам даже ради сохранения образа и из-за приобретенной вредности не стоит. Слишком хорошая у алхимиков память. И длинные руки.

– Меня не отпустят, – виновато пожала плечами. – Контракт.

– Долгий?

– Десять лет, – с затаенной гордостью заявила я и с ненавистью добавила: – Кабалка.

– Сколько же вам лет?

– А сколько дадите? – не удержалась от кокетства.

– Вам уже дали. Десять, – напомнил собеседник. – Но вам вряд ли больше двадцати, а значит, последние годы вы провели весьма интересно.

– На скуку жаловаться не приходилось, – с ностальгией вздохнула я. – И все же, господин Заран, что вам от меня нужно? Лично вам, а не вашему начальнику. Будь у него личная необходимость, меня бы вызвали на ковер и уже там предлагали плюшки и пряники. Вы же пригласили меня едва ли не на свидание. Не боитесь, что репутация пострадает?

– Как-нибудь переживу, – отмахнулся зельевар. – А пригласил я вас... Мне нужен ассистент, а те варианты, что предлагает ведомство, не слишком хороши.

– Выпишите себе из Университета Прикладной Магии.

– Я бы так и поступил, – согласился преподаватель. Нахмурился, как будто принимал непростое решение, но все же сказал: – Майя, лучше согласитесь. Я слишком устал, чтобы выдумывать несуществующие причины вашей мне надобности, но одному известному нам человеку крайне важно, чтобы вы и дальше продолжали портить мне реактивы своей безалаберностью. За то время, что беседуем, я потерял уже не меньше ста миллилитров раствора Арата, терять еще пятьдесят, уговаривая вас, я не намерен.

Он быстро поднялся и пересек проход. Остановился у стола и с профессиональной сноровкой закрутил бутылек одним движением.

– Вы невероятно убедительны! – оценила я красноречие собеседника. Что ж, если вопрос стоит таким образом, лучше уж мне подыграть. – Полагаю, мне стоит поддержать вашу игру. Во сколько я должна приходить?

– Ежедневно после ужина, – назначил время мужчина.

– А обязательно алхимией заниматься?

– Почерк хороший?

– Мадам Гельтруда хвалила.

– В таком случае можете и пописать.

– Договорились. – Я автоматически протянула вперед руку, но господин Заран лишь с укоризной взглянул на меня. – Можете передать нашим общим знакомым, что я счастлива поработать секретарем еще и у вас. Оплата почасовая.

– Я учту, – спокойно пообещал мужчина, убирая за мной со стола. – Возможно, через год вы и сможете отработать потраченное мною сегодня время.

Уже на пороге я обернулась и задала мучавший меня вопрос:

- Господин Заран, а неужели совсем в ученицы не гоюсь?

- У вас уже есть дело, в котором вы лучше многих, Майя, и вряд ли вы сможете от него отказаться.

- А вы смогли?

- Не смог... Поэтому мы оба играем по чужим правилам. Вот только, адептка Дашан, не всегда то, что кажется нам ловушкой, – наихудший вариант. Подумайте об этом. Вторым шансом редко удается получить, а третьего не дают никогда.

«Вторым шансом редко удается получить...» Угу, редко. Если, по словам Райда, его светлость заинтересован, то можно и третий с четвертым выкинуть демону на рога. А там и пятый с шестым, если очень уж заинтересован будет. Но лучше все-таки не рисковать и с первого раза справиться.

Успокаиваясь и настраиваясь на маячившую на горизонте работу, я понуро плелась по коридорам школы. Мимо окон старалась не проходить, все больше к стеночке жалась и по перилам съезжала. Из учебного корпуса выбралась без происшествий, а уж проникнуть в общагу...

Общежитие охранялось не в пример лучше. С бдительностью местного коменданта не могли соперничать даже герцогские собачки, а уж с его нюхом... Сменщица господина Плеева также была женщиной серьезной и на мелочи не разменивавшейся. Каждую ночь она городила по коридорам первого этажа такую охранную сеть, что не каждый банк себе ставил. Вот только все они забывали об одной простой уловке, стоившей казны не одному поколению аристократов. Магия магией, а если руки-ноги правильно растут, то можно и своими силами: по дереву и в окно.

Уже стоя в комнате, я поняла, что слегка переоценила себя. Мышцы все же потянула – нужно было разогреться как следует и не опасаться отчисления по морально-этическим соображениям. Одного настоящего имени за глаза хватит, чтобы меня отсюда убрать. Разумеется, если дело до прессы дойдет.

Но так далеко загадывать в моем случае не приходилось. День простоять и ночь продержаться, а там и поворотное дело. Сделаю как надо – и на острова. Там тепло в это время, еще и комары исчезают силами местных магов.

Упав на кровать, я отключилась в считанные секунды. Еще бы мне привередничать: в камере пол вообще жесткий и без подогрева.

Неделя перед делом была самой насыщенной за последнее время. Так я хотела бы сказать. Увы, все было совсем иначе. С лекций меня не забирали, на ковер не вызывали, карами и наградами перед носом не размахивали... В общем, делали вид, что я их совсем не интересую.

Я тоже делала вид. Добропорядочной леди, взявшейся за ум и ничем криминальным не промышляющей. Ходила себе на вечерние свидания с господином Зараном, отдавалась пламенной страсти графоманства, переписывая рецепты его юности и стенографируя комментарии работ своей группы. Последние, с моей легкой руки и голодающего желудка, входили в активный оборот и продавались по медяку за цитату. Пришлось, конечно, и господина Зарана в долю взять, но он особенно и не возражал: самолюбие льстило.

Единственная гадость, которая случалась со мной ежедневно, называлась примеркой. Пропускать ее было нельзя, а ходить следовало с Маджери. Последнее обстоятельство печально сказывалось на моем душевном здравии и его самочувствии.

Три раза я терялась в городе, четыре «засыпала» в примерочной, восемь раз носом текла кровь и еще одиннадцать Маджери грозился настучать на меня шефу. Здравый смысл подсказывал, что он делал это и без угроз каждый рабочий день, а иногда и по выходным, поэтому слова его пролетали мимо моих ушей.

В конце концов, он меня никогда не любил, а достать из тайника герцогский амулет требовалось в кратчайшие сроки. Хорошо еще, что через весь город добираться не пришлось, так – восемь кварталов и две реки. Как раз Маджери заподозрил неладное и

вломился в примерочную. Крику было, как мне рассказывали...

В следующий свой побег я навестила почту. Герцог получит свою игрушку, раз уж так ее хотел, но я в это время уже буду гостить в комфортабельном номере с искусственным освещением. Дня три-четыре, может, больше – насколько хватит выдержки императору, чтобы признать свое поражение.

– Майя, ты готова? – Лиди по устоявшейся традиции зашла за мной, пробежалась взглядом по лиловому платью и удовлетворенно кивнула. – Идем, портал уже развернули. Не успеем войти – останемся без праздника.

– Успеем, – заверила я. Инструктаж мне еще не проводили, а значит, или у портала выпечят, или прямо на балу. Не хотелось бы на месте, так времени на маневр меньше останется. Да и Райд должен передать печать перед самым отбытием – специально вызвался дежурить.

– Ты так говоришь, словно тебя ждать будут, – не поверила девушка. – Князь разрешил, – она поморщилась, – «доставку» лишь до половины девятого, а сейчас уже восемь. Майя, если мы опоздаем, я тебе не прошу!

Устоять перед этим аргументом я не могла. В последний раз оглядела себя, поправила все шпильки, запаса которых хватило бы на все замки в общежитии, и, шурша юбкой, прикрывавшей любимые ботинки (и шеф даже не отобрал, когда на последней примерке моя обувь открылась), двинулась за внучкой казначея. Этот долг я еще не успела закрыть. Ничего, успею. Райда попрошу – он не откажет.

Дорогу я не запоминала: в общежитии было шумно, душно и дурно пахло сотней духов. Даже моя коммерческая натура не могла заставить меня забыть о всей той вони, что рождали, собравшись вместе, лучшие парфюмерные дома.

Зажав нос и стараясь дышать исключительно ртом, я семенила вслед за Лиди. Та прикрывала хорошенький носик надушенным платком, вносящим в общую какофонию запахов еще одну ноту.

– Выбрались! – с облегчением простонала я. Мы остановились у входа в учебный корпус. Мне хотелось перевести дух перед вторым актом испытания. Но, судя по любимому начальству, отделившемуся от ожидавших на ступенях корпуса кавалеров, мой законный перерыв отменялся.

– Лидия, рад вас приветствовать. С нашей прошлой встречи вы успели еще похорошеть. Еще пара лет, и я...

– ...вы не взглянете на меня, ваша светлость, – весело закончила за него Лиди и с тревогой покосилась на меня. Шагнула вперед, закрывая меня от графа, и ощутимо оттолкнула в сторону входа. – Нам пора, не хотелось бы пропустить бал из-за светской беседы, пусть и с самым завидным женихом страны.

– И когда же я стал самым завидным женихом? – усмехнувшись, осведомился блондин.

– Сегодня или вчера. Боюсь, мне сложно запомнить так много. Но леди Тришлет отзывалась о вас весьма благожелательно. Кажется, вы знакомы с ее дочерью? Тамари чудесная девушка, вы обязательно должны их навестить. Или нас. Вы же не откажете нашей семье в такой малости? Я приглашаю вас.

– Весьма польщен. – На лице Дайрина не дрогнул ни один мускул. Улыбка так и осталась доброжелательной, но в глазах плескалось недовольство пополам с досадой. Ох не хотел его светлость знакомиться с леди Тришлет. Ох не хотел. Прекрасная, должно быть, леди. – Позвольте поухаживать за вашей подопечной?

Лиди с тревогой взглянула на меня, мавшуюся рядом.

– Пара слов, не больше. И обещаю вернуть вам подружку в целости и сохранности.

– Майя?

– Только если на бал не опоздаем, – пискнула я, изображая непонимание и любопытство.

Все же красивый мужчина, да еще в кусты тащит пообщаться. Обещает парой слов отделаться... Как еще должна вести себя леди?

- Не опоздаем, даю вам слово, - серьезно ответил Дайрин и поклонился Лидии. - Я прослежу, чтобы ваша подопечная вошла в портал. Можете подождать ее на той стороне.

- Так и сделаю, - с неохотой согласилась подруга. Кивнула в сторону вышедшего на пробежку цветника и скрылась в дверях, пока ее не затоптали. А мне стало жаль князя, если все они по его душу бегут.

- Майя, у нас не так много времени, - оторвал меня от созерцания забега на короткие дистанции начальник.

- Да? - Я снисходительно повернулась к нему. - И о чем же вы хотели поговорить? Засунули меня в платье, всунули в голову килограмм металла, рассчитываете на благодарность?

- На сознательность и жажду свободы.

- Даже так? И скольких лет мне это будет стоить? Еще десяти? Двадцать у вас на службе? Ну уж нет, ничего противозаконного. Сегодня, раз уж вы сами меня отправили в этот кордебалет не самого дорогого борделя, я буду развлекаться им под стать.

- Развлекайся, - поощрил Дайрин. - Юлиар тебе не откажет.

- А он здесь при чем?

- Он будет тебя сопровождать.

- Бал только для первокурсников.

- И для личных гостей князя, в число которых входит мой бывший друг.

- Бывший? - не преминула я заметить оговорку графа.

- Так считает князь.

- Он ошибается?

- Разве таких людей можно обмануть? - Дайрин тонко усмехнулся, а мне захотелось ему по ногам пройти. Но в ботинках эта угроза и вовсе угрозой не была. Так - массаж. - Не обижайся, Юлиар тебя очень хвалил. Но раньше ты подходила к заказам ответственнее. Неужели не боишься гнева своего бога? - Я не ответила: я была обижена и очень зла. Внешне. Внутренне же - а чего еще можно ожидать от этих двух прохвостов? Но хоть что-то на свои места встало. Не было между друзьями ссоры, был сговор с целью дискредитировать одного в глазах другого - свидетеля, которому, очевидно, не поленились донести о размолвке друзей. Если бы еще их дела мне боком не выходили... Не им же контракт выполнять любой ценой.

Я с сожалением подумала о медальоне. Прощай, мой милый друг.

- Говорите уже, что вам нужно, и я пойду, - без всякого настроения потребовала я. - Одели вы меня так, что сомневаться в очередной гадости не приходится. Что на этот раз? Еще одно испытание на верность? Так вот, ничего я для вас не сде...

- Я тебя отпущу.

Сердце пропустило удар. Я с недоверием посмотрела в глаза собеседнику. Врал, конечно же, он врал. Но мне нужно было верить. Или хотя бы надеяться.

- Вы обманываете.

- Я честен.

- Докажите, - фыркнула я, про себя молясь. Давай же, снимай поводок... Чего тебе стоит? Времени всего ничего осталось. Чего же ты медлишь!

Плечо пронзила боль. Мне пришлось ухватиться за графа, чтобы устоять на ногах. На глазах выступили слезы, тонкая струйка крови стекла по подбородку. Как же все-таки больно...

- Тише, сейчас пройдет. - Меня обняли, прижимая к себе. - Сейчас все пройдет. - Белоснежный платок коснулся моего лица, стер слезы, промокнул кровавую дорожку. - Тише. Уже все. Свобода. Ты же так хотела...

- В обмен на что? - Я отстранилась. - Что вы такого хотите, раз готовы всем рискнуть?

- Тебя? - усмехнулся собеседник.

- Никогда не получите, - огрызнулась. Перед глазами все еще танцевали черные мошки. Или то действительно была поздняя мошкара?

- Жаль, - притворно, как мне показалось, расстроился граф и, посерьезнев, продолжил: - В таком случае... Я хотел бы получить услугу. Прощальный дар. Так это у вас называется?

- Для этого мы должны расстаться навсегда.

- А ты разве не собираешься уйти?

- Еще не решила.

- Тогда сделай мне подарок. Небольшой, в знак признательности...

Я сглотнула, отгоняя непрощенные воспоминания. Не о том сейчас время думать, совсем не о том. Ведь это все игра. И голос, и выражение глаз - нет ничего, что его светлость не мог бы контролировать, как бы ни хотелось верить в обратное.

- И чего же вы желаете?

В здание главного учебного корпуса я входила не в самом лучшем расположении духа. Визуально. Внутри же все торжествовало. Угадали! Мы их все-таки просчитали, Райд - умница, а я буду еще большей умницей, если проверну дело, как и задумано. Нами, а не монаршими манипуляторами.

Встретившись взглядом с Райдом, чинно подававшим ручку всем желающим пройти сквозь портал дамам, я медленно моргнула. Друг не ответил, но, помогая подняться мне, незаметно сунул в рукав то самое кольцо, из-за которого весь сыр-бор и начался и которое удобно устроилось в кармашке для совсем другой драгоценности. Какое приятное совпадение!

Перемещаться порталами я никогда не любила. Было в таких переходах нечто сродни купанию в ледяной воде, да еще и подо льдом: никогда заранее не знаешь, сможешь ли найти полынью, в которую нырнул, или минуты твои сочтены. А потому, выйдя на мраморные плиты княжеской резиденции, я с облегчением вздохнула: панихида временно отменялась.

Бал уже начался. Играл оркестр заколдованных инструментов, самые смелые пары кружились в центре зала, а те, кто поближе к земле, уплетали казенные харчи. Но чего-то, или, точнее, кого-то, не хватало. Не прибыли еще ни наш ректор, ни сам хозяин замка, зато гости продолжали появляться.

За моей спиной возникла очередная пара, и я отшатнулась, чтобы не попасть под копыта зеленого сгустка ткани и волос. Разглядеть деву, решившую примерить столь экстравагантный наряд, не смогла даже я. Конечно, если проанализировать походку, примерный рост и прочие габариты, можно было и вычислить целеустремленную леди, но кто бы мне заплатил за находчивость?

- Майя?

Проникновенный голос герцога заставил кожу покрыться мурашками, а зубы - недовольно скрипнуть. Вот кто его просил появляться так внезапно?! Я еще не успела дислокацию всех значимых объектов оценить, кольцо переложить поближе к телу, а

надзиратель уже тут как тут.

– Простите? – Я виновато улыбнулась, краснея якобы от смущения, а не от злости на саму себя за секунды промедления. – Мы знакомы?

– Признаться, нет. – Его светлость прекрасно понял, к чему я клоню, и игру поддержал.

Еще бы ему не понять, если он и сам в игре: наше знакомство, даже самое поверхностное, едва ли послужит обоим легендам.

Хотя... Я скосила глаза на платье. Наше близкое знакомство вполне объясняет, откуда у девочки из деревни платье от королевского портного. А значит, нужно слегка изменить акценты:

– Но ведь всегда можно исправить это недоразумение, – расплываясь в самой обворожительной улыбке и вспоминая, во сколько мне обошлось исправление прикуса, мурлыкнула я. Ручка сама собой легла на локоть мужчины.

– Пожалуй, именно этим мы сегодня и займемся, – пообещал мой спутник и бросил быстрый взгляд в декольте. Я же с удовлетворением отметила, что невольные зрители нашего «знакомства» спешно отворачиваются, шепча под нос слова, недостойные высшего общества. И все в мой адрес, хотя у герцога репутация была не многим лучше.

– Здесь очень красиво. И столько людей собралось. Вы наверняка знаете всех достойных господ в этом зале, – забросила я удочку, желая выяснить, насколько осведомлен его светлость. Пришел ли он проследить, чтобы имущество канцелярии не умыкнуло само себя, или же заинтересован и в большой политике. И если верно последнее, сколько получает с этой «сделки».

– Увы, с достойными здесь сложно, – на полном серьезе заметил мужчина, проводя меня мимо официанта с напитками. Отрицательно качнул головой, когда доблестный служитель бокалов и горячительных сделал шаг в нашу сторону, и без предупреждения увлек танцевать. – Князь еще не прибыл, но, вероятнее всего, появится не позже, чем через четверть часа. Несмотря на недовольство, свою миссию он выполнит, как бы противно ему ни было.

– А ему противно? – ухватила я за поспешные слова собеседника.

– Около сотни пьяных магов на территории его дома? Он не святой, чтобы терпеливо сносить их выходки. В чем-то я ему даже сочувствую: из-за слабости предка к прекрасному полу из года в год терпеть беспредел у себя на пороге. Не удивлюсь, если его светлость уйдет, едва исполнит свой долг.

– А разве он не исполняет его, предоставляя помещение? – поинтересовалась я, краем глаза замечая Лиди. Внучка казначея не выглядела довольной, скорее – обеспокоенной. Не отрывая взгляда, она следила за нашими с герцогом перемещениями по паркету.

– Традиционно он выступает с поздравлениями, после чего уходит в малый зал со своими гостями. Адептов туда не зовут, разве что постороннего приведет кто-то из гостей князя.

– Например, вы?

– Что вы, Майя, зачем мне приглашать кого-то в изысканное общество любителей дорогих вин. Юным леди там нечего делать, разве только вы хотите избавиться от своей репутации: еще никто не смог устоять перед искушением выиграть спор у барона Ларшана, а чувство юмора у старика... хм... оригинальное.

– И вам досталось?

– Я не вступал с ним в поединок. – Герцог пожал плечами, разворачивая меня спиной к себе и обходя по широкому кругу.

– А если бы пришлось?

– Если бы мне предстояло выступить против него, я бы трижды подумал, смогу ли выйти победителем. Иногда полезнее признать поражение сразу, чем рисковать своей

репутацией... и, возможно, свободой, – шепотом произнес его светлость, обжигая мне ухо дыханием. – Не принимайте поспешных решений, Майя. Дайрин готов идти на уступки, стоит ли рисковать?..

– О чем вы? Какой риск? Еще до полуночи все будет решено. Вы же дождетесь моего возвращения?

– Не смею вам отказать.

Я поднырнула под рукой партнера, кончиками пальцев коснулась его груди, плеч, спины. Что-то определенно принес с собой. Звездочки? И в кого же его светлость собрался их метать? С кинжалом и то было понятнее, но столько оружия на прием... И как только князь позволил?

Музыка сменилась, а вот партнер у меня остался тем же. Разве что теперь он молчал, не мешая мне оглядывать помещение. О задании его светлость точно осведомлен, иначе намеки, что он бросал, были бы неуместны. А значит...

– Вы же не откажетесь представить меня князю?

– Это необходимо? – без особого энтузиазма уточнили у меня.

– Можете отказаться, но мне придется слегка испортить вечер его светлости. Знакомство все равно состоится. Увы, есть желания сильнее нашей воли.

– Я вас представлю.

– Благодарю. – Я присела в реверансе, благо и по танцу он был положен, так что вышло не слишком ехидно.

– А мое желание вы исполнили? – прошептал герцог, едва я поднялась.

– Ваше желание... м-м-м, дайте подумать. Оно уже прибыло в ваш особняк, и я бы рекомендовала посетить его незамедлительно.

– С чего бы это?

– Свидетелей не слишком хорошо кормят, да и свободу передвижений ограничивают. А вы человек занятой, светский, имущественные тяжбы вам не к лицу.

– Я обещал дождаться вас, – напомнил мне его светлость. – И я дождусь.

– Постараюсь не торопиться.

Герцог усмехнулся и резко крутанул меня на месте. Думает, голова закружится – передумаю?

А тем временем активность у порталов сошла на нет. Последние приглашенные прибыли, и арки двух порталов схлопнулись, запирая всех гостей замка до самого утра. Разумеется, оставался способ уйти через дверь, но вряд ли кто-то станет им пользоваться: идти до столицы на своих двоих придется не меньше двух недель. Для меня – великолепно. Если бы еще и магия внезапно перестала работать...

Танец прервался внезапно. Его светлость остановился, и мне пришлось последовать примеру партнера. Внезапной преградой на нашем пути возвышался, а точнее, просто хмуро сопел, недовольно зыкая на герцога, Сай Поганец. Правда, ныне он выглядел слишком претенциозно, чтобы именоваться просто Саем, – перед нами стоял недовольный и очень грозный Сайсери Силандж в полном боев... светском облачении и протягивал мне руку.

– Майя, вы знакомы? – Кажется, его светлость не хотел просто так уступать меня своему юному оппоненту.

– Разумеется, да, – не дал мне ответить парень. – И если вы так заботитесь о Майе, могли бы предупредить, что третий подряд танец с вами уничтожит ее репутацию в свете.

– А вы намерены эту самую репутацию спасти? – усмехнулся Юлиар. Его рука

соскользнула с моих плеч и, погладив спину, остановилась на талии. Еще и притянул меня к себе, как будто имел право так поступать.

Я с молчаливым предупреждением взглянула на герцога, но тот мой взгляд проигнорировал. Зато его заметил Сай. Больше не вступая в пререкания, он схватил меня за запястье и уволок в противоположную от его светлости сторону. Я, признаться, не слишком и сопротивлялась.

– И как тебя угораздило с ним связаться?! – начал с обвинения свою прочувствованную речь Сай Поганец, едва мы оказались в одной из ниш.

Я пожала плечами и подобрала под себя ноги, насколько это позволяла скамейка. Не хотелось демонстрировать любимые ботинки своему нынешнему собеседнику. Не слишком они сочетались с бальным платьем.

– Пустоголовая, бестолковая дурочка! – припечатал Сай.

Мою руку он тем не менее не выпустил и продолжал крепко сжимать, как будто опасался, что я исчезну. Я, конечно, могла извернуться и ускользнуть, но князь еще не успел появиться, а из ниши вид на возвышение был лучше, чем из зала.

– Сам дурак, – отмахнулась я от комплиментов. Конечно, можно было и проигнорировать слова Поганца, но слишком уж в них слышалось много... волнения? Тревоги за меня? Неужели Лиди с девочками говорили правду и Сай испытывает ко мне нечто большее, чем просто неприязнь, сдобренную конкуренцией? Последние его действия подтверждали именно эту версию: ведь он практически оскорбил герцога, обвиняя его и утаскивая меня. И ведь не побоялся...

– Невыносимая, – простонал парень, медленно выдыхая.

А затем, не размениваясь на объяснения или какие-либо иные слова, быстро наклонился вперед и нежно, чего я совсем не ожидала, коснулся моих губ. Его рука как-то незаметно оказалась у меня на талии, обнимая и не давая отстраниться. Другой он гладил меня по плечам, шее, потянулся за шпилькой в волосах...

– Нет! – Вставлять локти между собой и собеседником я умела едва ли не лучше, чем подделывать почерк. Опыт сказывался. Не самый приятный и подходящий для похвастушек, но ценный и еще более денежный, ибо не всегда удавалось выполнить заказ без контакта с будущей жертвой, а там или соблазнять, или святую невинность изображать. По обстоятельствам, в общем.

– Майя, я... – Лицо виконта покраснело, как будто у него не было шлейфа из разбитых сердец. Или для него действительно важно мое мнение и отношение? Вот так-то, Майка, твой главный враг – единственный, для кого твои чувства что-то значат. И не смешно ли?

Увы, смеяться я не могла: ни ситуация, ни мое состояние не предполагали смеха. А уж тревога в глазах Сая, которого до недавнего времени я бы собственноручно скинула в яму с помоями, и вовсе заставляла лучше других причин удерживаться от смеха.

– Все в порядке, – отмахнулась я от его метаний. Незачем заставлять урожденного аристократа что-то объяснять: они для этого не приспособлены, а столкнувшись с собственным несовершенством, обязательно обидятся и выставят виноватым собеседника. Мне это надо? – Просто странно. Но спасибо, что вступился за меня.

– Его светлость повел себя некрасиво, – с готовностью переключился на новую тему Сай. Облегчение, читавшееся на его лице, было столь заметным, что я даже удивилась отсутствию контроля: не принято так свои эмоции демонстрировать, не та ситуация. Или как раз та? – Он не мог не знать, что бросает тень на твою репутацию.

– А ты сам так не поступал? – поддела я собеседника. Вредность иногда, увы, непобедима. А Сай мне столько нервов испортил, что удержаться было крайне сложно.

– Я... С тобой бы я так никогда не поступил!

– Это радует... Но вода за шиворот тоже не слишком приятный подарок.

По лицу собеседника заходили желваки, но он промолчал: отрицать свою вину виконт не собирался. Впрочем, извинений от него мне тоже не удалось дожидаться.

– Ладно, проехали. – Я поднялась и оправила платье. – Будем считать, что ничего не произошло, но если еще раз так сделаешь – в пруду искупаешься.

– Я запомню, – расплылся в довольной улыбке блондин и протянул мне руку. – Не откажете ли вы мне?..

Отказывать я не стала. Все же доброту и совесть следовало поощрять, пусть даже ценой своих ног. Правда, танцевать Сайсери умел не хуже герцога, и грешно было жаловаться на те мелкие недочеты, что появлялись в рисунке танца по моей вине.

– Майя. – Молчание не могло длиться долго. Я рассчитывала хотя бы на пару минут, чтобы оглядеться, но у парня были другие планы. Или же острая нехватка времени заставляла его идти на такие жертвы и самостоятельно начинать разговор. – Наверное, я должен извиниться...

Судя по промелькнувшей на лице партнера муке, извиняться за неуклюжесть все же предстояло мне.

– Прости...

– Ничего, – героическими усилиями взял себя в руки Сайсери. – Я не должен был так вести себя. Это недостойно с моей стороны, но...

– Но ты привык так поступать, когда не уверен в своих силах, а кто-то напрочь игнорирует все твои попытки иначе привлечь внимание, – закончила я за него. – Я все понимаю. И сама виновата, но... просто не всегда есть время замечать намеки.

Особенно в тот момент, когда его светлость князь Альверанский Кэлан Артон Граус появляется перед гостями в сопровождении недовольного ректора.

– Давай подойдем поближе, – шепотом попросила я, пропуская мимо ушей последнее высказывание Сайсери и утягивая вяло сопротивляющегося партнера к возвышению.

Рука непроизвольно потянулась к кольцу, принесенному для обмена, и мне стоило больших усилий удержать на лице прежнее выражение. Начиналась работа, и здесь уже смешки и ехидство недопустимы.

Стихла музыка, танцевавшие пары неторопливо остановились. Зрители, до сего момента дегустировавшие закуски, начали подтягиваться к возвышению. А его светлость герцог Шарнес прошествовал сквозь толпу и, поздоровавшись с князем, занял место у него за спиной. Ректор дружелюбно улыбнулся новому лицу и о чем-то напомнил хозяину замка.

Натянув на губы улыбку, Кэлан Артон Граус принялся врать и лицедействовать. Как ему приятно, как он ждал, как восхитительно прекрасны дамы, как он гордится подрастающей сменой и прочие-прочие «как» и «почему». Я пропускала все эти вздохи мимо ушей, оценивая разглядывая наряд своего вынужденного напарника. Хорош. Как наряд, чья стоимость не давала мне успокоиться, так и его хозяин. Гладко выбритый, с лукавой усмешкой на тонких губах, прямым носом и острым взглядом, резавшим толпу в поисках, вероятно, меня. Нет, на мгновение задержавшись на моей персоне, его светлость скользнул взглядом дальше. Я, как и полсотни дев в зале, проследила направление и вздохнула печально: составить конкуренцию Лиди ни по происхождению, ни по манерам не смогла бы ни одна дама в зале.

– Говорят, его величество предложил руку Лидии его светлости, – шепнул мне на ухо Сайсери.

– Лиди об этом не говорила...

– Это слухи, официального объявления не было. Но подобные слухи в высших кругах быстро становятся фактами. Сегодня их первая встреча, а вторая, может стать, случится уже на свадьбе.

Может стать... да уж, может. Но если его светлость заинтересован в этом браке, стоит

ли мне отдавать ему перстень? Ведь брак с Лиди докажет лояльность короне и подтвердит отказ от выхода из состава империи.

– Его светлость настроен так решительно?

– Решительно настроен его величество. А противиться императору не способен никто из высшей знати.

– Так боятся опалы?

– Клятва не позволит, – поморщившись, все же ответил Сайсери. – Все высшие лорды ее дают, когда становятся во главе семьи или получают должность при дворе. После этого ты уже не сможешь отказать императору.

Я с сожалением посмотрела на собеседника. Перспектива давать подобную клятву парня не радовала. И я его прекрасно понимала: поводок едва-едва исчез, а шея ныла при одной только мысли о нем. Нет уж, все сделаю, но больше туда не вернусь. И придется князю клясться, иначе демон ему рогатый, а не печать. Еще сдаст мою персону бывшему владельцу, и что тогда прикажете делать? Второй раз улизнуть не получится.

– Сай, – позвала я, – раз уж сегодня мы друг другу настроение не портим, можешь оказать маленькую услугу?

– Какую? – Парень ощутимо напрягся, но решительности в голосе не поубавилось: он действительно готов был мне помогать.

– Принеси воды. Меня на входе перехватили, а с утра во рту даже трех капель не было.

– Сейчас вернусь, – кивнув, согласился мой новый... Друг? Бывший враг? Временный товарищ? В любом случае, уже совсем скоро Сайсери вновь начнет меня ненавидеть, потому что ждать его возвращения я не собиралась. Как и идти представляться князю лично. Или даже при посредничестве герцога.

Вместо этого я свернула в сторону балкона и, дождавшись, пока из не приметной дверцы выскочит очередной официант, зашла в приоткрытую дверь. Мне требовалась пара минут и укромное место, чтобы избавиться от платья, и подсобка со швабрами вполне подошла для этих благих намерений. Надеюсь, никто не станет заглядывать сюда в поисках орудий уборки, в противном случае во дворце Альвер могли пойти слухи о призраках. Все же мять платье мне не хотелось, а потому пришлось приладить его на швабру.

Кольцо, которое ну никак нельзя было терять, пришлось надеть. Раз уж меня оно воспринимало как часть семьи, пусть так оно и будет. Амулет, выданный мне на прощание Дайрином, я благополучно потеряла в первой же кадке по дороге, еще и прикопала, чтобы при случае на кошачий произвол списать. Впрочем, вряд ли придется. При любом раскладе пропавший амулет будет меньшим из моих грехов.

Вдалеке слышались голоса, и мне пришлось срочно искать место, где можно переждать наплыв романтически настроенных гостей. Как назло, мест для засады посреди коридора не нашлось, а бежать в каморку к швабрам было уже поздно.

Мысленно помолившись Дадари, я подпрыгнула и, уцепившись за декор колонны, вскарабкалась повыше. Вот сейчас руки устанут, и как упаду я прямо на головы...

Я посмотрела вниз, оценивая, кто же решил уединиться в служебной части замка, и едва не разжала пальцы. Вот уж встреча так встреча, Прекрасная Лея и Гриб Пупырчатый собственными персонами да на чужой территории. Что ж им дома не сиделось в родном Тередоле, что они в наши края подались?

Внутри начало подниматься негодование: это что же получается, его светлость граф до того в меня не верит, что конкурентов подослать решил? И надеется, что эти двое смогут утащить печать? Впрочем, судя по возне подо мной, уверен в благополучном исходе мероприятия не только мой бывший шеф. Но чего ждать от конкурентов, которые даже вверх не сподобились посмотреть?

Выждав, пока парочка скроется из виду, я медленно спустилась. И, спускаясь, пришла к

выводу, что присутствие двух не самых умных воров могло бы быть мне на руку, если бы я действительно собиралась уносить добычу. Подставить этих двоих, дожидаться, пока их отволокут на допрос, и уйти, унося трофей. Или же, чтобы уж наверняка, незаметно украсть украденное. И ведь ни одно зелье правды не докажет их невиновности: кража имела место, совершена ими, а что заказ перехватили до передачи нанимателю – так мало ли кто мимо проходил. Удачно, определенно удачно они здесь оказались.

И поймают меня как раз из-за их безалаберности. Тогда уж граф шкуру не с меня снимать станет. И как же все это повернуть...

Ориентируясь на слишком громкие для моего профессионального слуха голоса, я степенно шла за двумя козлами отпущения. В отличие от меня, ориентировавшейся в замке по единожды увиденной карте, Прекрасная Лея знала коридоры не понаслышке. Частые же воззвания к демонам и предкам управляющего замка и вовсе указывали на тесный контакт Леи и полов.

– Скоро уже? – недовольно рыкнул Грибли, в народе просто Гриб, из-за своего выдающегося носа в угрях приобретшего примечательное прозвище.

– Тише ты, – буркнула его напарница, замирая у одной из дверей. – Испортишь все – сам будешь прощение вымаливать.

– Да чего ты боишься? Все в зале, а кто сюда доберется, так уже не в той кондиции, чтобы что-то заметить.

– А если чары сработают? Мало ли чего там наворотили? Я, конечно, убиралась там днем, и разрешение мне давали, но вдруг ломать придется? Дело шумное, еще и ты талдычишь под нос «быстрее», «быстрее». Какое тут быстрее, когда дальними коридорами идем. Не очень-то хочется этому старому хрычу врать, что ты мой любовник.

– А чо, рожей не вышел? – хохотнул Гриб.

Я молча шлепнула себя по лбу. Тихонечко, чтоб без лишнего шума и головной боли. Впрочем, могла и не стесняться: Лея шумно стукнула напарника по лбу и в который раз помянула демонов, ушибив палец о дубовую голову Гриба. Эх, ребята, сидели бы в своем Тередоле и грибы солили. Говорят, это у вас лучше выходит, чем красть. Или банок на передачи скопили, потому и хотите в казенный дом соленья продавать неприязательным едокам?

– Ты чо дерешься?! – обиженно заныл Гриб, а я вознесла хвалу Дадари, что мне в напарники достался не дуболом, а Рыжий Райд. С Грибом я бы и часа не проработала – сама бы пристукнула. И зачем только Лее понадобился напарник? Сама бы управилась, чай не робкая девица.

Ответ нашелся довольно быстро. Спустя пару минут пыхтения, когда голоса воров начали стихать, я высунулась из-за угла (предварительно наверх вскарабкалась, раз уж ребята на небо не любят смотреть) и, оценив пустой коридор и отодвинутый шкаф с зияющим за ним ходом, довольно усмехнулась. После чего покачала головой и, уперевшись спиной в стену, а ногами в шкаф, с удовольствием его уронила.

Грохотнуло знатно. Из перегороженного хода донеслась сдавленная ругань, а со стороны служебных помещений – торопливые шаги, исполняемые под обещания скорой расправы над нарушителями спокойствия. Порадовавшись за коллег и их скорую славу, я направилась дальше по коридору. Все же мне не обязательно действовать тайно, меня в кабинете его княжеской светлости и так ждали с распростертыми объятьями.

Припомнив примерное расположение княжеской святыня святынь, я припустила в сторону, противоположную от той, куда стремились горе-воры. Конечно, можно было и за ними в тайный ход сунуться, но сидеть в их компании до прихода князя и ждать «вердикта», слушая нытье Леи и «острые» шуточки Гриба. Нет уж, мне и шапочного знакомства хватило, чтобы с ними больше беседы не вести.

А шумиха набирала обороты. Звук резко обрезало, отчего я ощутило напряглась: магию, как любой практикующий вор, я не любила. Подлая, мерзкая субстанция. Вляпаешься, а потом наследил на три страницы убористым почерком. Нет уж, лучше подальше

держаться. Сейчас еще оцепление поставят, на балкон гостей выпускать перестанут, в зале запрут. Еще бы герцога кто запер, чтобы он случайно не влез и не стал спасать мою горемычную персону, отлучившуюся по делам.

Перед глазами мелькнула обитая железными пластинами дверь. Отлично, значит, практически на месте. Первая, вторая, третья... Повернуть налево, забраться по колонне и перепрыгнуть через мозаику на полу. Приземляться ровно на третью белую плитку слева, ползком до пятого ряда, кувырок назад, в сторону... И кто только придумал этот тренажер для скучающих ночных гостей? Сам-то хоть пробовал его пройти?

Мое недовольство было вполне объяснимым: копчиком я все же ушиблась. Отвыкла за пару месяцев по полу кататься, сгруппировалась недостаточно, но хоть стрелу промеж глаз не получила. И это так князь дорогих гостей встречает?!

Обидевшись и пообещав всячески ему отомстить (после исполнения условий договора и обретения долгожданной свободы, разумеется), я присела у самой скромной двери. Теперь в ход пошли мои шпильки-отмычки. Магия подозрительно отсутствовала, не обжигая мои пальцы ни жаром, ни холодом. Ну хоть о чем-то побеспокоился его светлость. Хотя будь я на его месте, не стала бы отключать защиту. Печать-то к магическому воздействию устойчива, она и после огненного шторма уцелеет, а вот на гонораре вора можно и сэкономить. Какое все-таки счастье, что князь – не один из нашей братии!

Щелкнул замок, над головой просвистели четыре метательных диска, способных перерезать не самый тонкий металлический шнур. Следом по полу пронеслась волна пламени, отчего пришлось спешно прыгать из положения сидя. Надеюсь, мои упражнения никто не видел, иначе стыда не оберешься. Самой придется к старику Шаири идти, чтобы репутацию сохранить.

Опасливо косясь по сторонам и ожидая очередной гадости, я извлекла из прически еще шесть шпилек. Зажала их посильнее, повертела и всадила прямо в стену. После всех этих прыжков и кульбитов рисковать и шагать по полу я не планировала. Вот переползу в хозяйское кресло, там и посидим, подождем. А ровные дырки в стене – это для вентиляции, наверное, делали. Строители. Делали и передумали. И я тут совершенно ни при чем. Да и как шпильками камень пробьешь?!

Усмехнувшись своим мыслям, я выпала прямо в княжеское кресло. По крайней мере, оно стояло в том месте, где обычно предпочитал сидеть хозяин помещения: лицом ко входу. Ждать мне оставалось недолго (его светлость наверняка уже знает, что у него в доме творится), а потому обновления навыков ради (не путать с банальной кражей со взломом) вскрыла еще парочку замков. Они, признаться, и не сопротивлялись, хоть в них магия определенно имелаась. Вот только на взлом физическими методами она рассчитана не была. Извечная проблема: маги против магов колдуют, инженеры против банальных шпилек, отмычек и молотков. А объединиться и совершить прорыв... Инженеры, может, и пойдут на подобное, но вот тот же Сай Поганец опускаться до уровня простого ремесленника... Да он скорее колет съест! Съел. Наверное. Сейчас я уже не была уверена в причинах его поступков.

Его светлость не разочаровал: как всякий потомственный аристократ в родовом поместье, он явился не через примитивную дверь, а задействовал тайный ход. Огляделся, оценил распахнутую нараспашку дверь, меня в своем кресле и, не делая напрасных попыток спихнуть меня с нагретого места, занял гостевой стул. Увы, даже на этой примитивной мебели он выглядел полноправным хозяином кабинета.

– Полагаю, вам есть чем меня порадовать, – пылливо заглядывая мне в глаза, сказал его светлость.

– С чего вы взяли? – деланно удивилась, хотя сама мысленно морщилась: нехорошо, если у меня на лице что-то отражается, кроме скуки. И уж тем более не стоит опускаться до досады. Заметив ее следы, мужчина мог сделать правильные выводы.

– Вы все еще живы, – обворожительно улыбнулся князь. А в глазах ни капли раскаяния или сожаления. Вот что я говорила – циник. Смахнет утром служанка пепел и развевает по ветру. – Артефакты императорской семьи защищают своего владельца практически от всех видов чар.

– Своего владельца! – вернула я замечание назад. – Защищать меня у них нет никакого основания, а потому вы, ваша светлость, поступили в высшей степени недружелюбно. Это могло стоить вам обивки, да и с вентиляцией здесь проблема – запах бы долго стоял.

– Обещаю учесть ваши замечания, – кивнул, принимая к сведению, мужчина. – Но перейдем к делу. Что вы хотите за печать?

– Так просто? – Удивление мое было почти искренним. Все же обычно заказчик озвучивал сумму или иные варианты вознаграждения, а его светлость решил выслушать мои пожелания. Думает, продешевлю? Впрочем, был еще один вопрос, который не давал мне покоя. – Ваша светлость, а как же самый примитивный способ ведения переговоров? Ведь обычно начинают с банальной угрозы рукоприкладства. Мы же наедине, я слабая доверчивая девушка...

Мужчина залиvisto расхохотался. Работать в такой обстановке я не могла – пришлось замолчать и подождать, пока он успокоится. Потолок, например, изучить. Внимательно, вдумчиво, чтобы понять, как подставилась, и далее в чужие кабинеты без приглашения ходить только под тремя полными щитами от магии смерти, огня и менталки, ибо волшебный фейерверк под куполом кабинета был не чем иным, как визуальным проявлением конфликта этих трех разнонаправленных сил. Выберусь – помолюсь за его высочество, шефа и Райда особенно. Без колечка я бы и до переговорной не дошла.

– Прошу извинить мой неуместный смех. Но меня давно так умело не заставляли веселиться. Что до вашего вопроса, Майя, сомневаюсь, что вы не обучены использовать шпильки в своих волосах или не знаете, как одним ударом отправить человека в сон или небытие.

Я помрачнела: эти знания мне тоже преподали, и пару раз приходилось их использовать. Но без смертей пока обходилось: руки пачкать я не хотела, да и Дадари не одобрял. Он все же божественный прохиндей, а не садовник, чтобы сорняки срезать.

– Итак, Майя, полагаю, вы знаете, насколько я заинтересован в вашем трофее. Деньги большого значения не имеют, а потому я хотел бы узнать, какую цену вы назначаете за кольцо. Всего пара слов сделает вас богатой, а меня – безмерно благодарным вам. Назовите свою цену.

Я задумалась: с одной стороны хотелось сбросить со своих плеч все тревоги, с другой – а не выслушает ли меня князь и не отправит в казематы навечно, забрав колечко и рассыпавшись в заверениях? Да и потом, следовало четко и ясно сказать, что, кроме денег (интересы Райда все же следовало учитывать), мне необходимо.

– Десять тысяч золотом и услуга.

– О какой именно услуге идет речь?

– В ваших силах ее исполнить. Поклянись перед лицом Дадари, что выполните мою просьбу, если это будет в ваших силах, и я отдам вам печать. Судя по дошедшим до меня слухам, вы приобретете больше, чем потеряете.

– Что ж, – его светлость смерил меня внимательным взглядом. – Пожалуй, я могу пойти вам навстречу и рискнуть. Даю вам слово перед лицом вашего бога, что исполню взятые на себя обязательства. Да покарает меня Дадари, если я совру и затаю злые помыслы.

Далее шла стандартная для мага формула привлечения божественного внимания и повторение условий договора. С облегчением выдохнув, я стянула с пальца кольцо и бросила на стол. Его светлость не рискнул поднимать, вместо этого он с ощутимым напряжением в голосе напомнил:

– Услуга?

– Вы помогаете мне сбежать от графа Разетти и временно принимаете на службу к себе.

– На какой срок? – Его светлость даже не удивился.

– Не менее трех и не более четырех дней с того момента, как заверите все необходимые бумаги о выходе из состава империи и включении ваших земель в состав Лайсара.

– Желаете сменить подданство, – догадался мужчина. – Не пробовали пойти иным путем?

– Его светлость не оставил другого выхода, – пожаловалась я на бывшего любимого шефа.

– И я бы не оставил, – поддержал рабовладельца князь. – Ваша репутация, Майя, заставляет и меня желать продолжения нашего сотрудничества после заявленного вами срока. Подумайте об этом. Пусть смена подданства и снимет с вас часть проблем, но на территории империи вам не будут рады. В Лайсаре же вы не сможете «работать» – все заинтересованные лица будут знать о вашем прошлом.

– А если я не собираюсь работать? Может, я с детства мечтаю выращивать апельсины где-нибудь в глубинке.

– Апельсины? С вашим-то происхождением? – Его светлость тонко улыбнулся, но продолжить не пожелал. – Проводить вас в гостевые покои?

– Лучше пониже. Давно на жестком не спала – спина начала болеть.

– Не паясничайте, Майя. Вам не идет, – поморщившись, заметил его светлость. – Мы наедине, ни к чему ломать комедию. Я в нее не поверю. Но выслушать причины, побуждающие вас отказаться от комфортных условий, я бы хотел. В противном случае придется лично запереть вас в гостевых: я не привык отправлять дам в подземелье.

– И Лею тоже пригласите погостить?

– Лею? Ах, эти двое. Нет, придется сделать исключение.

– Так и для меня исключение, – бодро поддержала и все же пояснила: – Если его светлость узнает, что печать у вас, он определенно попытается ее отнять. Шантажом или подошлет еще кого-нибудь, но обязательно попробует. И стоит кому-то догадаться, что я здесь гостя – он все поймет. Поэтому лучше я потерплю и послушаю нытье соседей. Так будет лучше. Из-за них вы могли поймать и меня. Можете даже приговорить к чему-нибудь (но лишь на словах), в этом случае моя измена не будет такой явной. И свое время Дайрин употребит на то, чтобы выяснить все обстоятельства и, возможно, вытащить меня из вашего плена. Можете даже поторговаться, но без поспешных решений.

– Я учту, – пообещал мужчина, поднимаясь. – Деньги мне следует перевести Рыжему Райду?

– Да, за финансы у нас отвечает он.

– В таком случае, – его светлость протянул руку к кольцу, – вы подтверждаете, что передаете мне данный артефакт добровольно и без принуждения?

– Подтверждаю, – хмыкнула я, не слишком понимая, зачем его светлости понадобились подобные формулировки. Подумаешь, заказ отдаю. А реплики – словно артефакт семейный дарю. – И?

Его светлость не ответил: вместо этого он накрыл ладонью кольцо и резко сжал пальцы. Ничего не произошло.

– Все в порядке?

– Именно. – Печать быстро скрылась в недрах нагрудного кармана. – А вы поистине ценный сотрудник, Майя.

– С этим не поспоришь! Но с чего вы взяли?

Мужчина задумчиво взглянул на меня, как будто решал, стоит ли делиться ценными сведениями или и без них можно прекрасно обойтись. Наконец он принял какое-то решение и заговорил:

– Я не могу предоставить вам доказательств, но полагаю, что его величество питал слабость к прекрасному полу. И не всегда дамы были рады вниманию его величества.

Чаще всего его милость заканчивалась плачевно: мальчиков-бастардов в императорской семье быть не должно, за этим следят. А вот девочек... Вы уверены, что ваша матушка не состояла при дворе?

Ответа на последний вопрос у меня не было. Матушка никогда не рассказывала о своем прошлом, даже сами вопросы о нем были под запретом. Впрочем, в шесть лет прошлое родителей не самая интересная тема: мне больше нравились алхимические фокусы, и вот эту страсть матушка поддерживала, пока могла, пока жила вместе с нами. На девятом году моей жизни Альран Дилен... Нет, не скончалась. Об этом даже речь не шла. Но в один прекрасный день леди Альран исчезла из моей жизни, оставив на воспитание бабушке (родной ли, матушка не уточняла), и, наказав во всем слушаться пожилую купчиху, покинула город. Больше мы не виделись. Впрочем, я не стремилась налаживать отношения. Если бросила один раз – может это и во второй сделать. А мне не хотелось снова проходить муки расставания.

– Все возможно. – Я пожала плечами. – Меня тогда еще не было, чтобы засвидетельствовать обратное. Но если так утверждаете вы и другие пожившие люди...

Князь усмехнулся, но на провокацию не поддался. Вместо этого предложил:

– Проводить вас в ваши временные подземные апартаменты?

– Было бы неплохо, – согласилась я с преувеличенной бодростью. – Только ключи сразу дайте. Не хотелось бы замок ломать, когда захочется прогуляться.

Князь хмыкнул и указал на выход.

– Пойдите, – позвала я, желая, чтобы у графа Разетти не возникло и шанса придраться. – Позвольте украсть ваш перстень? На минутку? Мне больше и не нужно, а там можете отбирать и провозить. Просто очень надо, – соорудив просительную рожицу, заканючила я, протягивая руку.

Его светлость с подозрением воззрился на получившуюся скульптуру, хмыкнул и, стянув с пальца печатку, обронил ее. Я поймала драгоценность в полете, повертела из стороны в сторону и разжала кулак.

Кольцо упало на ковер.

– Вот теперь можно, – кивнула я, не делая попыток поднять чужие регалии с пола. Кольцо я заполучила, а что передать не смогу – так на все воля богов. Дадари уж наверняка в курсе всех моих планов и ухищрений.

Выделенная мне комната была обставлена в излюбленном стиле проворовавшихся снабженцев – минимализме. Что осталось после ревизии и не подошло для домика в деревне служащего, все это щедро и расставили.

В камере... в подземных покоях для дорогих гостей первым бросался в глаза ветер. Он блуждал по комнате, отражался от стен и устремлялся дальше по коридору, откуда бодро приносил стоны и крики уже заселенных в свои ячейки Леи и Гриба. Вторым важным объектом была соломенная куча в углу комнаты. Видимо, лето было щедрым на злаковые, ибо навалили соломы столько, что я с головой могла там спрятаться.

Желая проверить последнее предположение, я сунула руку в стог и неожиданно наткнулась на что-то металлическое и теплое. По форме это нечто напоминало кастрюльку, да и запах, который от нее шел... Определенно, в гостях у князя мне нравилось больше, чем у его светлости графа Разетти.

Останавливаться на достигнутом было ниже моих сил, а потому я сунулась в стог с головой и принялась за раскопки. Некоторые вещи, заботливо спрятанные под соломой, повергли меня в состояние крайнего недоумения. Например, три ночных горшка, отличавшихся между собой незабудками на стенках. Или дровяной утюг. Если объяснить горшки я еще могла – в хозяйстве лишними не будут, – то утюг в одиночной камере смотрелся странно. Это что же я гладить буду? Белье? А сама голой попой в проходе сверкать? Нет уж, не дождутся. Лучше в мятном посижу. Тем более что стеганое одеяло мне выдали. Чистое, ароматное, без следов крови или иных жидкостей, распространенных в подземельях.

– А кормить будут? – проорал невдалеке Гриб, заставляя меня от неожиданности звякнуть крышкой.

– Кормежка утром, – недовольно пробасил ему в ответ охранник.

Ага, значит, стража все же имелась. Разве что поставили ее не у моих покоев, а подальше, воришек развлекать. Впрочем, логично. Ключи мне князь выдал и даже позволил их проверить, приказав охране временно удалиться. И улыбка у него в тот момент была такой... Предвкушающей... Еще и рука на моей попе лежала, ключи в заднем кармане прикрывала... А другая невзначай так за плечико придерживала.

Но последним аргументом, заставившим стражей уткнуться в пол и не поднимать глаза, был княжий камзол, наброшенный мне на спину. Чтобы не продуло случайно, пока робу казенную не выдали. Но с ней что-то до сих пор не торопились.

Так что, несмотря на гремучие кандалы, которые я вскрыла оставленной отмычкой, и связанные в момент знакомства со стражей руки, охрана записала меня в не совсем обычные узники замка. И из последнего обстоятельства вытекал закономерный вопрос: как часто его светлость играть изволит, если подчиненные даже не удивляются девушке в кандалах и на особом положении? Хотя... в тихом омуте такие пирушки демоны закатывают!

– Так мы тут до утра загнемся! – продолжил возникать Гриб.

Я покосилась на кастрюльку с горяченьким пюре с лучком и сглотнула слюну. Определенно следовало подкрепиться. Особенно когда так настойчиво о еде напоминают.

– Не загнетесь, – с неудовольствием сообщил прописные истины стражник.

Звякнули доспехи, по коридору поплыл запах вяленой колбасы. Видно, сам охранник без перекуса обходиться не собирался. Ну и я присоединилась, благо ложка торчала посреди пюре.

Лязг засовов, торопливые шаги на лестнице, дрогнувшее пламя одинокого факела – кто-то настойчиво стремился в подземелье. Кто-то злой и беспощадный, не давший мне как следует насладиться едой и одеялом. Прятать пришлось и первое, и второе.

Старательно выстукивая зубами государственный гимн, я с нетерпением ожидала незваных гостей. Их набралась целая делегация. Во главе шел князь, за ним кто-то из магов, а вот следом... Словом, замыкал процессию его светлость Юлиар Шарнес. Он презрительно косился на своих спутников, и всякий разумный человек заинтересовался бы, что же его светлость забыл в сей неуважаемой им компании, но окружающие как будто ничего не замечали.

Не сбавляя темпа, делегация прошла мимо моей камеры и замерла в конце коридора. Лея и Гриб удостоились особого внимания со стороны высоких гостей.

– Магистр, вы не могли бы?.. – попросил о чем-то заранее обговоренном князь.

– Разумеется, ваша светлость, – в голосе собеседника слышалась почтительность и легкая усталость. Еще бы, бедолага, судя по мантии, развлекаться пришел и стадо первокурсников пасти, а никак не работать по специальности.

От криков парочки неудавшихся воров у меня заложило уши. Вот за что ментальных магов недолюбливала, так это за особенности их работы. Конечно, если не сопротивляться и всю правду о себе показывать, можно и легким головокружением отделаться. Но если что-то скрывать или находиться под действием договора о молчании... Магия заключенного соглашения сама о безопасности позаботится, не даст лишнего сболтнуть, но ощущения будут... На свидании с палачом и то полегче, палач – человек, он устает. Хотя маг тоже человек...

Хмыкнув, я задумалась. А вот маг не думал – он быстро отчитывался о коварных планах двух случайных воров.

– ...на рассвете. Заказчика не видели, должны были оставить перстень у дома Старины

Ба в труппах Тарина. Аванс они уже потратили, основную сумму получили бы уже в Тередоле. Посредником выступает некто Даран, скупщик краденого.

– И они надеялись обмануть мою защиту?

Презрения в голосе говорящего хватило бы на половину высшей аристократии. Магистр защитных чар – еще одна ступень эволюции, не отличавшаяся терпением и благожелательностью к низшим сословиям. Другие его коллеги по ремеслу – боевые маги, целители и даже темные – подобными недостатками не страдали. Страшное дело – зависть.

– Их о ней не предупредили, – ответил на риторический вопрос менталист. – Точнее, об ее истинных характеристиках. Этим двоим даже выдали «ключ», он должен был защитить от вредоносного воздействия запечатанных чар.

– Лучше бы дали им немного мозгов, – вступил в беседу герцог.

– Отнюдь, – не согласился с ним его светлость. – Будь они умнее, у нас было бы меньше шансов побеседовать с ними. И, боюсь, ковер пришлось бы выбросить.

– От одного ковра не обеднеешь, – попенял Юлиар. – Полагаю, им не удалось выполнить заказ. Но, Кэлан, тебе не кажется, что глупо отправлять с заданием подобных недотеп и не подстраховаться? Нужно обыскать замок, мог проникнуть кто-то еще.

– Я отдал распоряжение, – в голосе князя слышалось недовольство. – И это помогло мне не остаться без трех серебряных вилок и часов.

– Трех вилок? – хором переспросили маги. В ценности часов они не сомневались.

А мне обидно стало. Поклеп! Вилки я не воровала – это все ложь, сам князь придумал. Часы... Рука была спешно сунута в стог сена. Часы – это необходимость. И должна же я хоть что-то украсть, раз уж все равно в подземелье сидеть.

– Да, одна юная особа пожелала унести с праздника не только воспоминания, но и вилки. Ничего серьезного, посидит пару дней в подземелье. Не тиран же я, право слово.

– А часы? – напомнил его подлейшая светлость, который с какого-то перепугу решил играть против меня, не иначе.

– Полагаю, малышка раньше никогда такого не видела и решила изучить поближе. Что ж, я дам ей возможность...

Какую именно возможность мне собирается дать князь, я не расслышала. Гриб снова заорал. На сей раз от огорчения, что сдал все их с напарницей секреты. Лязгнула решетка, выругался маг, яркая вспышка осветила все уголки подземелья.

– Передайте их графу. Их вина установлена, а наказаниями в нашей стране ведает он.

– Будет исполнено, ваша светлость. – А вот и стража подключилась к беседе.

Скрипнули засовы. Что-то грузное упало на пол. Взвизгнула Лея, ощутив задней частью внимание моложавого стражника. Делегация высоких гостей поспешила к выходу.

Я тяжело вздохнула, потянулась, разминая мышцы, и разразилась отрепетированным плачем. Плакать вообще полезно. Мышцы лица тренируются, облик искажается, да и от слюнявой идиотки с красными глазами, рыдающей из-за любой мелочи, все стараются побыстрее избавиться.

– Я больше не буду-у-у, – завывала я ровно в тот момент, когда светлейшая делегация проходила мимо.

Краем глаза отметила, что маги с презрением отвернулись, самоустраняясь от конфликта. Конечно, я могла попросить у них помощи, для полноты удовольствия позоря Таринскую Школу, но список моих врагов на сегодняшний день и так был полон. А когда лишние строчки появятся – кто его знает, сколько нынешние проживут! – мне пока было неведомо.

- Демоны попутали-и. Часики краси-и-и-ивые бы-ы-ы-или. Не губите-е душу грешну-у-ую, - подвывала я, отчаянно фальшивя и по возможности скрипя, как несмазанная телега. Приходилось как-то на такой путешествовать, то еще удовольствие, скажу я вам...

- Это и есть любительница вилок? - поинтересовался герцог, останавливаясь у решетки.

- Она самая. - Князь тоже не торопился уходить. - Вилки и обнажаться, судя по тому, в каком виде ее застали над столовым серебром.

- Ну хоть какое-то удовлетворение для стражи, проводившей арест, - усмехнулся большой вредина и будущий обладатель некрасивых надписей на заборе.

Я же для них стараюсь, изображаю демоны знают кого, чтобы поскорее вырваться, а он лишь подтрунивает. Над коллегой! Над соратницей! Я бы еще поняла, если бы он знал о моем предательстве, но вот так, подло и низко...

- Мне нет дела до удовольствия стражи.

- А до моего? Я буду тебе весьма признателен, если вопрос наказания этой милой леди ты возложишь на меня.

От неожиданности я сбилась и пропустила парочку завываний. Это что же вы творите, ваша светлость? И репутацией своей не дорожите? Или все присутствующие знают, что репутации вашей грош цена? Вон как заухмылялись маги. А сами-то, рыльце в пушку у каждого первого, да не единожды. А все туда же - ближнего осуждать! Лицемеры.

- Вопрос ее наказания уже решен. Верно, леди? - Князь подошел ближе к решетке. - И стоили три вилки ночевки под замком?

- Стоили! - давясь слезами, выпалила я. - Память бы была. Хоть какая-то. А вы... Вам даже одной вилки жалко, а еще князь!

- Правильный вклад вилок - основа благосостояния любого древнего рода, - нравоучительно изрек его светлость.

А я задумалась.

Логика в словах Кэлана Артона Грауса несомненно была. Во-первых, покупка вилок не облагалась дополнительным налогом на драгметаллы. Во-вторых, столовое серебро волей его величества принято считать предметами личного пользования и неотчуждаемой собственностью. В-третьих, количество вилок не регламентировано, следовательно, хоть все свое состояние в вилки переведи - никто и слова против сказать не сможет. Определенно! Мощь высшей аристократии - в вилках!

Герцог фыркнул, но опровергать заявление коллеги не стал. Видать, и у него без вилок не обошлось. И почему я себе парочку не взяла? В следующий раз обязательно столовое серебро проверю - вдруг там в зубах блеснет что-нибудь эдакое. В парочку карат.

- Идемте. - Один из магов решил прекратить этот фарс и тронул князя за локоть. - Вас ищет ректор, необходимо обговорить условия, на которых вы сможете отправлять в Школу своих студентов.

- Фонда недостаточно? - Его светлость нахмурился, отвлекаясь на собеседника. - Если я авансом оплачу обучение своих людей, разве этого мало для успешного поступления?

- Достаточно, но... Вам лучше обсудить все с ректором.

Скривившись, его светлость стремительно покинул коридор. Маги из делегации бросились за ним, словно им за это приплачивали. Впрочем, глядя на его светлость, который остался стоять у решетки, вполне могли и доплатить. Все же в подземелье не осталось лишних ушей, а, кроме Юлиара Шарнеса, это не было выгодно никому.

- Майя, заканчивай. - В голосе герцога слышалось недовольство. - Лучше объясни, как тебя угораздило попасться?

– Вот так прямо и сказать?

Я выразительно покосилась на дверь.

– Я принял меры, – заверил меня его светлость и выразительно покосился на булавку, приколотую к вороту.

Очередной амулет. Что ж, тогда подобная беспечность оправдана. На каждую магию есть своя магия, хотя чего нового может узнать князь? С друзьями не везет? Так в первый раз, что ли?

– Ладно. Отчитываюсь. Эти два идиота (других растяп не нашлось?) подняли шум. Я в этот момент была недалеко от кабинета его светлости. Сами понимаете, места, запретные для посещения. В любом случае пришлось бы оправдываться. А если так – то лучше нести наказание за вилки, чем с ментальным магом беседы вести. Отсижу пару дней и выйду, вешать вроде не собираются. А преподать урок... как будто я редко по подземельям сидела. Восстановлю, наконец, аристократическую бледность, а то скоро коллеги узнавать перестанут.

– Они тебя знают, – правильно понял намек его светлость. – Работали вместе?

– С Леей и Грибом? Дадари убереги от подобного счастья!

– Что ж так? – усмехнулся собеседник. Я посмотрела на него с осуждением. И это высокий лорд! Ехидна – да и только.

– Характерами не сошлись, – буркнула я. – Да и слух у меня еще есть. Вот оттопчут, тогда можно и на дело с Грибом.

– Перстень, полагаю, ты не забрала? – Еще бы его светлость интересовали подробности тяжелой жизни воров и иже с ними.

Я выразительно уставилась на свой наряд. Без одеяла он был весьма вызывающим. Даже странно, что на этот факт никто внимания не обратил. Хотя если стража думает, что мы с князем... Хм, интересно, какая версия быстрее до Дайрина дойдет? Чувствую, икатся будет...

– Что с платьем?

– Возврату не подлежит, – съехидничала я, умалчивая причины. Зачем его светлости знать, что платье наверняка присвоит первая расторопная служанка. Пусть лучше думает, что это стража свандальничала. Скорее бы уже эти три-четыре дня миновали, а то я скоро сама себе врать начну. По привычке. Из любви к искусству.

– Оно может тебе навредить?

– Нет, оно – точно не сможет, – усмехнулась я и поежилась. Все же до лета далеко, а в подземелье и летом не самый приятный климат. – Да не переживайте так, отсижу с недельку, главное, пусть ваш друг в Школе прикроет, а там еще одну вылазку сделаем. Или, пока буду тут сидеть, смогу добраться и до колечка. – Пришлось демонстративно огладить грудь, талию и, хм, бедра. – И чтоб без таких вот подстав. Или думаете, я поверю, что Лея с Грибом тут случайно оказались?

Герцог поджал губы, но спорить не стал. И правильно: спор – дело затяжное, а его светлость спешил. Наверняка же по важному делу отстал, не иначе. Интересно, его важное дело в курсе, где сейчас кавалер быть изволит?

– Не смею вас больше задерживать.

Я решила раскланяться первой. Отвесила поясной поклон и поплелась к соломе. Вскоре ушел и его светлость. И хорошо, а то у меня руки совсем замерзли, а демонстрировать, как обслуживают особо важных гостей, не хотелось. Не дорос еще его светлость до таких подробностей.

Часть 2

И вновь Тарин

Подоконники в княжеской резиденции были широкие. Порой – даже слишком. Например, сейчас, когда на моем любимом наблюдательном пункте вовсю кипели неуместные страсти. Конечно, кому-то они могли показаться и уместными, но уж точно не мне или слугам. Последним утром придется прибираться, а то и вешать карниз на место. А мне просто ждать, пока любимое местечко вымоют с чем-нибудь обеззараживающим.

Нет, все же идея переметнуться на сторону князя была не так хороша, как казалось на первый взгляд. Разумеется, все то прекрасное, чего я ожидала от перемены подданства, имело место. Мне списали прежние прегрешения, взяли обещание не совершать ничего криминального на территории собственно Лайсара и отпустили на все четыре стороны. Другое дело, что все эти четыре стороны располагались на княжеской территории, покидать которую мне не рекомендовали.

Вдохнув, я тенью проскользнула мимо стражника. Необходимости в этом не было, но без тренировки я могла и вовсе зачахнуть и захиреть. А его светлость как будто этого и ждал, не поручая мне ничего. И это после того, как я согласилась на его предложение поработать. Даже в команде. Даже законно!

Увы, мои жертвы были напрасны. Ни законной, ни командной работы для меня у Кэлана Артона Грауса не было. Уже третий день он пугал меня высокой дипломатией, из-за чего я вторую ночь не спала, сбивая ноги и выискивая по замку следы этой самой дипломатии. Но ни гостей, ни новых слуг, ни даже наемных убийц в замок не проникало. Все было тихо, мирно и пахло квашеной капустой. За последней я не считала зазорным наведываться, не дожидаясь, пока и до меня дойдет очередь.

А давешнее платье королевского портного мне удалось вернуть. Честные служили люди у князя: чужого не взяли. Так и висело на швабре. Разве что иной раз его перевешивали, когда инструмент по назначению требовался, а так... Как повесила, так и забрала. И ни слова упрека. Это уже мне самой совестно было, что людям мешала своим имуществом. А потому сейчас этот укор болтался в самом дальнем шкафу, и я искренне рассчитывала на услуги моли. Но моль не торопилась.

Зато высказать мне свое «восхищение» рвался граф Разетти, приезжавший по случаю выхода княжества из состава империи. Но тут уже я не торопилась попадаться ему на глаза. Да и князь не рекомендовал, хотя и усмехался при этом... Но влезать в их обострившиеся отношения не хотелось. Все те четыре дня, что у нас проживали высокие гости с Дайрином во главе, я сама гостила на черной кухне, в подземельях и собственной гардеробной. В тайные ходы соваться не рисковала: никто не мог поручиться, что там не натолкнусь на длинный нос бывшего начальника. И хорошо, если на нос, а не заточенный кинжал.

Даже получив известие, что делегация отбыла, я еще день переживала, не высываясь. И лишь на пятые сутки своего добровольного заточения выбралась из затхлого царства, где даже моль отказывалась селиться. Выбралась и замерла, прислушиваясь к каждому шороху.

На моей кровати стояла огромная корзина с цветами. Белыми лилиями. И пакетик с молотым перцем. Чтоб уж наверняка освежить мою девичью память. Вот только как я могла забыть? Не забывается такое никогда: первый настоящий арест, который чуть не завершил всю мою карьеру...

А начиналось все тогда на редкость оптимистично.

Из резиденции его высочества мы выбрались на рассвете. В лучах раннего солнца стража была еще не слишком пристрастна, а его высочество, прошедший ночь за возлияниями, не успел заметить подмену родового кольца. Даже я не сразу опознала подделку, когда Райд впервые продемонстрировал дубликат. А принц... Порой и принцы предпочитают забыться и ни о чем не думать. Особенно в хорошенькой компании.

Увы, не всегда симпатичная мордашка и отсутствие ярко выраженных мыслей на ней

свидетельствуют о подлинной бестолковости. И целоваться его высочество не умеет. Определенно стоило бы потренироваться.

Довольные и счастливые, мы с Райдом разделились на выходе из резиденции. Парень должен был встретиться с клиентом, а мне предстояло отправиться в отпуск недельки на три. На меньшее наша афера не тянула, а трести будут активно. Как-никак, пострадал сам его высочество. Правда, вряд ли в газетах напишут, насколько он был пьян. Разве что про вероломное отравление снотворным, которое лучше не смешивать с алкоголем, но кто ж знал!..

Спустя два часа я попрощалась со столицей. Как надеялась, на годы. Как оказалось... Не будем думать о плохом. Обстоятельства моей поимки вызывали чувства глубокого неудовольствия. И, как я надеялась, не у одной меня.

Тем погожим утром, когда весна вовсю господствовала на улицах провинциального Разара, я высунулась в окно, улыбаясь солнышку. И тут же, углядев знакомую физиономию под балконом, всунулась обратно. Слушать, тем не менее, мне это не мешало, а в приоткрытое окошко влетала весьма интересная информация.

Мой давний любимец, один из верных песиков графа Разетти, желал остановиться в той же гостинице, что и я. Номер желал снять просторный, с видом на городскую площадь, без шумных соседей... В общем, единственный доступный вариант располагался по соседству со мной. Его-то господину Маджери и предложили.

Конечно, можно было улепетывать прямо сразу, выскочив на балкон, едва из-под него уйдут господа договаривающиеся, но я не стала так себя подставлять. Вместо этого шагнула в гардеробную и оглядела приобретенный за неделю провинциальной жизни арсенал.

В отличие от светских хищниц столицы, среди дам провинции до сих пор царили довольно строгие нравы. Ничего, что могло бы привлечь взгляды мужчин, на показ не выставлялось, лицо пряталось под вуалью, а волосы – под шляпкой. Руки следовало укрывать перчатками до локтя, а на платье накидывалась шаль. Последнее было и вовсе моим большим вопросом: не умела я в жару элегантно кутаться в шерстяную накидку. Не дано мне это искусство, но, похоже, предстояло научиться.

Поскольку путешествовать, не боясь осуждения, могли только замужние дамы с мужьями или вдовы без оных, я выбрала последний вариант и еще на подъезде к городу обзавелась тремя траурными нарядами. В ход они шли лишь в том случае, если меня звали в респектабельное место. Но то ли мы не сошлись во взглядах на шляпки, то ли чувствовали леди, что я потешаюсь над местными салонами, но влиться в провинциальное высшее общество мне не удалось. А платья остались. Удобные, немаркие, самое то, чтобы по трущобам ходить. Кровь с вином практически незаметны, если вдруг что.

Да и все знают, вдовушки – те еще оторвы. А что делать, если наслаждаться жизнью аристократка могла, лишь потеряв мужа (желательно пока молодая) и приобретя его состояние? Если хоть одно из условий не выполнялось – пиши пропало. Доживать свой век на чужих хлебах – удовольствие ниже среднего, а потому для новой роли я выбрала богатую вдову, скущующую по мужу, но не отказывающуюся от приглашений посетить светские рауты. Очень скоро последнее обстоятельство дошло до цвета местной аристократии, и совершать необдуманные поступки (приглашать меня в общество) они перестали.

Впрочем, причиной могло послужить и мое знакомство с господином Дерги, местным начальником стражи, завидным женихом и большим ценителем Лайсарских кинжалов. Встретив родственную душу (меня), он напрочь забыл о своей предполагаемой (ему даже сообщить забыли) невесте и предпочитал весь раут заседать со мной на балконе, обсуждая мастерство оружейников. Пришлось, правда, соврать, что муж увлекался всем этим, но, кажется, господину Дерги было плевать на источник моих знаний. Хорошо все-таки, когда у служителей правопорядка нет твоего приличного портрета, а с сонных и пьяных глаз его высочества... По борделям меня искали, не самым дорогим, что даже обижало слегка.

Один такой портрет я сохранила: сорвала с доски объявлений при okazji и спрятала за

корсаж. Никто этого вроде бы и не заметил: наутро доска вновь была полна моим предполагаемым лицом. Я еще тогда нахмурилась, не понимая, почему мне достается столько внимания правоохранительных органов. Подумаешь, колечко потянули, как будто их у принца мало. Надел другое – и утешился!

А Райд не отвечал на сообщения. Точнее, он попросту не получал мои. То ли был занят, то ли не хотел подставлять связного, то ли и вовсе уехал в неизвестном направлении и не собирался больше работать... Или просто я не могла получить его сообщений, поскольку почта временно перестала работать. Забастовка случилась. Ага, в монархическом обществе.

Вот и я не поверила, но попытки разобраться оставила и пошла по пути наименьшего сопротивления: отправилась в гости к господину Дерги.

Да-да, именно, к нему.

Продефилировала мимо Маджери, разбиравшегося с ключами. Поздоровалась с консьержем, пожелала ему удачи вечером и подмигнула дочери владельца гостиницы. Девушка заговорщицки улыбнулась и благодарно кивнула, но здесь все было понятно.

Матильда была, пожалуй, единственной девушкой, которая благосклонно отнеслась к моей персоне, а потому, выждав некоторое время и внимательно понаблюдав за ней, я предложила ей алиби. Так уж вышло, что юной виконтессе нравился помощник управляющего, но его семья не могла похвастаться большим состоянием, хоть и титулом ее не обделили.

Отец Матильды сам горестно вздыхал при виде ее избранника и, я была уверена, одобрил бы выбор дочери, не будь у них такой разницы в благосостоянии и не опасайся он, что дочери до конца ее дней будут ставить эту свадьбу в укор. Глупость, конечно, но в городке, где всем все известно, никому не хотелось становиться главной темой для сплетен.

Вот и граф не пожелал, вдоволь хлебнув провинциальной злобы еще во время своего деда, купившего их нынешний титул. О том, что отправить кровиночку с супругом можно в соседний Разару Грилл, его светлость отчего-то не подумал. Приходилось нам втроем вечерами собираться и разрабатывать план убеждения батюшки и, собственно, выкладки по будущей гостинице в Грилле, куда пара собиралась переехать. Расширять, так сказать, семейный бизнес.

Мне в этой аванюре отводилась роль наблюдателя и леди, в гости к которой Матильде было не зазорно зайти. Графа такое положение вещей устраивало, меня устраивал набор пирожных, который девушка приносила, а юную пару – возможность поговорить о своем будущем. Порой в их беседу влезала я, но только по делу, как я надеялась.

Увы, скоро эти посиделки должны кончиться, и свежие пирожные перестанут появляться в моем номере. Конечно, если я не смогу отыскать другой источник их поступления. Над этим следовало обстоятельно подумать, поскольку накануне дела Райд неодобрительно высказался о моих боках. Конечно, ничего он не понимает в истинной красоте, но... Уязвили меня его слова. По лбу он получил заслуженно!

Внутренне уверившись в своей правоте, я по кругу начала обходить городскую площадь. Причин тому было несколько. Во-первых, леди не идут напрямик. Во-вторых, где-то на середине пути между гостиницей и управлением стражи стоял лоток с чудеснейшими пирожками, которые я трескала украдкой, оказываясь наедине с собой. В-третьих, стоя на балкончике, я не раз замечала, как сюда же бегают с поручением одинокий стражник, заказывает на все управление, а после выючным осликом несет обратно.

– Леди, вы не подскажете?... – Я обернулась на голос и замерла, разглядывая собеседника. Посмотреть было на что. Под дорогим замшевым плащом у него имелось не меньше трех кинжалов, рука лежала на рукояти шпаги, а за отрез ткани его рубашки можно было выручить неплохие деньги. И все это безобразие смотрело на меня, как будто не у кого больше было узнать дорогу! И куда он там собирался? – ...альное управление стражи.

Я хотела ответить и махнуть рукой в сторону нужного здания, но остановилась. Что-то

коробило. Нет, в вопросе не было ничего странного, не считая его абсолютной глупости, но и такое случалось. Тревожило что-то другое, кроме дорогущего наряда и запаса метательного и тыкательного оружия. А смущало меня...

Я виновато улыбнулась, хотя под вуалью он вряд ли это разглядел, и срывающимся голосом ответила:

– Мы не представлены.

После чего вернулась к разглядыванию пирожков.

Судя по шагам за моей спиной, ответ был верен. Я скосила глаза в сторону стражи и еще раз подтвердила свою догадку: где находится сие чудесное здание с крупной вывеской «Стража», незнакомец прекрасно знал, ибо минуту спустя торопливо поднимался по ступенькам на крыльцо. Мелькнула светлая косица и скрылась в дверях вместе со своим обладателем.

– Что брать будете? – расплылся в улыбке продавец пирожков, пытаясь откровенно не пялиться на меня. Ну да, в таком наряде только пирожки у лоточника покупать, но нам же предстоит свидание с женщиной, да еще с каким! Пусть лучше ест, а не думает о причинах моего интереса.

– С мясом, – кровожадно ответила я. – Пять. Нет, лучше шесть.

Котомки для переноски пирожков у меня не было, а потому пришлось разориться и на нее. И все ради родных правоохранителей и их разговорчивости.

Расплатившись, я оттопырила ручку и повесила котомку на манер дамской сумочки. Наверное, надо мной смеялась вся площадь, но смех продлевает жизнь, а мне было не жалко для коллег. Да и безопаснее так: когда вор смеется, он не лезет в твой кошелек.

– Леди, вы к кому? – строго поинтересовался молодой страж, поднимаясь из-за конторки на входе.

– К господину Дерги, – пряча глаза и отворачиваясь, как будто меня уличили в чем-то нехорошем, ответила я. Необходимости, правда, в моих действиях не было: шляпка и вуаль неплохо скрывали лицо.

– Он немного занят... – стушевался отчего-то собеседник. – Но я сейчас спрошу, как быстро он сможет вас принять.

– Примите мою искреннюю благодарность.

Взмахнув ручкой, я благословила юношу на подвиги, а сама присела на краешек не самого мягкого стула, надеясь, что не порву случайно платье.

Вернулся паренек довольно быстро. Отдышался и смущенно спросил:

– А как вас представить?

– Леди Ариса Хельон, – представилась я именем, под которым была известна здесь.

– Сейчас доложу.

И он убежал вновь. Милый мальчик, вот только безответственный: оставил вход без охраны, всю неразнесенную корреспонденцию... Любопытно, конечно, но настоящая леди, сидя на стульчике в приемной, будет разглядывать свои ногти, а не чужие документы. Пришлось соответствовать: я занялась изучением перчаток.

Пирожки источали умопомрачительный аромат, приманивавший взгляды всех мимо проходящих и высунувшихся из-за дверей, но я даже мимоходом не взглянула на свою ношу. Временно отставила ее на соседний стул и предалась мечтаньям. Границы должны были открыться со дня на день, и я с нетерпением ждала этого момента. Свобода и деньги. Как они манили меня по ту сторону кордонов!

– Леди, – прервал мои грезы вспотевший страж, – господин начальник примет вас. Прошу за мной.

Паренек отчаянно краснел: практики общения с леди у него не имелось. И неудивительно, господин Дерги не был идеальной партией, а потому на прием к нему ходили сугубо по делу. А дел со стражей добропорядочные граждане Разара предпочитали не иметь никаких: рыльце-то у многих в пушку, хоть они яростно сие и отрицали.

Кабинет почтенного начальника располагался на втором этаже пятиэтажного дома. О количестве этажей, уходящих под землю, знал, пожалуй, лишь сам глава стражи, но мне казалось, что их было куда больше пяти. По крайней мере, бросив на лестнице быстрый взгляд вниз, я так и не увидела пола.

– Проходите.

Юноша остановился у двери и галантно открыл ее для меня. Кивком поблагодарив за усердие, я вплыла в приемную. В отличие от многих коллег из столицы, у господина Дерги был секретарь. Немолодой уже мужчина с военной выправкой чинно восседал за столом. Меня он удостоил долгим взглядом заправского дознавателя (хотя я и не исключала, что ранее это была его специальность), но все же встал, приветствуя леди.

– Приношу вам свои извинения, леди Ариса, но господин начальник еще не освободился.

О причинах, заставивших главу стражи не встречать меня с распростертыми объятиями, бывший дознаватель умолчал. Профессионал. Даже моя демонстративная скука не заставила его поступиться принципами и открыть хоть кусочек выпавшего на мою долю пазла. И ведь наверняка без Маджери не обошлось. Интересно, он на этот раз один или с начальством?

Благоразумие надеялось, что обошлось без графа, но проклятое любопытство желало обратного. Я же... я хотела мира и спокойствия в душе, а потому не стала заранее пугаться или облегченно вздыхать. Вместо этого припомнила все, что удалось в свое время узнать о личности его светлости.

Увы, на ум приходили лишь ругательства (в них все свидетели сходились) и разрозненные сведения о внешности субъекта (опять же бесполезные, ибо «красив как демон» и «страшен как демон» могло означать что угодно), а самой видаться с его светлостью не приходилось. Миловал Дадари, не иначе. Хотя теперь не было бы проблем с опознанием.

Когда из дверей кабинета вышел уже виденный мною ранее господин со светлой косой и дорогим парфюмом, я даже не удивилась. К кому еще, как не к главе стражи он мог приходить. Напрягало другое: зачем ему завязывать знакомство со мной, используя такой глупый повод. Впрочем, повод был не хуже других, а при известной удаче мы могли хоть до вечера искать стражу: существовала вероятность, что я и вовсе не знаю, где это место находится.

– Леди. – Мужчина остановился и учтиво кивнул.

– Милорд. – Реверанс выполнила без ошибок: натренировалась уже, изображая вдову. – Сожалею, но мы до сих пор не представлены.

– Леди Ариса, позвольте вам представить...

Только Дерги мне не хватало!

– Зовите меня Дайрин, – прервал его выступление блондин. – Для такой очаровательной леди будет преступлением забивать головку глупыми титулами.

Я едва не зааплодировала: то ли похвалил, то ли унизил, то ли... скрыл свою личность. Ну что ж, Дайрин, просто Дайрин, можно поиграть и так. На чем-нибудь, но ты обязательно проколешься! Или Дерги разболтает...

– Ариса. – Я протянула руку для поцелуя. В перчатке, конечно. Буду я идти на жертвы ради этого лживого господина, скрывающего свое полное имя.

– Весьма польщен. – Мужчина склонился и учтиво коснулся губами перчатки. И вот не противно ему? Мало ли где я этой перчаткой ковырялась. А лицо держит. Почтительно-

прекрасное, породистое, с четким профилем истинного лорда... Просто Дайрин, да? Ничего, вот уйдешь ты, а Дерги я дожду.

– Леди Хельон, вы что-то хотели? – влез в нашу беседу главный страж.

– Ах да... – Я словно очнулась ото сна. По крайней мере, так оно должно было выглядеть: все же я была провинциальной девой, а мой собеседник, судя по флеру очаровательной властности, – не иначе как из столицы. – Решила, что вы голодны. Не могла же я оставить вас в беде.

Под внимательным взглядом серых глаз я передала котомку секретарю.

– Премного вам обязан, – поблагодарил Дерги, но смотрел он с неясным напряжением. И не на меня, а на блондина.

Хм, давайте подумаем, что же странного могло быть в моем поведении... Дача взятки? Пирожками? А почему бы и нет, в конце концов, я не без задней мысли их притащила.

– Всего лишь пирожки. Примите как мою благодарность за прошлый вечер. Вы буквально спасли мне жизнь!

И уши. Слушать пение жены градоправителя смерти подобно, а уж когда к ней присоединяется дочь... Надеюсь, залетного ревизора тоже пригласили на следующий раут. А если нет...

Я расплылась в улыбке, обещая похлопотать за господина Дайрина.

– Что ж, в благодарность за это... пожалуй, я могу это принять. – Господин Дерги с облегчением выдохнул. Вот только я не обольщалась: краем глаза заметила, что Дайрин едва заметно кивнул, разрешая принять подношение.

– В таком случае я вас покину. Не хочу мешать вашей работе, ведь вы делаете наш город лучше.

– Наш? – придрался к словам блондин. – Разве вы не прибыли издалека?

– Я решила остаться здесь. – Улыбку я отрабатывала на «ура», хоть вуаль и скрывала многое. – Прекрасный климат, доброжелательные люди... И здесь совсем недорого. В Лайсаре, говорят, такие цены, что на все мое наследство и дня не проживешь!

– Вы так бедны?

– Так скупа, – повинилась я. – Хочется и деткам что-нибудь оставить. А если все состояние на шляпки спустить... – Я кокетливо поправила выбившуюся прядку. – Так ведь и без последней пары перчаток остаться можно. Поэтому лучше остановиться здесь. А вы недавно прибыли? Уже были на вечере у градоправителя? Рекомендую. Леди сногсшибательно поют. Вы не останетесь равнодушны.

Господин Дерги шумно вздохнул, но встречать в нашу маленькую милую беседу не стал.

– Благодарю за совет, – учтиво поблагодарил Дайрин и с усмешкой добавил: – Вижу, вы освоились в этом городе?

– Приложила все усилия.

– В таком случае, – мужчина незаметно сцапал мою ручку, – не окажете ли вы и мне такую услугу?

– Какую именно? – Я вздернула бровки в напускном удивлении.

– Помогите освоиться здесь. Раз уж вам так быстро это удалось, верно, никого лучше вас мне не найти.

– Вы собираетесь задержаться?

– На некоторое время.

- И от чего же это зависит?

- Я полагал, что от вас. - Прозвучало довольно двусмысленно. Господин Дерги ошутимо напрягся, давая почву моим подозрениям.

- Но вы передумали?

- Отчасти. Но вы еще можете убедить меня в обратном.

Могу, но хочу ли? Интуиция подсказывала, что лучше спровадить этого типа подальше. Вот только если он будет далеко, как же я узнаю, какая нелегкая его сюда занесла и главное - зачем? Уж не по мою ли душу? Тогда он работает с Маджери...

Последнее предположение следовало проверить как можно быстрее.

- Где вы остановились?

- Майя, вам скучно?

Голос князя врезался в череду воспоминаний. Возможно, от кого-то другого я бы и отмахнулась, но от прямого начальства, на территории которого я к тому же жила и питалась, было как-то неправильно.

- Да, ваша светлость? - Я подняла на него взгляд. - Вы хотели о чем-то поговорить?

- Хотел. О вас.

- Обо мне? - Я усмехнулась и прислушалась: на подоконнике больше не шуршали, а значит, можно возвращаться на привычные позиции. Правда, лучше было бы дожждаться, пока там приборут. - Вы хотите разговаривать здесь?

Я обвела взглядом затихший коридор.

- Прошу в мой кабинет, - предложил его светлость, проследив за моим взглядом.

Я кивнула.

Княжеский кабинет я любила. Там можно было скрываться от управляющего, от княжеской кормилицы, которая решила откормить и меня, хорошо хоть, коровьим молоком, и от подозрительного господина Трести, занимавшего при князе пост главы охраны. Последний на меня постоянно косился и, если б не прямой приказ его светлости, наверняка не обошелся бы одним соглядатаем. Правда, выбрал он неудачно: с паршивцем Лигреем мы нашли общий язык быстро, и он предпочитал вылазки за стены замка унылой слежке за мной. К тому же бесполезной, поскольку я любила уходить из-под надзора и подбираться к нему со спины.

- Прошу, - его светлость привычным жестом распахнул дверь кабинета.

Я с осуждением посмотрела на своего нынешнего работодателя: вот еще, первой заходить! Кто знает, какие изменения в охранной системе произошли! Вдруг тем, кто первый войдет, пол протрет.

- Только после вас.

Я сделала шаг назад.

- Это будет невежливо по отношению к леди.

- А здесь есть леди? - Я с интересом огляделась, но коридор был пуст. - Извините, мне не удалось ее разглядеть.

Князь с неодобрением покачал головой, но спорить не стал: перешагнул порог, обогнул стол и уселся в кресле. Я последовала за ним.

С молчаливого согласия его светлости моим местом в этом кабинете стал подоконник. Князь даже распорядился оттуда все убрать, чтобы мне было сподручнее устраиваться. Или просто боялся за свое имущество, которое могло пострадать от неосторожного

жеста.

– Вы хотели о чем-то поговорить, – пришлось напоминать причину посещения кабинета.

– Да, я помню, – откликнулся его светлость, но начинать разговор не спешил. Вместо этого развернул кресло, чтобы было удобнее рассматривать ночное небо в окне за моей спиной, и с нескрываемым любопытством уставился на меня.

Ну вот и смысл играть в гляделки? Я с утра не красилась, так что ничего нового в моей физиономии не появилось.

– И что же заставило вас уйти с праздника?

Учитывая, что звуки музыки долетали даже до кабинета его светлости, праздник перешел в ту фазу, когда лучше держаться от гостей подальше.

– Забота о судьбе княжества, естественно, – усмехнулся собеседник, но тут же стал серьезным. – Майя, вы говорили, что хотели бы отправиться на острова, но, к сожалению, делать это крайне нежелательно.

– Почему же?

– Вас там ждут, – просто пояснил его светлость. – По последним донесениям разведки, именно на Калийских островах сейчас находится некто Маджери Арьяс. Официально – на отдыхе, неофициально – можете предположить сами. Кроме него, на острова прибыли три группы «путешественников». Ежедневно они методично обследуют каждый дюйм земли. Местные жалуются, что спасения нет от этих любопытствующих, то и дело они забредают на запретные для них земли. Но даже угрозы «связать и бросить в бухту при приливе» не могут остановить желающих острых ощущений. Как считаете, Майя, скоро они успокоятся?

– Не раньше, чем через год, – вздохнула я.

Собственно, примерно по этой же причине я не отправилась на острова, едва мне выдали новые документы. Под крылом князя, по крайней мере, чужих шпионов не было, а если и были, то боялись за свое место и ко мне не лезли. А вот острова – земля нейтральная, пусть и не любят там имперцев. Деньги у них, даже у нелюбимых, брать будут, а я не землячка местным, чтоб вступать в наши распри с Дайрином. Да и вряд ли докажут, если придется, что меня не пираты украли, а служба безопасности. А потому, взвесив все за и против, я осталась под теплым крылышком князя.

– И где же вы планируете провести этот год? – вкрадчиво поинтересовался моими планами его светлость.

Так поинтересовался, что мне захотелось тут же выложить ему сто пятьдесят вариантов прежде, чем он продолжит речь. Но увы, у меня даже одного варианта достойного не было. Да и откуда им взяться, если я уже некоторое время на жаловании, если можно так выразиться. По крайней мере, на полном обеспечении провиантом и крышей над головой.

– Дадари подсказывает, вы уже нашли решение.

– В некотором роде. Но прежде я хотел бы узнать, как вы относитесь к Тарину?

Я не могла видеть свое лицо, хотя сомневаться в его живописности не приходилось. Князь загадочно улыбнулся, но от комментариев воздержался. Он вообще казался довольным донельзя, как будто сорвал куш или заключил выгодную сделку.

Стоп. Выгодная сделка, да еще связанная с Тарином... уж не с его ли светлостью князь договаривался? И до чего же они договорились, что меня бережно так, любя, подводят к осознанию необходимости поездки на родину?

– Крайне недружелюбно, – скупой ответила я и добавила: – И чувства наши взаимны. Особенно после недавних событий.

Намек был прозрачен, и князь не преминул кивнуть, принимая шпильку.

– В последнем вы заблуждаетесь. Граф Разетти очень беспокоился о вашей судьбе, предлагал вас у меня выкупить. Да-да, даже зная, кому он обязан своим провалом. Не находите, что его интерес выходит за рамки профессионального?

– Нахожу. Задета его гордость, а такие оскорбления смываются тем, что потом плохо отстирывается и без чего не живут.

– Он не показался мне столь кровожадным.

– Ключевое слово – показался, – подсказала я. – Его светлость вообще тот еще игрок, он любые чувства продемонстрировать в силах, а уж равнодушие или легкую степень любопытства... – И грустно добавила: – Он и влюбленным скажется, если дело того потребует.

Помнится, прием градоправителя был настолько интересным, что я зевала, стоя в уголке и пытаясь абстрагироваться от скрипучего голоса старшей из дочерей господина Жильке. А за окном вовсю хозяйничала весна. Она вступала в свои права так уверенно, что мне нестерпимо хотелось покинуть обитый бархатом склеп, коим ныне казался городской дом мэра, и вдохнуть пусть еще холодный, но такой свежий воздух. Последнего мучительно не хватало: почтенная публика так пеклась о здравии, что любое открытие окна вызывало шквал осуждения и обвинений. И легче было захлопнуть несчастные створки, чем убедить почтенных дам в благих намерениях.

– Леди Хельон, вам нездоровится? Быть может, вас проводить?

Бархатный голос недавнего знакомого вывел меня из раздумий. Отчаянно хотелось согласиться на столь щедрое предложение и, симитировав обморок, удалиться из гостиной на руках у кавалера. И будь кандидатура кавалера иной – я бы с радостью согласилась. Но увы, не для того я так расхваливала прием, чтобы исчезнуть с него под ручку с господином Дайрином.

Не было у меня доверия ни к его словам, ни к нему самому, а узнать что-либо... По тем отголоскам слухов, что все же проникали в Разар, было ясно, что его светлость граф Разетти землю носом роет, пытаясь нас отыскать. А его величество ему всячески потворствует. Уже и письма вскрывать разрешили, руководствуясь одними лишь подозрениями. В столице трех дельцов посадили. Все местные банки перетрясли. Засланцев во все стороны пустили. Вот как раз стоит один напротив, улыбается, ручку протягивает.

– А как же прием?

Я нарочито печально обвела взглядом всех гостей градоправителя. И как только меня угораздило здесь оказаться?! Вероятно, господин Дерги решил мне приятное сделать и настоял на приглашении. Эх, не стоило сие мероприятие расхваливать при нем. Ой не стоило... Но есть люди, которым не отказывают, и господин Жильке был в этом городе одним из таких.

– Полагаю, мы оба уже успели насладиться чудным пением госпожи Элары. Как вы о нем отзывались? «Сногсшибательное»? Абсолютно с вами согласен. – Дайрин позволил себе легкую осуждающую улыбку. С каждым произнесенным словом его голос чуть затихал, и мне приходилось прислушиваться, чтобы не упустить ни одного слова. Даже податься вперед, чего уж точно не следовало совершать: моя ладонь тут же оказалась в плену чужих пальцев. – Другие городские достопримечательности столь же выразительны или это было вашим тайным оружием?

Последние слова он практически выдохнул, после чего неожиданно поднял мою ладонь и поцеловал пальчики.

– До оружия Эларе далеко, – прошептала я, справляясь с неясным волнением. Руку вырвала чересчур резко, чтобы это ускользнуло от собеседника, но он не стал продолжать. – Проверку пением Элары должен пройти любой приезжий. Не могла же я лишиться вас удовольствия доказать свое мужество.

– Испытание пройдено успешно? – с иронией поинтересовался собеседник, как будто и не он минуту назад...

Хватит. Подумаешь, решил за вдовой приударить. Ничего хорошего в этом нет, так и стоит ли покупаться на эту игру. Определенно – нет.

– Не совсем. Мужчине не пристало бежать с поля боя, пока враг еще не повержен. – Я кивнула на поющую дочь господина градоправителя и, пользуясь случаем, отступила на несколько шагов, якобы поглощенная созерцанием столика с закусками. Мой неожиданный собеседник не отставал. – Песня долгая, а мы прослушали лишь пять куплетов.

– И вы намерены вытерпеть все двенадцать? – осведомился мужчина, лишний раз подтверждая, что не случайный прохожий. Иначе где бы он слышал полный вариант арии Сальфиты? Эту оперу, кажется, только в императорском театре дают, а билет туда едва ли не за год заказывать следует. А лучше за два. Разумеется, если вы не император или лицо приближенное.

– Двенадцати Элара не знает. Остановится на девятом, – поделилась я опытом, повышая свой статус в глазах общественности. При условии, что они прислушиваются к нашему разговору. Вот только окружающие подозрительно молчали и косились строго в одну сторону – на градоправителя и его семью. Как будто боялись лишний раз взглянуть на нас. Кто же ты все-таки такой, господин Дайрин? – А вам доводилось выслушивать полную версию?

– Чего мне только не доводилось делать, – то ли посетовал на судьбу, то ли похвастался богатым жизненным опытом Дайрин.

В любом случае, какую бы цель он ни преследовал, но мой интерес к этому человеку заметно усилился. Вот только вместе с интересом вернулась и отступившая было настороженность. Господин приезжий был слишком иным для этого городка, и дело здесь было не во внешности. Но с первых же минут, проведенных в городе, Дайрин продемонстрировал слишком интересные для простого путешественника знакомства. Лично мне, чтобы свести знакомство с главой стражи, потребовалось не меньше трех дней на подготовку и двух часов личного общения. А блондину достаточно было войти в здание, чтобы тут же оказаться на приеме у Дерги, да еще и заставить того бледнеть и жаться. Вкупе с посещением императорского театра и поведения, чересчур вольного для провинциальных приемов...

Даже градоправитель, мужчина достаточно властный и самоуверенный, едва углядев на пороге моего нового знакомого, весь подобрался и сжался, как будто к нему с ревизией пришли. Впрочем, все могло быть именно так.

– Пожалуй, я приму ваше предложение. – Я аккуратно положила свою ладонь на локоть собеседника. – Давайте уйдем отсюда.

– А как же испытание на мужество?

– Пройдете его в другом месте. – Я пожала плечами. – Или вам страшно?

В глазах собеседника странным образом мелькнула тревога, словно он размышлял, насколько можно доверять моим словам и не кроется ли за ними что-то большее, чем простое согласие и интерес. Скажем, не хочу ли я заманить его в ловушку.

– Это вызов?

– А если и так?

Я с легким кокетством поправила шляпку. Итак, кем же ты меня считаешь? Согласишься ли...

– Приму его с удовольствием, – больше не колеблясь, ответил Дайрин, подхватывая меня под локоток.

– Вам доводилось видеть его светлость влюбленным?

Я поморщилась. Вопрос был довольно ожидаем, но из тех, на которые не хочется отвечать. Особенно признаваться, что и сама на пару минут замечталась, поверив в реальность собственных домыслов.

– Скорее, изображающим влюбленность, – хмуро ответила я. – Но кто из нас не играл в любовь? Или в страсть? Неведение? Веру? Обожание? Неужели вы сами ни разу не притворились?

– Полагаю, вопрос риторический?

– Разумеется, ваша светлость. Разумеется. – Я удержалась от насмешки: работодатель все же, пусть границы дозволенного мы так и не обговорили. – У вас появился интерес к Тарину? В связи с чем, хотелось бы узнать?

– В связи с поступившим мне предложением.

Князь не торопился раскрывать все карты: испытывал мое терпение, не иначе.

– И что же от вас желает получить граф?

– Майя, вы всегда столь категоричны? С чего вы взяли, что предложение поступило от Дайрина?

– Разве я ошиблась? – Бессмысленность разговора начала меня утомлять. Но в этом все дипломаты: изматывают, а после навязжут, что хотели. А ты бы и рад отказаться, но сил на сопротивление не осталось.

– Нисколько. Его светлость действительно хочет вернуть вас в Тарин...

– Нет! – не дослушав до конца, отказалась я и спрыгнула с подоконника.

– Майя, вы не дослушали, – недовольно напомнил мне собеседник. – И надеюсь, вы больше не станете оскорблять меня своим недоверием. Я не стал бы рисковать жизнью того, кто оказал мне неоценимую услугу.

– Продолжайте. – Я в прямом смысле взяла себя в руки, обняв свои плечи и опершись о стену. – Чем на этот раз будут приманивать?

– Вы поедете в Тарин как мой представитель. Теперь, когда мы не входим в состав империи, все прежние договоренности нуждаются в переработке. Для восстановления экономических отношений между княжеством и империей в Тарин отправляется наша делегация. И, предвосхищая вопросы: нет, провести все этапы переговоров на нашей территории император отказался.

– И Разетти настаивает на моей кандидатуре в числе ваших представителей?

– Примерно. – На мой вопросительный взгляд князь добавил: – На этом настаивает император.

– А что вы получите, если отправите меня туда? Раз уж сам, – я хмыкнула, – император просит. Торговые льготы?

– Все может быть. Но вы получите несомненно больше.

– И что же получу я?

– Возможность вернуться к прежней жизни.

Осень в Тарине подходила к концу. Все меньше носов показывалось на улице. Все сильнее кутались прохожие. Все крепче была радость уличных торговцев, вынужденных тратить на аренду. И только дети весело бегали по улицам, прыгали в лужи, обдавая все вокруг мутными брызгами. Мелких не заботили ни крупные капли дождя, забегавшие за шиворот, ни мокрые ноги и замерзшие пальцы, ни политическая обстановка и лично его величество. Хотя последнего они любили: даже за самую мелкую монетку с профилем монарха можно было купить что-нибудь сладенькое.

Мне сладкого не хотелось, как и кислого, и соленого, и горького... Мне всего хватало: на посольской кухне готовили на любой вкус. Вот и сейчас я сидела на подоконнике второго этажа представительства, потягивала согревающую настойку и заедала дольками апельсина. Глава миссии, барон Шарский, час назад отбыл на переговоры. Без меня – я мрачно отказалась, не желая пока переступить порог посольства.

Что бы ни говорил князь, а в великодушие Дайрина я не верила: скорее, в расчет и рассудительность. Бывшее начальство могло отложить свою месть, но отказаться от нее вовсе... Это было не в его правилах.

А потому, уткнувшись лбом в холодное стекло, я смотрела на улицу.

Посольство располагалось в хорошем районе: криминальные элементы здесь появлялись разве что в зданиях и были приглашены лично послом, как я. На улице, у входа, дежурили гвардейцы: два с нашей стороны, княжеские подданные, два – с противоположной. Эти уже были таринские и давно знакомые с местными торговцами. Каждые два часа к ним выбегал кто-то из лавочников и приносил перекус. Не проскользнешь...

Сказать, что мне не хотелось выйти на воздух и пройтись по окрестностям, значило соврать самой себе. Тарина мне не хватало. Даже странно, страна, где меня ждали с раскрытыми кандалами, где ничего хорошего со мной не произошло, где каждый день последнего года мне приходилось от кого-то скрываться или кому-то врать... Мне не хватало ее в теплой и уютной княжеской резиденции. Она была мне чужой, золотой клеткой, где жить можно вечно (если не выгонят), но жизнь ли это?

Нет, гордыня все же – мой грех. Иначе как бы его светлости удалось убедить меня вернуться в Тарин? Гордыня... Мне было любопытно взглянуть на проигравшего Дайрина, дернуть за несуществующие усы принца и снова оставить этих двоих в дураках. И я это понимала. Понимала, а потому сидела третий день в посольстве и не высовывалась, как бы мне ни хотелось прогуляться по ночному городу, пройтись по старым местам и навестить Райда. Поговорить хоть с кем-то, кто не станет коситься и шептаться за спиной.

Кем я только не успела побыть в глазах прислуги за эти три дня: любовницей барона, увлечением князя, сосланным за провинность, шпионом, присланным докладывать о перемещениях делегатов, и почему-то художницей. Последнее заставляло меня хихикать, вспоминая выходившие из-под моих рук шедевры. Если кто-то и разглядел в них произведения искусства, то я опасалась спросить, какого именно. Хотя слугам многого и не требовалось, чтобы сделать далеко идущий вывод.

Хлопнула дверь посольского кабинета. Бодрый голос барона окликнул служанку. Торопливо забежали вниз, начиная сервировать стол. Я вздохнула и, подхватив блюдо с апельсинами, направилась к себе. До обеда оставалось еще полчаса (за меньший срок накрыть на двенадцать персон не успеют), а потому я планировала отсидеться в комнате.

Не тут-то было.

– Жаклин, вы не видели Майю?

Раскатистым голосом барона можно было обращаться прямо ко мне. Или наше сиятельное начальство предполагало мое отсутствие? В любом случае проще предстать перед ним, чем заставлять уши страдать, слушая, как меня разыскивают. К тому же следовало узнать, чем вызвана столь острая необходимость меня увидеть.

С грустью оставив блюдо и чашку на ближайшем столике рядом с цветочной вазой, я торопливо поднялась вверх. Инструкция по поиску меня не давала забыть и сменить направление, и спустя полторы-две минуты я склонилась в поклоне перед главой посольства.

– Ваша милость?

– Госпожа Майя. – Барон усмехнулся в усы и жестом отпустил горничную. – Не уделите мне пару минут своего времени?

Несмотря на вопросительную интонацию, мужчина скорее ставил меня в известность, чем спрашивал о чем-то.

– Разумеется. – Уж лучше наедине выслушать все, что пожелает мне сообщить его милость.

Барон учтиво пропустил меня вперед, открыв дверь своего кабинета. Я не стала

отказываться и проявлять характер: во-первых, уже была во всех помещениях посольства, во-вторых, не тот человек барон, чтобы так глупо подставляться. Он даже на мой наряд практически не обращал внимания, хотя узкие брюки и попирали нравственные устои высшего общества.

– Майя, присаживайтесь. – Мне подвинули кресло и лишь после этого заняли свое. – Позвольте мне задать вам пару не слишком приятных вопросов.

– Всего пару? – Я улыбнулась открыто и доброжелательно, но внутри напряглась. От кого же пришло послание?

– Возможно, немного больше, – устало вздохнул барон. – Его светлость не счел нужным посвящать меня во все обстоятельства вашего прошлого, но основные вехи мне известны. Поэтому меня и удивляет личность отправителя.

На стол передо мной лег распечатанный конверт. Ну да, на тайну личной переписки в посольстве нельзя рассчитывать никому. Сломанная печать не давала возможности определить герб, а потому пришлось извлекать письмо. Пригласительный билет я отложила в сторону – меня больше интересовало пояснение. И оно заставило недоуменно взглянуть на барона.

– Сайсери Силандж? – недоуменно переспросила я, разглядывая подпись. Она почему-то не торопилась исчезать, несмотря на абсурдность своего существования на листе. Хотя... Перед глазами встала наша последняя встреча, во время которой Сай Поганец доблестно блюл мою честь и защищал от герцога... И вот что ему не сидится дома, зачем понадобилось приглашать меня на зимний бал? И главный вопрос: сам он решился или кто-то подсказал?

Вспоминая слова Лиди, я допускала личную инициативу светловолосого поганца, не дававшего себя забыть экстравагантными, но весьма действенными методами. С другой стороны, его светлость дураком не был, а герцог не мог не отметить в своем докладе горячую заинтересованность юного виконта. Так от кого же письмо? От Сая или от Дайрина, решившего действовать чужими руками?

– Ваша милость, могу я узнать, кто передал вам это... послание?

– Мне вручил его граф Силандж. Также его светлость просил передать означенной особе, – барон кивнул на имя адресата, – что не потерпит ее рядом со своим сыном. Поэтому сей особе рекомендовано забыть о молодом виконте и не показываться в приличном обществе. В противном случае он приложит все усилия, чтобы общество не стало для вас, Майя, подарком.

– Но приглашение тем не менее передал?

– Граф обещал сыну. А такие люди, как граф Силандж, всегда отвечают за свои слова. Разве что на кону будет корона.

Я задумалась: будь моя жизнь менее насыщенной, я бы, может, и рискнула устроить всем явление себя во всей красе. Меня практически провоцировали на подобное действо, но... Но в моей жизни уже был Дайрин Разетти, и второй раз идти на поводу у собственного любопытства и гордыни?.. Только с гарантиями личной неприкосновенности. И ведь на первом зимнем балу будет император? Не слишком ли много заинтересованных в моей персоне лиц, чтобы приглашение Сая было одним лишь приглашением Сая? Наверняка же втемную использовали!

– Ваша милость, вы же ознакомились с приглашением? – Барон кивнул. Смущения или вины на его лице не отразилось. Что и следовало ожидать. – Не подскажете ли, как лучше поступить? Полагаю, вы проявляли любопытство и знаете обо мне несоизмеримо больше, чем вам поведал наш общий работодатель?

– Мне известно, чем вы заслужили расположение князя, – подтвердил собеседник, сложил пальцы домиком и осторожно продолжил: – Интерес имперцев закономерен. Из того, что я успел услышать, дальнейшая ваша судьба с момента смены подданства не всем известна. Молодой человек, отправивший вам приглашение, до сих пор в неведении относительно вашей участи. Нет, разумеется, ему сообщили, что вы живы, но находитесь

ли с нами добровольно или под принуждением... Полагаю, его не ставили в известность, что ваш выбор был полностью осознан. И эта бумага, – барон кивнул на прямоугольный лист, – по его мнению, возможно, ваш шанс на побег. В противном случае мне неясно, почему молодой виконт поругался со своим отцом.

– Вам об этом граф сказал?

– Ну что вы. – Мужчина тонко улыбнулся. – Слуги шептались.

– Исполнительные и высокооплачиваемые? – рискнула поинтересоваться я. Сомневаться, что у князя осталась агентура при дворе, не приходилось, но получить прямое подтверждение, а то и возможность лично познакомиться... Ну вот куда я опять лезу со своим любопытством?!

– Разумеется.

– А вы бы приняли это приглашение?

Барон поморщился. Судя по желвакам, забродившим по лицу, его милость не хотел мне врать, но и откровенность не входила в число планов на сегодня. А может, пусть и самонадеянно так думать, его милости было жаль впутывать меня в игры сюзерена.

Наконец мужчина пришел к согласию с собой.

– На первый зимний бал, кроме вас, приглашены еще пять человек из нашей делегации. В том числе и я. Если желаете навестить общество, можете прийти со мной как моя спутница и подопечная. В этом случае приглашать вас более чем на один танец будет невежливо со стороны любого из гостей. Будь то молодой виконт или сам император. Юридически сейчас вы вне его власти, фактически же я рекомендовал бы не попадаться его величеству на глаза. Учитывая ваше сходство, он может проявить любопытство по отношению к вашей персоне.

– А разве без этого обошлось? – насмешливо, но не скрывая грусти, спросила я. – После разговора с его светлостью у меня сложилось впечатление, что мое присутствие – едва ли одна из причин столь быстрого течения переговоров. И будем откровенны, я допускаю, что сейчас идут торги не только за торговые льготы...

– ...но и за вашу голову? – закончил за меня барон.

Я поморщилась. Хотя на языке и вертелось то самое, что собеседник озвучил, мне хотелось бы обойтись без столь грубых выражений.

– В некотором роде так оно и есть, но князь настаивал, чтобы мы не принимали решений за вас. Как вы могли заметить, никто из команды ни разу не подошел к вам с вопросом о ваших дальнейших планах.

– А у меня могут быть планы за пределами этого места? – Я обвела взглядом комнату, но, думаю, мужчина догадался, что речь идет об особняке.

– Разумеется, – подтвердил собеседник. – Вы вольны покидать его в любое удобное для себя время. Поскольку вопрос вашей свободы представлялся мне несколько щекотливым, я взял на себя смелость прояснить его лично у графа. Дайрин Разетти заверил меня, что до тех пор, пока князь Альверанский не подпишет договор о вашей выдаче империи (а его светлость этот договор сжег тем же вечером, так и знайте), он не имеет права вас арестовывать. Пожалуй, будь время поспокойнее, его светлость бы и рискнул, но после разрыва отношений между княжеством и империей не в интересах последней затевать войну из-за одного человека.

– Так уж и войну?

– Был бы достойный повод, – пожал плечами барон. – А этот ничем не хуже иных. У вас дипломатическая неприкосновенность, вы приехали как представитель княжества, и оскорблением всех – от князя и до последнего пастуха – стала бы попытка навредить вам. Разумеется, если нам будет выгодно это так трактовать.

– И вы готовы поклясться, что эти предположения действительно ваши? Вас не

заставили так думать, или?..

– Готов, – сухо оборвал меня собеседник. И я замолчала, понимая, что едва не оскорбила своего собеседника. Хорошо еще, он вовремя меня остановил, иначе в своих предположениях я могла зайти слишком далеко. – Будете проверять? – равнодушно осведомился барон, но глаза сверкнули так ярко, что я поспешила заверить:

– Поверю на слово. К тому же, – я усмехнулась, – вы же одолжите мне амулет? Сверкать своей аурой, даже несмотря на заверения графа, мне не хочется.

Амулет, как и небольшой, но увесистый мешочек с монетами, мне, разумеется, выделили. Даже карту в руки сунули. Просто так, на всякий случай. Вдруг память решит подвести, или скрываться темной-темной ночью придется. Вот так и вижу: стою на главной площади, тишина, темнота и я с картой. Ну точно: путешественница, одна штука, типичная.

Но за заботу поблагодарила. Все же люди старались. Пусть и напрасно.

Сумерки пришли на землю Тарина быстро: чувствовалось приближение зимы. Еще совсем недавно солнце играло на вывесках оружейных лавок, и вдруг все – загорелись первые фонари, и контингент на улице... М-да, лучше не вспоминать, а то появится, как и предо мной, едва только помянула.

И где? В одном квартале от посольства, на пересечении двух, пусть не центральных, но довольно оживленных и респектабельных улиц. Прямо посреди дороги выросли двое не самой приятной наружности. На мое счастье, не матерых убийц, а представителей мелкой уличной шпаны.

– Детка, ты потерялась? – гнусаво поинтересовался один из них.

– Мы готовы помочь, – с мало скрываемой издевкой предложил второй.

Ага, готовы они помочь. Разве что расстаться с законным имуществом. На большее их охоты не хватит – самой все делать придется. Пришлось бы, все же я временно выпала из процесса и не знаю, кто ныне заправляет в этом районе. Хотя и сами красавцы – молодцы. Впрочем, не самые глупые представители своей профессии: решили поговорить, прежде чем грабить. Что ж, за это им положен бонус.

– Ой, помогите, люди добрые! – Я всплеснула руками, едва не выронив карту. Спихватилась, взмахнула ею, огрев углом одного из ночных знакомцев, и тыкнула наугад. – Мне вот сюда надо! Проводите?

– Эм...

Кажется, я переоценила речевые навыки своих собеседников. Впрочем, мы стояли недалеко от фонаря, и они без особых трудностей разглядели место, куда я ткнула... Да уж, Майка, ты в своем репертуаре. Даже наугад тыкаешь в любимые застенки.

– А зачем вам туда? – вежливо осведомился тот, у кого нервы покрепче.

– Сдаваться пойду, – шепотом просветила их я. Заговорщицким, как полагается.

– А есть за что? – В голосе собеседника почудилось опасение. И уважение. – Может, лучше в стражу?

– В страже скучно, – отмахнулась я с видом знатока. Мне определенно начинала нравиться ситуация. – Грубые необразованные люди там. Никакой выдумки. Чуть что – так палачом грозят, табуретки швыряют, угрожают всячески. Но самое страшное не это.

– А что? – еще тише спросил самый толковый из пары.

– О, это так просто не объяснишь. Это понюхать надо... Знали бы вы, как у господина начальника изо рта воняет... Мухи мрут за версту.

Я присвистнула и прикрыла глаза, как будто вспоминала несуществующие факты своей биографии. Мне-то сразу довелось с Дайрином общаться, а не с господином Шар-Рашем.

Что в чести в силовом ведомстве – минул Дадари узнать: только по слухам, по оговоркам, по хмурому почесыванию подпаленной спины и удалось что-то выяснить. Но не сообщать же эти неловкие подробности подрастающей смене. Они же тогда из профессии уйдут, а на кого дела свои темные скидывать, если не на молодую кровь?

– Эй, ты в порядке? – Перед моим лицом замаячила ладонь. – Может, не надо в канцелярию? Давай мы тебя лучше куда еще проводим? И вообще, сразу бы сказала, что из наших. А то стоим с тобой, время теряем, а на третьей улице Мак и Скот уже наверняка счет открыли.

Второй, тот, что поскромнее и повпечатлительнее, печально поддакнул, переминаясь с ноги на ногу. Грабить меня, судя по всему, уже передумали. Жаль, а то я бы не отказалась в процессе грабежа разжиться мелкими монетами. Свои-то без проблем можно срезать перед уходом, а чужие... Были бы не такие вежливые, наверняка бы проучила, а так последние остатки совести не позволяют. Откуда она вообще взялась и не пора ли вновь продавать, пока еще берут?

– Не, давай сходим. Там по ночам весело. Нет никого почти. Все до утра работают, так что по делам разбежались.

Парочка начала боком отступать: связываться с канцелярией желающих всегда было маловато. Я и сама в прежние годы предпочитала о ней не вспоминать, а сейчас... сейчас дела и поважнее есть.

Выждав, пока не скроется из виду спина скромняги, я вздохнула и сложила карту. Пригодится. Не мне – так барону. Все же добро казенное, за него кто-то ответственность несет, так что нечего в городе терять. А то знаю я их – спишут еще с моего содержания, отработав потом за каждую пропавшую карту.

Забарабанил по улице дождь, намекая, что осень намерена побороться за свои права. Зима ответила холодным, пронизывающим ветром. Я чихнула, с уважением относясь ко всякому природному старанию, и поспешила дальше. В подворотню. Ходить посреди улицы, пусть и ночью – встречу еще кого-нибудь из коллег. Опять говорить придется, опять время тратить...

– Ходят тут всякие! – недовольно буркнула нищенка с бульвара.

Я молча бросила ей в чашку монету. На стандартный заказ должно хватить, если такса не изменилась, а там и за информацией прийти можно: все тайны-сплетни расскажет. Кто, кому и за сколько душу продал со всеми потрохами.

– Хех, наша, – сообщила профессиональная нищенка, довольно попробовав монету на зуб.

Хотя состояние у нее было – не чета моему. Информация стоит немало, а последнюю добывать Марлис Лаен умела как никто. Но с улицы не уходила, появляясь каждый день на привычном месте. А может, то дочь была или внучка... Кто их знает, этих профессиональных нищенков и их нравы.

– Не без этого, – пробормотала себе под нос.

К канцелярии я все же не пошла: и без нее хватало мест, куда стоило наведаться. К примеру, общежитие Таринской Высшей. Если мой пропуск не изъяли, то можно и по коридорам пройти, расписание посмотреть. Задержаться у доски объявлений, проглядеть приказы на отчисление. Пусть мне и говорили, что место сохранилось, но кто ныне словам верит? Слова на ветер, а бумага – документ. За ее подделку срок светит. Правда, когда это нас останавливало?

А ветер выл все громче. И чем ближе я подходила к зданию Школы, тем отчетливее замечала: ничего не изменилось. Была я здесь или исчезла, стены стояли все так же гордо. Ни единой оскорбительной надписи, ни одного брошенного учебника на скамейке, ни оброненного впопыхах носового платка с вензелем... Даже защитные чары не сработали на мое приближение. Как будто так и надо, как будто опасные и хитроумные (хотя бы в моих собственных мечтах) преступники каждый день ходят здесь на пары.

Впрочем, Райда нельзя назвать безгрешным агнцем.

– Неожиданная встреча, – заметили из темноты знакомым голосом лорда Трэмбла. Сам он показался спустя пару минут, выходя на свет фонаря и усмехаясь своей обычной, чуть усталой, но оттого не менее ехидной улыбкой.

– Думали, больше не увидимся? – фыркнула я, краем глаза высматривая других незваных гостей. Магия магией, но и зрение со счетов списывать не стоит.

– Признаться, рассчитывал, – легко согласился мой «любимый» преподаватель. – Но, полагаю, мечтам моим не суждено исполниться?

– Возможно, и так. – Я пожала плечами. Было странно стоять во дворике Школы и не торопиться ни в общежитие, ни на занятия, ни даже куда-нибудь подальше от лорда Трэмбла, пока тот не выдал очередное домашнее задание длиной в три локтя.

– То есть вы еще не решили?

– А вы считаете, что это от меня зависит? С чего, позвольте, вы это взяли?

– Вы перестали вести себя как избалованный подросток, которого против силы заставили учиться. Мои наблюдения верны?

– Отчасти, – согласилась я. Если бы не Дайрин – ноги бы моей здесь точно не было. Разве что по делу, но лет так через двадцать, когда dorасту в профессиональном плане. У магов воровать под носом – это хуже, чем в императорскую сокровищницу лезть с тайной канцелярией на хвосте. Самосуд – и противоправные действия волшебников уже не докажешь. – Только не говорите, что соскучились по мне.

– Что вы. – Мне подарили насмешливую полуулыбку. – Разве могу я честно ответить на этот вопрос?

– А вы вообще можете отвечать честно? Если вам оставили подобную вольность, – я все же решила рискнуть и спросить, – ответьте, куда вы пойдете прямо сейчас? И не будет ли ваш путь пролегать через площадь Справедливости? Или бульвар Сорока Героев?

– Скорее, площадь, на бульвар меня не приглашали, – помедлив, ответил лорд и прищурился, как будто получил пищу для размышлений. – А вы, Майя, бывали по обоим адресам?

– Бурная личная жизнь. Но я решила с ней завязать. Поэтому будете у шефа, так и передайте. Возвращаться на службу я не собираюсь. Даже если он очень попросит. Теперь я по другую сторону баррикад. Или даже за их пределами. И лезть в них снова...

Я развела руками: стоит ли в это ввязываться? Ответить на этот вопрос я пока не могла, но вот то, как заныли руки в предвкушении работы или какой-то полезной деятельности... И думать забыть! Нечего снова подставляться!

Тряхнула головой, чтобы избавиться от непрошенных мыслей. Ничего, можно ведь не свой триумф вспоминать, а темные застенки. Или невыдрессированных мышей, за когтями которых никто не следил. Да и запах, сопровождавший каждую смену караула, оставлял желать лучшего. Жесткий пол, на который соломки так и не постелили. А ведь мне еще повезло – элитная тюрьма. С индивидуальным подходом, как оказалось. Оттого и стража страдала, не в силах преподать мне урок за слишком длинный и вольный язык. Неужели он за чистую монету тогда принял мой испуг?

Гулять по темным улицам Разара мне уже доводилось. Помнится, здесь, в отличие от шумной столицы, не грабили среди бела (и темна) дня, не грозили топором в подворотне и не дышали перегаром на прохожих. Приезжих было не слишком много, и всех их держали едва ли не под круглосуточным наблюдением местные сплетницы. А свои... своих город знал. И где вечером будет выпивать главный пьянчужка и забияка господин Варфаламеус, где в очередной раз подерутся садоводы с агрономами, а где сойдутся в неравной схватке моряки. Во всех этих местах с самых сумерек дежурила стража. Но отменять свои планы на вечер никто из будущих сокамерников не собирался.

Конечно, порой происходило и что-то совсем уж выдающееся, когда в городе случалось Происшествие, но рассчитывать на подобное местная публика не смела: слишком уж мала была вероятность. На нашествие драконов ставили и то больше. Эх, знали бы они,

кто сейчас по улицам города в компании служителя правопорядка ходит...

- Леди Хельон, вы подозрительно задумчивы.

- А вы невероятно многословны, - вернула я шпильку, переводя взгляд с мостовой на своего спутника. - Или вас таким делает ожидание испытания?

- Возможно, - усмехнулся Дайрин. - В таком случае не пора ли мне уже проявить свою храбрость и спасти вас... От кого я должен вас спасти?

Я чуть было не ляпнула «от своего начальства», но вовремя прикусила язык и скосила взгляд вниз. Судя по звукам, где-то там ковырялась в стене небольшая, а может, и средних размеров крыса. И пусть в силу воспитания и профессии я не страдала предрассудками в отношении этих животных, к своим любимым я их отнести не могла.

- От этой... - Я шумно выдохнула, прикладывая ручку к лицу и изображая предобморочное состояние (заодно проверила, насколько сильны и крепки руки у моего самого близкого преследователя). - От этой твари!

И свободной ручкой ткнула в сторону, откуда доносились странные звуки.

- Так просто? - В первую минуту не поверил мой визави. - Всего лишь крыса?

- Всего лишь? - Я взвизгнула в лучших традициях кабаков, в которых подавальщицу любили шлепать по панталонам, чтобы добиться оглушительного крика. И пусть голосовые упражнения подавальщиц были указаны в их должностных, хотя и устных, инструкциях, завсегдатаи охотно им верили.

- Идемте. - Мужчина тронул меня за плечо. - Не будем ее беспокоить.

- А как же подвиг? - Я скосила глаза на собеседника. - Вы обещали продемонстрировать свою храбрость.

- Храбрость - но не глупость. А беспокоить животное ради развлечения дамы, пусть и столь очаровательной врунишки, как вы... Я не готов пойти на такое.

- Вы невозможны... и неподражаемы.

Последние слова я говорила с грустью. Уж слишком много в моей жизни было тех, кто со шпагой наголо идет на паучка и бежит первым, оказавшись лицом к лицу с опасностью. Даже жаль, что мой спутник никогда не изменит короне. Не меняются такие люди, не пустой звук для них честь и долг.

Я вынырнула из воспоминаний и прислушалась к словам лорда.

- В таком случае должен ли я сообщить администрации, что адептка Дашан больше не вернется к занятиям? - осведомился лорд Трэмбл.

- Боюсь, это оказалось бы слишком поспешным решением с моей стороны, - усмехнулась я. Хотя ничего веселого в моей усмешке не было. Просто, видимо, я еще не готова отказаться от своей прежней жизни в полном объеме. А может, мне требовалось место, куда можно сбегать из посольства и свалившегося на мои плечи одиночества. - И, милорд, вы не могли бы подсказать, что ныне задано моему курсу? Разумеется, интересуюсь из праздного любопытства.

- Я распоряжусь, чтобы в посольство отправили учебный план, - заверил меня лорд. - Сможете ознакомиться на досуге.

- Буду вам признательна. - Поклон вышел легко: сказались все же тренировки при дворе князя. - Не смею больше задерживать.

- Планы на ночь?

- Куда уж без них.

Я развела руками и пружинящим шагом направилась в сторону общежития.

Моя комната закономерно пустовала. Даже пыли не прибавилось, как будто кто-то ее педантично стирал, сохраняя все в точности как в день моего побега. Впрочем, сомнений в личности странного помощника было мало. Кроме меня, ключи имелись лишь у двух человек во всем корпусе. За комендантом никто раньше стремлений к бесплатному труду не наблюдал, а вот за Лиди мог числиться и подобный грешок.

Вздохнув, я провела пальцами по чистой столешнице. Скрипнул стул, принимая мой небольшой, но ощутимый для его старых ножек вес.

Баловаться лишним светом я не собиралась: хватало и лунного. Да и не хотелось демонстрировать свое присутствие крадущимся по коридору адептам. А ведь крались. Шумно пыхтели, скрипели половицами, но продолжали налетать друг на друга, поминать демонов и... шествовать дальше. До самой моей двери.

Беззвучно выругавшись, я оказалась на полу и закатилась под кровать в лучших традициях дешевой драмы. И вот кого демоны принесли? Неужели Лиди не могла найти другого времени, чтобы прибраться в покоях исчезнувшей подруги?!

– Аккуратно, заноси давай. И ничего не задень. Заденешь – на конюшню отправлю, – угрожающе произнес знакомый голос.

– Боюсь, ваш отец не согласится с этим назначением, – насмешливо вступился за недобровольных помощников Поганца некто невидимый, но полный собственного достоинства и уверенности в собственных силах.

– Простите, мэтр. Я ни в коем разе не хотел оскорбить лично вас. Но если ваш ассистент еще раз заденет стол моей девушки, я *очень* расстроюсь. Для меня важно сохранить все в том же виде, как было до ее исчезновения.

– Понимаю, – собеседник Сая с профессиональным сочувствием вздохнул. – Но ваш отец вряд ли считает данную особу своей невесткой. В противном случае вы не стали бы приглашать меня сюда ночью. Да еще и отчитывать бедного Альфреда. Пусть он и не лучший носильщик, но он умеет держать язык за зубами. А мне, признаться, уже надоело расширять ваше фамильное кладбище.

Сай промолчал. И я бы промолчала. Просто потому, что намек был слишком прозрачен, чтобы его проигнорировать. Но каков Сайсери! Ни много ни мало – целого некроманта привел. И для чего? Неужели решил проверить, не отправил ли меня кто-то на ту сторону реальности, с которой лучше не контактировать?

Других причин для ночного визита в компании двух мужчин и одного походного алтаря для жертвоприношений я не видела. Да и места другого Сай не мог знать. А для призыва духа требовалось нечто, к чему вызываемый был привязан, а лучше – где он провел много времени. Блондин выбрал беспроектный вариант – комнату, и рассудил в целом верно: хоть какая-то наличествующая вещь наверняка была мне дорога. Если бы у меня были здесь свои вещи. Но даже одежда, предоставляемая канцелярией, мне не нравилась. А деньги... деньги хранят на себе слишком много чужих следов, чтобы по ним можно найти кого-то одного.

Действо тем временем шло своим чередом. Парень-носильщик под угрозой быть отправленным на конюшню начал действовать расторопно и безошибочно. Даже угол стола не задел и стул лишний раз не сдвигал, пока устанавливал алтарь. Хорошо так устанавливал. Рядом с кроватью. Мне теперь никак не выкатиться – только выползть ногами вперед. Но так позориться перед ночными гостями... Я же даже без простыни – за духа точно не примут. А как только некромант начнет работать... Уж он-то точно узнает, сколько живых в комнате и кто под кроватью прячется. Неприятно. Очень неприятно. И главное – некрасиво как выходит. И вовсе не смешно!

Я даже разозлилась. Если это самоуправство Дадари такое – то лучше ему исправлять ситуацию. Иначе... Угроза задохнулась на первом же пункте: ничего весомее ухода из профессии я предложить не могла. А так ли для Дадари важна моя персона среди служителей?

– Что здесь происходит?! – писклявый голос коменданта, подкравшегося, как и все неприятности, незаметно, разрезал напряженное пространство.

Я позволила себе с облегчением послать хвалу покровителю. Если бы он всегда так расторопно подходил к своей работе...

– ...провести посторонних на территорию корпуса! Неслыханно! Что скажет ваш отец! Или вы думаете, что вам все можно?! Да я вас... неделю будете полы драить в уборной! И не посмотрю я, что вы голубых кровей!.. Да сам император в бытность свою принцем не допускал подобного пренебрежения правилами! Молодежь пошла! Куда только смотрят...

Куда смотрят родители нынешней молодежи, мне было не суждено узнать. На вопли коменданта, решившего, по счастливой случайности, проверить наш этаж, начали стягиваться зрители. Тут уж и сам господин упрекатель поутих и, гаркнув всем расходиться, едва ли не пинками выгнал Сайсери. Виконт не проронил ни слова в свое оправдание. Ушел молча. Лишь скрипнули пару раз его зубы. Или чужие. В скрипе зубов я смыслила не больше, чем в посадках озимых. Вроде и слышала – но упаси боги самой разбираться.

– Майя, вам не кажется, что место под кроватью вам совсем не подходит? – тихо спросил то ли у меня, то ли в пустоту тот, без кого боги, конечно, не могли обойтись. Или это была такая маленькая месть Мамари за то, что Дадари слишком явно вмешался в чужую судьбу. Или это их младшенькая, Шашари, решила поиграть чужими игрушками.

Но чьим бы произволом ни было явление Дайрина мне, он определенно заслуживал хорошей трепки. И хищения благовоний из храма. Или замены одних другими.

Кляня себя за любопытство, расторопность и общую безалаберность, которая стала напоминать о себе все чаще, я аккуратно выбралась из-под кровати, обогнула стол и замерла у полуприкрытого окна. Не через дверь же я в комнату забиралась.

– Не уходите, – с усталостью в голосе попросил бывший шеф. Он выглядел не слишком хорошо, а лунный свет и вовсе делал его больным на вид.

– С каких это пор мы на вы, ваша светлость? – От окна тянуло холодом, но я села прямо на подоконник. Не до таких мелочей, как простуда, мне было. – Впрочем, если так вам будет удобнее...

– В некотором роде, – невесело подтвердил бывший шеф, без зазрения совести усаживаясь на заправленную кровать. А утром кто-нибудь скажет, что здесь призраки порезвились, и что тогда подумает бедняга Сай?

– Мне передали приглашение... – Я замялась, подбирая слова. – Но вы уверены, что мне стоит появляться на балу? Не будет ли это слишком... нагло с моей стороны?

– Вы вернулись в Тарин, – напомнил Дайрин. – Все заинтересованные стороны знают о вашем возвращении, а бал – лишь формальность. Дань вежливости. Но будет лучше, если вы порадуете высокое общество своим присутствием, ведь в противном случае вашего внимания начнут добиваться иначе.

– С помощью некроманта? – криво усмехнулась я. – Что такого вы сказали Саю, что он решил ритуал провести?

– Скорее – чего не сказал. Юному виконту Авалийскому не стали сообщать всех подробностей вашего исчезновения. Разумеется, его отцу о вашем послужном списке поведали, и, как старший родственник, он попросил не делиться вашим досье со своим сыном. Ему пошли навстречу.

– Только и всего?

– Иной раз многого и не нужно, чтобы появилось желание свернуть ради кого-то горы. Да и мы не выбираем, кого любить. Юному виконту достался еще не самый плохой вариант. Репутация Майи Дашан чиста, а с Арисой Хельон он никогда не был знаком.

– Верно. – Я замолчала. – С Арисой были знакомы вы...

Распускались цветы на деревьях. Сладкий запах проникал в каждую щель. Даже в моем номере, где я назло соседям жгла благовония, поутру стоял нежный цветочный аромат.

Оставалось лишь надеяться, что бравый служитель закона, благоухающий аки нежный бутон, выглядел тоже не слишком презентабельно в глазах местного общества.

Шла вторая неделя моих поисков и первая – нашего открытого противостояния с господином Маджери, моим соседом и надзирателем. Вот уж чем я ему так приглянулась, но он исправно выглядывал в коридор, стоило мне выйти за дверь, и так же стремительно появлялся в окнах, стоило появиться в зоне видимости. Порой на радость площадным зевакам он демонстрировал обнаженный торс, но чаще – наглухо застегнутую грудь, пусть и не под форменным мундиром, но под строгим темным камзолом, слегка поблекшим под немилосердным весенним солнцем.

Никаких обвинений, за исключением самых абсурдных и безосновательных (якобы ему стало известно о моей пагубной склонности к пьяным дебошам!), господин Маджери мне так и не предъявил. Как и господин Дайрин. Последний и вовсе, казалось бы, не думал о моем прошлом: мы беседовали лишь о настоящем и будущем.

К примеру, о сегодняшнем обеде, на который он меня пригласил и до которого оставались считанные часы. И я как будто в первый раз взволнованно носилась по комнате, сооружая из своих волос что-нибудь интереснее незапланированных результатов алхимического эксперимента.

Увы, выходило не слишком удачно: прогуляв ночь напролет, встретив рассвет под пронизывающим ветром и малодушно не расчесавшись по прибытии в гостиницу, я получила выдающееся воронье гнездо. Впрочем, даже назвав его «вороньим», я заметно преуменьшила проблему. Оставался последний шанс на успех: я дернула за шнурок, вызывая прислугу, и смущенно попросила молоденькую горничную сбежать в ближайшую косметическую лавку и купить мне распрямитель.

Как жаль, что в тот момент я подумала лишь о неприятных сплетнях и ехидном хмыке Маджери. И почему на ум не пришло откровение, что без своих чудных локонов я больше допустимого окажусь похожа на собственный портрет? Или подсознательно мне именно этого и хотелось, ведь моя настоящая внешность была куда приятнее созданной маски, а выглядеть хотелось идеально.

И...

Нет, не могло такого быть, чтобы я ревновала к самой себе.

Я тряхнула головой, едва не встретившись виском со стеной, но незапланированного свидания удалось избежать. Хотя бы одного из череды многих, выпавших на мою долю ныне.

– Я уеду из города, – неожиданно для самой себя сказала я. Сказала – и замолчала. Несмотря на полумрак комнаты, мне показалось, что мужчина недовольно скривился. – Я и так доставила вам много проблем. Поэтому... возвращение было глупым поступком. И бесчестным с моей стороны. Я... сожалею.

И я хотела было выбраться в окно, уже распахнула створки... но мне не позволили. Рывком втянули обратно в комнату и прижали к стене. Теплое прерывистое дыхание защекотало висок.

– Я не позволю, – хрипло сообщили мне.

Выставленные по обе стороны от моей головы руки, видимо, должны были свидетельствовать о серьезности его намерений. Но только сбивали с толку. Я не понимала причин его поступка, да и... сложно было в тот момент думать о чем-то, кроме неожиданной близости этого мужчины, его горячего дыхания, обжигавшего мой висок, и легкого касания моей щеки кончиками пальцев.

И все слова, протеста ли, предвкушения, вылетели из головы, стоило ему заглянуть мне в глаза. Нет, он не был первым, кто смотрел на меня с желанием или страстью, не был и первым, чей взгляд прожигал насквозь. Мне доводилось ощущать и чужую ненависть, и признательность, и даже влюбленность, но так на меня не смотрел еще никто. И я не знала, что предпринять. Просто не ожидала от нелюбимого шефа, заставлявшего меня грызть гранит науки и наставлявшего на путь истинный угрозами и наказаниями, той

нежности, которой был полон его взгляд. Той печали, что плескалась в его глазах. И того разочарования, что смотрело на меня из дальних уголков его души. Разочарования в самом себе.

Это не могло продолжаться вечно. Я первой отвернулась, уткнувшись лбом в его грудь и вдохнув привычный аромат свежести его духов. Сердце болезненно сжалось от осознания: те самые, что я сама выбирала когда-то. И с некоторым сожалением подумала: жаль, что он их не вылил.

- Вы их оставили... - не совсем к месту сообщила я.

- Не смог избавиться, - хрипло отозвался он. И неохотно признался: - Не захотел.

- Коллекция была бы неполной? - сдавленно предположила я, отстраняясь и поднимая взгляд на собеседника.

- Ее бы не стало, - тихо сообщили мне. И добавили: - Я не храню вещи государственных преступников без веской причины.

- По ним найти меня не удалось бы, - попыталась разрядить обстановку, но, видимо, лишь накалила.

- Была другая причина, - заверил меня любимый шеф.

Я замолчала. Спрашивать дальше было боязно: не ко всем ответам я была готова. Но продолжить разговор следовало. Хотя бы затем, чтобы узнать, когда я смогу уйти и забыть о своей глупой вылазке.

- Я могу идти?

- Если дадите слово, что не сбежите до бала.

Дайрин отступил на два шага. И тон его голоса мгновенно изменился. Он вновь был таким, каким я привыкла видеть его на работе: холодным, расчетливым, невероятно отчужденным и, кажется, не совсем живым. Этаким рабочий голем, замаскированный под человека, чтобы не пугать служащих и не плодить слухи о восстании механизмов.

- Только до бала?

- На большее вы не согласитесь, - усмехнулся визави.

От кокетства я с трудом, но удержалась. Чувствовала: еще чуть-чуть - и беседа пойдет уже не здесь. А вот где именно - в кабинете ли или местах более закрытых - интуиция отказывалась сообщать. А разум... опыт не хотел меня расстраивать.

- Значит, до бала?..

- До бала...

Весь путь до ворот я спиной чувствовала его взгляд.

Жизнь в посольстве не останавливалась даже ночью. У ворот дежурили офицеры из охраны. В холле, стоило пересечь порог, появился дворецкий. Мне не требовались его услуги. Напротив, хотелось, чтобы никто не заметил моего возвращения.

Лестница порадовала тишиной и пустотой. Наверное, высшие силы все же снисходят до просьб обычных смертных не только ради собственного развлечения. В противном случае или господин посол, или кто-нибудь из горничных не обошли бы вниманием такое происшествие, как расстроенную меня.

Замок был заперт автоматически. Так же, не слишком отдавая отчет своим действиям, я прошмыгнула на подоконник и, скрывшись за шторкой, уткнулась лбом в холодное стекло.

Почему не Райд? Почему именно этот скользкий и гадкий тип вызывал во мне столько чувств? Почему, стоило вспомнить его лицо, чуть снисходительную улыбку и глубокий голос, становилось так гадко на душе? Почему хотелось вернуться и не уходить больше?

Почему вместо того Дайрина, что виделся мне весной, не вспоминался другой – тот, что запер меня в камере, что работал на его величество и лишал карманных денег?!

Смешно. Самое страшное, что я могу припомнить главе канцелярии, – несправедливую попытку лишить меня честно заработанных денег. А все остальное... Долг? Я поступала дурно, но даже там мое наказание было мягче? Намного мягче. Сказывалось происхождение? Возможно и такое, но вдруг...

– Дура! – бросила я в сердцах, рывком выбираясь из-за занавесок и проносясь по комнате. Чудом не задела тумбочку, но лучше бы задела. Боль отрезвляет – а мне так не хватало трезвости мысли. Время лечит? Как бы не так! Оно упорно толкает на глупости, заставляя забыть те неприятные моменты, что так важно помнить.

Утром, за завтраком, господин посол не сводил с меня пристального взгляда. Что было тому виной – синяки под глазами или моя неумная жажда – оставалось тайной. До определенного момента. Стоило мне подняться из-за стола и поспешить удалиться, дабы не мешать большой политике, как барон соизволил прервать трапезу.

– Майя, позвольте вас проводить.

Веских причин для отказа у меня не нашлось.

– Вы хотели о чем-то спросить?

Тянуть кота за хвост было не с руки. Барон и ему подобные, может, и получали удовольствие от изысканной игры в намеки, но мне после бессонной ночи хотелось лишь одного: уткнуться носом в подушку и отбыть в сонное царство. Возможно, сейчас, когда его сладкие объятия покинули столь многие, мне наконец-то выдадут билет, и я отчаю к добрым и понимающим драконам. Или к кому еще принято убегать в мир грез?

– Мне доложили, что вы вернулись не в лучшем настроении. Случилось что-то, о чем я должен знать? – с неподдельной тревогой поинтересовался барон.

Может, я бы ему и поверила, но слишком часто видела участие и заботу со стороны тех, кому не стоило доверять.

– Нет, – ответила хмуро. После подумала и все же призналась: – Мне нужно платье для бала.

– Решили принять предложение юноши? – Барон позволил себе покровительственную усмешку.

– Если граф для вас юноша, то да. Но, – я вздохнула, – вы и сами заметили, как настойчиво меня приглашают. И боюсь, вы не всегда сможете спасти меня от настойчивого внимания местной разведки. Поэтому лучше разобраться во всем тогда, когда еще можно торговаться. Вы же не откажетесь быть моим кавалером на предстоящем празднике?

– Сочту за честь.

– Премного вам благодарна.

Я поклонилась и поспешила уйти в свою комнату. Кажется, лучше перестать питаться в посольстве. Во избежание осложнений с психическим здоровьем. Ведь есть столько зелий, прием которых нужно начинать заранее...

С первыми звездами я вновь ушла из посольства. Проскользнула мимо охраны, помахала так неудачно выглянувшему барону и поспешила скрыться.

И лишь на улице, вдыхая холодный воздух, смогла, наконец, расслабиться. Как будто в четырех стенах, где, на первый взгляд, безопасно и сыто, мне хуже, чем одной посреди улицы наедине с собой и криками из порта. Наверное, именно так и происходит, когда попадаешь в золотую клетку. Тепло, мягко, сыто... лживо и непривычно. Или я придираюсь и просто не способна привыкнуть к нормальной жизни? Могло быть и такое. Но сейчас, получив высочайшее разрешение вновь гулять по родным улочкам, я не смогла отказаться от очередной прогулки. И Школа... Мне не хватало ее. Не тех занятий,

на которых я лишь изображала деятельность, а рассудительной Лиди, смешливых Таши и Иви. Девочек, пусть на короткое время, но ставших мне друзьями.

Вздохнув, я поплелась в ставшую привычной сторону – к Школе. Пропуск так и не изъяли, и защитный барьер без лишних световых и звуковых сигналов воспринял мой приход.

Зашуршали листвой кусты, напоминая, что выращенным магами растениям закон не писан. Взорвалось что-то в общежитии. Дюжина горящих окон тут же оказалась погружена во тьму. Недовольный крик коменданта донесся даже до меня. Не удивлюсь, если проснулись и жители близлежащих домов.

Знакомый запах донесся до моего носа.

– Вы снова здесь? – спросила, не оборачиваясь.

– Впервые за последние пятнадцать лет, – признался мой неожиданный собеседник.

Я порывисто поднялась и оглянулась.

Его светлость Юлиар Шарнес. Как будто его для полного комплекта не хватало. Сая видела, любимого шефа – тоже, одного только герцога обошла своим вниманием. И вот он – словно сама Мамари положила – стоит передо мной.

В отличие от своих коллег, претендовавших на мою скверную личность, его светлость мало изменился с нашей последней встречи. Цветущий и прекрасный, каким и было принято видеть этого человека. Словно мы только-только расстались на приеме и он вышел исправить это досадное недоразумение.

– Рада за вас, – со всей возможной учтивостью заявила я, отряхиваясь. – Не буду мешать вашему уединению. Наверняка вам есть что вспомнить.

– Как меня отсюда исключали всем попечительским советом? – с усмешкой предположил Юлиар. – Да уж, неплохо мы тогда повеселились.

– И что же пошло не так?

Если верить доступной мне информации, его светлость все же закончил Школу с отличием. А значит, исключение не удалось.

– О, все прошло идеально, – герцог мечтательно улыбнулся. – Я успел выслушать практически весь преподавательский состав. Чего только обо мне не говорили! Бестолочь, смутьян, хулиган и нищий ублюдок... – Последнее оскорбление его светлость произнес с особой интонацией. – Жаль, отец не оценил последнее заявление. Он подошел после и испортил мне всю затею. Так уж вышло, что при поступлении я пользовался не самым известным из своих имен. А администрация в те годы предвзято относилась к студентам без титула. Не подскажешь, она исправилась? – как бы мимоходом поинтересовался герцог, прерывая рассказ.

– Администрация ваших времен? Возможно, – не слишком вежливо намекнула я на возраст собеседника.

– Нахалка, – беззлобно заметил мужчина, присаживаясь на скамейку. Аккуратно пристроил свою трость и продолжил: – Майя, вы позволите говорить откровенно?

– Как будто вам кто-то может запретить. – Я пожала плечами. Внутри все замерло в ожидании очередной гадости. Могло случиться и так, что его светлость не послужил вестником дурных новостей.

– Интересный вопрос. Но смею предположить, что у каждого из нас найдутся слабости, играть на которых сможет наш противник. Ни я, ни вы не исключение. А потому, моя радость, в память о прекрасных минутах наших совместных игр дам вам совет: заранее решите, чем или кем вы готовы пожертвовать. Не осталось ли в Тарине тех, кто дорог вам настолько, что вы переступите через свою гордость.

Он говорил, а внутри меня все холодело. Признавать очевидное – уязвимость перед

банальным шантажом – было слишком неприятно.

– И если таковые люди остались, подумайте, как далеко вы готовы зайти ради них.

Мужчина замолчал, но больше слов и не требовалось. Мою подноготную все же раскопали. Раскопали и нашли то, что я бы и сама хотела отыскать. Но мне не удалось. А тайная служба... Ненавижу!

– Выбирайте внимательно, – предупреждение герцога достигло моих ушей уже у самых ворот.

Марлис Лаен не изменила себе. Я нашла ее на том же месте, что и днем ранее. Нищенка куталась в протершуюся шаль и невидящим взглядом обращалась к прохожим. Заметив меня, женщина на мгновение утратила безразлично-жалобное выражение и белозубо усмехнулась. Я прислушалась:

– Через четверть часа на углу Висельников и Стражней, – распорядился мой осведомитель.

Я промолчала. Вместо этого бросила в кружку золотую монету. До своих коллег номиналом меньше она не долетела: скрылась в недрах нищенских лохмотьев.

На углу улиц гулял ветер. Увы, не только он предпочитал пешие прогулки: на Стражней отирались и господа в казенных доспехах. Эти не слишком приветливо относились к зевакам, но милостиво их терпели до первого грозного взгляда начальства. Или какой-нибудь молодежливой аристократочки, пренебрежительно оглядывающей улицы в ожидании своего кавалера.

Ручки, как и положено, спрятаны в муфточку, на плечиках шубка. Подол золотой нитью расшит. А через плечо сумочка повешена. Видать, дама хоть и выглядит обеспеченно, но в долг ей еще не дают. Значит, совсем недавно в городе. Увести, что ли, добычу? Пусть и на Стражней, но служители смотрят куда угодно, лишь бы не на леди. Значит, и на вопли ее побегут с опозданием. Если вообще побегут.

– Нравится? – Марлис подкралась, как и положено благодатным слушателям, тихо и незаметно.

– Увесистая сумочка, – на глаз прикинула я.

– Да не сумка, – недовольно поморщилась собеседница. – Леди.

– Не слишком, – отозвалась я, наблюдая, как уплывает моя подработка. Из здания стражи вышел ее начальник и, галантно предложив даме ручку, помог той забраться в экипаж. – Видела и краше.

Сказала – и получила подзатыльник.

– За что? – недовольно, но не торопясь закатывать скандал, поинтересовалась я, одним лишь тоном обещая справедливое возмездие, если причина не окажется веской.

– С каких это пор щенки на суку лают? – хохотнула старуха. – Не узнала, что ли, кровиночку? А стоило бы. Глядишь – умней бы стала, если б науку перенимала с младых ногтей.

– Не довелось, – пытаюсь не выдавать своего волнения, отозвалась я. – А нет сомнений?

– Какие уж тут сомнения, – отмахнулась нищенка. – Я все ее лица наперечет знаю. А их немало. Только зря Альран в городе объявилась. Не кончится это ничем хорошим. Помяни мое слово. Слишком уж легко Салжар повелся на ее личико. Сколько стою – никогда такого еще не было. Пусть и любимый его тип, но... нечисто здесь.

– Вы могли бы предупредить...

– Могла бы. Да только куда ей теперь: увязла до макушки. Салжар везде ее за собой таскает. Даже во дворец потащит: портнихи шептались. А там быть беде. – Старуха покосилась на меня. – А ты сама во дворец не собираешься? Ой, девоньки, куда ж вы,

бестолковые, лезете. Хоть ты старушку уважь: возвращайся в свое княжество и сиди тихо. Альран уже свой путь выбрала, а ты еще так не изгваздалась. И не смей... нет там счастья, с жирным боровом свою юность провести.

Я промолчала. Возразить было нечего, а поддерживать подобную беседу не хотелось. К моей радости, Марлис сама решила свернуть неудачную тему и перешла к делу. Откуда-то из-под шали появилась потрепанная сумка, а из нее – сшитая из разрозненных некогда листов тетрадка.

– Ознакомься, – мне протянули все это богатство. – Как дочитаешь, можешь больше не искать. Бумага зачарована: лишь одно чтение. Потому и любопытных не подпускай. Второй раз я корпеть не стану. И так по доброте душевной...

– Спасибо.

Я поспешила откланяться, пока осведомитель не принялся вновь разыгрывать из себя одинокую старуху, в отсутствие внуков просиживающую юбку на лавочке. Впрочем, истина здесь не так далека, как иной раз бы хотелось. Слишком уж нервно было думать, что и на тебя у Марлис лежит хорошая такая тетрадоchка, исписанная бисерным почерком.

Возвращение в посольство не входило в мои ближайшие планы. Во-первых, из-за отсутствия там условий для конфиденциального чтения. Во-вторых, из-за присутствия любопытствующих, которые могут и не погнушаться копировальными чарами на входе активировать. Ибо нет ничего личного для служащих разведки, даже если они условно на твоей стороне.

А потому я направилась к месту столь популярному, что о его наличии в городе знали лишь избранные единицы. Я сама, признаться, первый раз зашла в сие почетное и благопристойное заведение лишь нынешним летом, когда любимое начальство заставило записаться и таскать тяжести. Работало таинственное учреждение круглосуточно, не замечая разницы между днем и ночью. Впрочем, ее особенно и не было. Что ночью, что днем, забредали в Главную Городскую Библиотеку одинокие путники, случайно сбившиеся с пути прохожие и подвыпившие студенты, которых не пустили в общежитие. А эти три категории предпочитали бесплатную крышу над головой и жесткую лавку под спиной столетним сочинениям о выращивании редиски в условиях пустынного климата.

Страж, призванный охранять порядок, мирно, как и положено, посапывал на посту. Дежурный архивариус прикорнул у себя в коморке, и только шелест страниц в дальней части зала подсказывал, что не все некроманты отбыли на работу: кто-то решил задержаться и повторить теорию. И хорошо, ибо еще одна вечеринка нежити – и темных могут попросить из города уже не столь интеллигентно: одними помидорами не отделаются.

Выбрав местечко подальше от соседей и поближе к запасному выходу, я подманила светлячка – осветительное заклятие низшего порядка – и погрузилась в чтение. Итак, что же случилось в Тарине за дни моего вынужденного отсутствия? Кто женился, кто родился, кто не пожелал оставить сей бранный мир?

На то, чтобы законопатить дыры в знании сплетен, понадобилось четыре часа. За это время у меня даже появился сосед. Высокий юноша в потрепанной одежде и с грязными пятнами на изможденном лице. Он с подозрением оглядел меня, хмыкнул и упал головой на стол. А мимо библиотеки, потрясая казенным оружием, прошагали спешащие стражники. Ночная жизнь была в самом разгаре.

Как и светская. Женился виконт Рансель. У герцога Радлис сын пропал. Маркиза Лилиар ввела в моду новый тип шляпки. Но главной новостью, конечно, было другое: его высочество, если верить подшивке «Таринского вестника», решил жениться и в честь своей избранницы устраивает пышный прием. По этому поводу во всех городских аптеках кончились успокоительные капли, а кое-где и приворотные зелья. Видать, не пришлось публике по нраву предполагаемая невеста.

Не на этот ли прием и меня позвали? По срокам – именно на него. В таком случае еще один повод сходить: буду потом уютными летними вечерами внукам рассказывать, что и

у кого удалось увести. Ведь ни один уважающий себя вор не пропустит подобного события, а украсть у своего коллеги – лучшее доказательство мастерства. А если еще и жертве кражи незаметно подбросить... Райд, помнится, так и дебютировал. Обворовал самого Ловкурокуго Тери. Тот его потом в ученики взял, разглядев талантливого парнишку.

Рядом зашуршала газета. Мой угрюмый сосед протянул руку к подшивке и принялся изучать. Внимательно так, не отводя взгляда от меня. И вот кого опять по мою душу принесло? Боги, только не говорите, что меня сейчас похищать будут! Не повер...

А зря. Поплывший по помещению запах был мне знаком. «Сладкий сон» – милое изобретение одного влюбленного виконта, созданное еще в те далекие времена, когда невесту требовалось похитить. А там уже, после двух недель в «гостях» у похитителя, у девушки-то и выбора особого не было: или под венец, или до конца жизни одной. Но кто же о таких подробностях нелицеприятных вспоминает, когда бедный парень по неприступной деве сохнет? Вот всегда так: мораль на стороне сильного пола.

Но я отвлеклась, чего делать совсем не стоило. А стоило – напротив – сонно сползти под стол, погромче там плюхнуться и как можно тише поползти к выходу. «Сладкий сон» – все же не «Вечное забвение». Соединение легкое, к потолку поднимается. Так что? Если по полу ползти, можно и не надыхаться. Главное – резво ползти и чужие падающие тела огибать. И ползущие.

Бросив быстрый взгляд за спину, я увидела, что вслед за мной под стол опустился и мой недавний сосед. Вот только он решил под столиком не вздремнуть, а поползти за мной. И шустро так, как будто от нашего воссоединения его жизнь зависела. Или гонорар, что вероятнее. Но как-то странно. Похитители, если он из их числа, редко в одиночку работают. А этот упрямо за мной ползет, на помощь никого не вызывая.

– Он должен быть где-то здесь! – раздалось у меня над головой. И даже обидно стало: не ради моей скромной персоны использовали «Сладкий сон», а ради не пойми кого.

Я бросила быстрый взгляд назад, но никого, кроме своего молчаливого соседа, не обнаружила. Да и он затаился, напряженно вслушиваясь в тишину. Неужели за ним?

Интересно, насколько симпатичной окажется его отмытая мордашка, если за ним... Я задумалась, припоминая все слышимые мной голоса. Если за ним пришла пятерка Красса. Эти по мелочам не разменивались: заказы для высшего общества выполняли, и за хорошие деньги. И чем им парень-то не угодил? Точнее, кто его и для каких целей решил пригласить на поздний ужин?

До выхода осталось всего шесть шагов. Только кто мне позволит им воспользоваться? Вот уж влипла – так влипла. Верно в дальних селениях говорят: книги – зло. Не пришла бы сюда сегодня...

– Двадцать девять. Тридцать, – закончил отсчет сам Красс и распорядился: – Обыщите здесь все. Лишнего не брать. Найдем мальчишку – и уходим. Мародерствовать в другой раз будете, времени в обрез. И пацана не упустите. Нового искать уже времени нет.

Хм, ну если нет времени, тогда да, «Сладкий сон» лучше «Забвения». Побочных эффектов практически нет. Так что за жизнь жертвы можно не волноваться: отоспится два дня – и готов к труду и обороне.

А наемники тем временем методично проверяли всех уснувших посетителей. Начали они с дальних углов, а значит, наши столы удостоятся проверки последними. Если, конечно, сам Красс не решит поучаствовать и не согнется в три погибели. А он мог себе и такое позволить: никто бы не посмел даже усмехнуться.

Прекрасная будет картина. Я и их предполагаемая жертва под одним столом. В сознании. Огребу по первое число просто из-за досадного недоразумения. И кто виноват? Увы, кто бы ни был виноват, а выкручиваться предстояло мне. И парня спасти за компанию. Эх, знал бы мой учитель, на какие сумасбродства иногда тянет его непослушную ученицу, самолично бы на заднем дворе закопал. Но что не сделано, то уже не произойдет. Осталось только надеяться, что бегаю я до сих пор быстро, а в темноте мальчика от девочки не все отличить могут. Особенно если кого-то конкретного

ищут и во времени ограничены. Осталось только дожидаться...

Момент подвернулся весьма некстати, но ждать более удачного случая было бы неоправданным риском. Здраво предположив, что убивать объект похищения, ради которого пару склянок «Сладкого сна» потратили, не будут, я выскочила из-под стола и припустила к ближайшему окну. Бежать к выходу, пусть и столь близкому, глупо. Даже если Красс не сумеет перехватить, то установленная на дверном проеме сеть не даст никому выскочить. А вот с окном могло получиться.

И получилось.

С оглушительным звоном старое стекло разлетелось на мельчайшие кусочки. От боли я едва не послала всех, кого знала, по матушке-бабушке к их богам-покровителям. Судя по ощущениям, кроме начавшегося кровотечения, я еще и ногу подвернула, но останавливаться и горевать было некогда. Ребята Красса бегали хорошо, и утешало лишь одно немаловажное обстоятельство, без знания которого я бы не рискнула устраивать гонки: столицу наемники знали хуже меня. Не тот у них профиль и не те приоритеты.

А потому до реки я добралась быстрее и ласточкой спрыгнула вниз, отдавая себя на попечение течения. До ближайшего достаточно просторного стока, через который можно залезть в канализационную сеть столицы. А здесь уж – пусть ищут, сколько хотят. Крысы им в помощь. Вот только хвостатые скорее мне помогут, чем моим преследователям. Теоретически.

Практически же ребята Красса вообще не стали заморачиваться и, едва забравшись вслед за мной, активировали поисковик. На моей крови, судя по пробежавшему по телу холодку. И не поленились – остановились и собрали с осколков стекла. Блин, от такого поиска просто так не уйдешь. Точнее, совсем не уйдешь, разве что успеешь добежать до мест, блокирующих любой поиск. К примеру, до Тайной Канцелярии или дома ее главы. И вот стоило так подставляться ради какого-то незнакомого парня?..

Но размышлять времени не было. Пришлось вспоминать совсем другие слова. Как он говорил однажды?..

– *Танис Эртан Дайрин, ларге...* – крикнула я, молясь всем богам, чтобы шеф был занят настолько, чтобы просто перекинуть своего служащего в кабинет, а не явиться за ним, отвечая на призыв.

На границе видимости возникли еще неясные силуэты пятерки Красса, но догнать меня они уже не успевали. Моя фигура таяла, исчезая из-под темных сводов, чтобы оказаться...

От резкого света я зажмурилась, а открыв глаза, пожалела, что не осталась с мальчиками Красса. Уж лучше они, чем его высочество Магнус, «любимый» шеф и мужчина с подозрительно знакомым профилем. Всем знакомым, кто хоть раз держал в руках Таринские монеты.

– Кажется, я не вовремя.

И, оставляя на полу воняющие разводы, бросилась было к двери. Правда, бросилась – это слишком громко сказано. Скорее – упала в направлении. То ли от обездвиживающих чар ворвавшейся охраны, то ли от потери крови, то ли потому, что азарт схлынул и больше ничего не придавало мне сил.

Белый потолок, наверное, самая приятная картина для представителей многих профессий. И я не исключение. Если видишь белый потолок, значит, ты, во-первых, жив, во-вторых, не утратил зрение, в-третьих, все еще что-то из себя представляешь, раз уж товарищи дотащили тебя до целителя, а не бросили в ближайшей канаве. То есть сразу три хорошие новости. Время же для плохих приходит чуть позже, когда ты вспоминаешь, что, во-первых, не знаешь, где находишься, во-вторых, кто именно тебя сюда дотащил и, в-третьих, во сколько тебе все это обойдется.

Я решила проявить оригинальность и начать думать сразу с плохого. Ибо ничего хорошего мне в этом доме с золочеными светильниками и беседующими за дверью Дайрином, Маджери и его высочеством светить не могло.

А беседа меж тем набирала обороты.

– ...требуют вернуть свою подданную, – скупно перечислял чьи-то требования секретарь.

– Сейчас это невозможно.

– Господин посол считает иначе.

– Отправь к нему целителя. Пусть подтвердит ему невозможность передачи пациента.

– Вы думаете, он в это поверит? – его высочество говорил очень тихо, на грани моей слышимости. – Не лучше ли пригласить его сюда? Пусть сам взглянет на ее состояние. А целитель предварительно с ним поработает, чтобы сомнений не возникло, что жизнь его подопечной висит на волоске.

Я поморщилась. Вот так лежишь, никого не трогаешь, а тебя хотят на порог смерти толкнуть, лишь бы господин посол поверил, что ты оттуда и не возвращалась. А это опасно, между прочим. Перестарается целитель – и все, уже не выкарабкаешься. А мне нужно такое счастье? Обойдусь как-нибудь.

Из-под одеяла я выбралась очень тихо и аккуратно, но, едва ступила на пол, мир накренился, качнулся и поспешил поздороваться с моим лицом. Кажется, зелья я уже успела продегустировать. И переодеться тоже. Жалко-то как. Бежать по дворцу в одном нижнем платье – бывало, конечно, и хуже, но зрителей поменьше.

Тихий шлепок, с которым мы с полом обрели друг друга, привлек внимание говоривших, и в комнату заглянул любимый шеф. Даже не видя его лица, я готова была поспорить, что он поморщился. А следом его ботинки оказались на уровне моих глаз, после чего меня вновь уложили в кровать.

– Майя, целитель не рекомендовал вам прогулки.

Я с трудом удержалась, чтобы не поинтересоваться, рекомендовал ли мне целитель уполнозновения, но вошедший принц заставил прикусить себе язык и устремить взгляд в потолок.

– С пробуждением, леди, – саркастично поприветствовал меня его высочество.

Я промолчала: с моим длинным языком лучше изображать немую, чем навлекать на себя еще большие неприятности. И так едва-едва выкарабкалась. И не без помощи любимого врага, что не может не портить настроение. Хотя выкарабкалась ли? Из канцелярии в отсутствие начальства я бы ушла и в том положении, что была, а из дворца попробуй только шаг ступить. Не удивлюсь, если на мне сейчас поводков навешено...

– Благодарю вас, ваше высочество, – шепотом, то ли от слабости, то ли пытаюсь скрыть волнение, все же ответила я. Этикет, будь он неладен.

– А мне вас не за что благодарить, – усмехнулся принц. – Вы доставляете столько проблем, что не будь я связан обещанием, лично бы отправил вас в мир иной. Но увы, отец желает побеседовать с вами. Он и решит вашу дальнейшую судьбу, раз уж вы, леди, так удачно посетили эти стены. Признаться, я не рассчитывал на такой подарок.

– Ваше высочество, – позвал любимый шеф, напоминая о чем-то.

Пара секунд промедления, и принц вышел, оставляя меня наедине с начальником канцелярии.

– Меня отсюда не выпустят? – так и не дождавшись начала разговора, спросила я.

– Выпустят. Из этой комнаты, – уточнил мужчина, поймав мой недоверчивый взгляд. – Но стены дворца вы вряд ли покинете, пока этого не позволит его величество.

– У меня другое подданство, – напомнила я.

– Разумеется, но против рекомендации целителя господин посол не пойдет. Разве что по личному распоряжению князя. Недели через две. Правда, к тому времени вы можете и сами передумать уходить. – Наверное, заметив, как зло блеснули мои глаза, его

светлость добавил: – Бежать из дворца тоже не получится. Вас не оставят в одиночестве.

– Для чего все это?

– Вам требовалась помощь целителя.

Дайрин сделал вид, что не понял подоплеку вопроса.

– Вы же сами сказали, что я не сбегу, так зачем юлите. Что от меня хочет его величество, раз уж не упек сразу в камеру или приказал лечить?

– Полагаю, об этом лучше спросить у меня.

Не знаю, какая температура поддерживалась во дворце, но, кажется, она резко понизилась. От одного только голоса вошедшего в комнату человека по спине пробежали мурашки.

– Ваше величество.

Дайрин склонился в поклоне.

– Оставь нас, – коротко распорядился монарх. – Нам есть о чем поговорить без посторонних.

– Да, милорд.

И, не позволяя себе промедления, поспешил уйти. Лишь в дверях остановился и с тревогой взглянул на меня. Но дверь закрылась, и я осталась наедине с самым страшным человеком в этом дворце. С его полноправным хозяином. И, как думали многие, моим отцом.

Я старалась не смотреть на его лицо: не хотелось видеть в глазах этого человека приговор. Ведь стоит ему сказать лишь пару слов – и никто этого уже не отменит. Разве что его величество не захочет идти на конфликт с княжеством. Но в мире, где все покупается и продается... не думаю, что моя шкурка много стоит. А уж после всего, что я тут натворила, церемониться с ней точно не станут.

– Ты похожа на мать, – наконец прервал тишину голос императора.

Я промолчала. Лично мне наше с госпожой Альран сходство не казалось таким уж заметным. Впрочем, я не могла с полной уверенностью заявить и об обратном: кто его знает, как матушка выглядит на самом деле?

– Неудивительно, что ты так старалась избежать нашей встречи. – Мне пришлось прикусить губу, чтобы ничего не ответить. И от внимательного взгляда моего собеседника это не укрылось. – Я пришел не для того, чтобы ты молчала.

– А для чего? – не слишком вежливо откликнулась я. И добавила, чтобы соблюсти приличия: – Ваше величество.

– Хотелось посмотреть на свою предполагаемую дочь.

– А это не так? – вырвалось у меня.

– Не так, – усмехнувшись, подтвердил собеседник. – У императора не может быть бастардов. Ни мальчиков, ни девочек, что бы ни предполагали обыватели. Так уж вышло, что боги ответили на просьбу основателя династии. И теперь их благосклонность обходится казне в немаленькую сумму ежегодно: поддерживать все столичные храмы в идеальном состоянии. Иногда мне кажется, что дешевле было бы плодить лишних наследников. Но не нам менять заведенные порядки.

– Тогда зачем меня искали?

– Чтобы признать и взять под крыло, – усмехнулся его величество. – Майя, верно? Слухи, сложившиеся вокруг тебя, нам на руку. Ведь если есть ты – могут быть и другие наследники, верно? Пусть даже девочки, пусть даже лишь их сыновья смогут унаследовать престол... Невероятное искушение, не кажется? Достойный повод, чтобы

начать действовать? Признанная принцесса, не связанная ни с кем узами брака, не сосватанная в детстве... Окажешь мне услугу? – Голос императора звучал ласково и будто бы беспечно.

– Вы же не оставите выбора, – вздохнула я, понимая, что в очередной раз попала. И уже по собственной инициативе: на матушку благополучно заработанные проблемы не скинешь. Она-то, видимо, как раз и была осторожна. Или... А кто теперь разберет, если его величество изволит иное говорить.

– Не оставлю. Но скупым человеком меня редко называют. За помощь получишь щедрое вознаграждение.

– И пожизненный контроль? Или после оказания «услуг» мне предстоит исчезнуть?

– Ты и сама все понимаешь. Значит, договорились?

– Договорились, – вздохнула я. – А если бы я отказалась, в ход пошли бы угрозы?

– Ты и сама все понимаешь.

– Понимаю, а потому хочу знать, на что подписываюсь. И еще кое-что: отчего же ваша родовая защита не сработала? Ведь именно из-за этого и началась вся эпопея?

А вечером пришлось изображать смертельно больную. Благо все, что от меня требовалось, застонать в нужный момент и, закатив глаза, упасть в обморок. Остальное делали уже целители, поскольку господин барон не разбирался в медицине.

Стихли шаги за дверью. Потухли осветительные шары. Я с удовольствием откинула одеяло и позволила себе вздохнуть полной грудью. Ненадолго. Дайрин обещал вернуться, как только проводит высокого гостя, но до его возвращения еще оставалось время.

Итак, что же мне предстояло сделать по милости его величества? Побывать немного сестрой его высочества, который не питал ко мне никаких братских чувств, разве что стойкую неприязнь испытывал. Побывать немного наживкой, которую будут или красть, или убивать, или вербовать... Много вариантов – и все не вселяют оптимизма. И за работу ширмой мне, возможно, спишут грехи и отпустят. Оставалось надеяться, что отпустят не в божественные чертоги на вечный покой, а куда-нибудь на острова с мягким климатом. Да хоть в то же княжество, что мне там не сиделось?!

Вздохнув, я приподнялась на кровати и потянулась. Вопрос об охранной магии украденного мной кольца так и остался без ответа. Его величество в свойственной монархам манере просто его проигнорировал. Хорошо еще, что за непозволительную дерзость не наказали. Впрочем, счет, выставленный мне за предшествовавшие художества, и так был длиной едва ли не до городской стены.

Шаги будущего посетителя я услышала заранее. Ничего удивительного, что вошедший спустя минуту граф увидел меня чинно восседавшей на ложе с книжкой в руке. Роман мне подарил лично принц, швырнув едва ли не в лицо и процедив нечто среднее между «извольте ознакомиться, дорогая сестрица» и «это тебе». Книжонка была довольно потрепанная, из чьих-то личных запасов, но заподозрить принца в симпатии к любовным романам весьма фривольного содержания... И вот зачем мне этот томик? Как будто без него я в принцессы не гожусь?

– Знакомишься с темой половины дворцовых разговоров? – поинтересовался Дайрин, выразительно косясь на потрепанную книжицу.

– Она так популярна? – Я по-новому взглянула на обложку, но название так и не разобрала: разве что на ощупь можно было установить кое-какие буквы.

– Запрещена и порицаема в приличном обществе. Разумеется, практически весь дворец с ней уже ознакомился, – пожав плечами, сказал бывший шеф, устраиваясь в кресле напротив кровати. – Понравилась?

– Интереснее, чем растениеводство, – не удержалась от шпильки я.

- Рад, что новая работа представляет для тебя больший интерес.

- Я не понимаю. Если его величеству изначально требовалась такая ширма, зачем было устраивать меня в Школу и заставлять там учиться? Или вы чего-то ждали? Кто должен был меня там увидеть и поверить в вашу историю?

- А вот это мы и должны узнать.

Дайрин замолчал, но вставать и покидать мою комнату не спешил. Как и начинать новый разговор. Меня же тишина не устраивала, а потому...

- Вы что-нибудь нашли на том месте, откуда меня забрали? - Я постаралась избежать упоминания канализации, все же в императорском дворце беседы ведем. - Там могло что-то остаться, хоть пятерка Красса и профессионалы, но ваши люди...

- Пятерка Красса? - граф нахмурился. - Что ты такого успела сотворить, что их за тобой отправили?

- Не за мной, - вздохнула я, понимая, что сейчас огребу по первое число, если и вовсе в живых останусь. Но могли и сами проверить, почему мне резко помощь потребовалась, что наплевала на всю конспирацию и личную неприязнь! - Точнее, за мной, но они полагали найти вместо меня другого человека.

- Кого же?

Взгляд Дайрина стал цепким и холодным. Я непроизвольно поежилась.

- Какого-то паренька. Да не смотрите вы так, а то у меня слова в горле застревают, - попросила и отвернулась.

Конечно, здесь есть и моя вина, не стоило умалчивать информацию... Но никто не спрашивал о причинах вызова, а теперь окажется, что они были нужны незамедлительно. Маджери опять отпустит какой-нибудь нелцеприятный комментарий по поводу женских мозгов... Ну и пусть! У самого их не больше. И вообще... мужские!

- Майя? - напомнил о своем присутствии бывший шеф. - Я жду.

- Вечером того дня я получила кое-какую информацию и решила ознакомиться с ней в библиотеке. Возвращаться в посольство мне не хотелось, и это показалось хорошей идеей...

- Ближе к делу.

Я недовольно поджала губы. Любит граф себе противоречить: то мне попадало за недостаточно развернутый доклад, то вот так - слишком много подробностей. Ага, как же!

- В библиотеке, кроме меня и некоторого числа спящих, включая охрану, оказался еще один бодрствующий гость. Какой-то парень. Худой, рост выше среднего, каких-то особых примет я не углядела, но могли и быть. Когда по помещению «Сладкий сон» поплыл, он тоже под стол юркнул. Так что или сам на руку нечист, или знал, что по его душу идут. Оказалось, что по его. Красс велел искать мальчишку и упомянул, что на поиски кого-то другого у него времени нет. Наш стол стоял практически у выхода, и его должны были проверять в последнюю очередь: с дальних рубежей обход начали. Поэтому я решила рискнуть. Все равно свидетелей пятерка Красса редко оставляет, а так эффект неожиданности, да и у парня лишний шанс на выживание появился. Сама знаю - дура. Но у меня было к кому обратиться в случае провала, а вот у него, судя по всему, нет. Хотя если бы не это, не сидела бы я теперь тут в ожидании инструкций...

Дайрин вышел прежде, чем я успела что-либо добавить. Хлопнула дверь, которую не стали придерживать. Голос шефа раздался где-то в коридоре. Глухой, но быстрый. Кто-то бросился бежать, выполняя поручение... Точно, утром будут отчитывать за нерасторопность. И, наверное, я действительно виновата. Только одно обнадеживало: и так для того мальчонки сделала больше, чем для первого встречного.

Никогда не любила балы! Тесно, шумно, ловкоукие воры так и норовят обчистить

праздношатающихся граждан. И эти корсеты, в которых нагнуться можно, только оттопыривая неприлично попу, что на балу делать крайне не рекомендуется. Но и это не самое страшное. Самое страшное – это подготовка.

Еще час назад лежала себе в кровати, никого не трогала, почивать изволила. Даже никаких планов не строила коварных и зело обидных для избранных особ, что особенно печально. А вот они строили. И планы, и обиды, и что еще может в голове у принца родиться?!

Пришел, глазами сверкнул, велел собираться и топать следом за ним. Знал, что отказать не смогу. Откажешь тут, когда с ним полк горничных прибыл с Маджери во главе. Вот уж где он смотрелся на своем месте!

Под конвоем меня препроводили в добрые руки портних. И даже мои уверения, что на репутацию начхать и лавка готового платья – мое все, никто не обратил внимания. Кроме принца. Магнус нахмурился и удостоил меня таким взглядом, что пришлось проглотить все заготовленные по дороге слова и мирно встать на стульчик. Лишь тогда его высочество соизволил покинуть нашу дамскую компанию.

– Здравствуйте...

Я предприняла попытку завязать разговор и, если боги будут благосклонны, улизнуть куда-нибудь. Хоть бы и к любимому шефу. Без иронии. Выбирая между Дайрином и иголкой, которая так и норовит впиться мне в... в меня! – я совершенно точно предпочту блондина. Он, по крайней мере, не покушался на мое физическое здоровье. Последние пару часов.

– Ай... – чересчур громко, чтобы уж наверняка прониклись моей тяжелой долей, завопила я, получив-таки ощутимый укол куда-то в область... шеи?! Туда-то зачем?

По телу прошла судорога, намекая, что шанс покинуть примерку у меня будет. Главное только... Куда рука отнимается?! Я эту симуляцию еще продумать не успела, а она...

С совсем не аристократическим шмяком мое тело встретилось с ковром. Глаза я закрыла по собственной воле, а открывать уже не стала. Зрачки контролировать сложно, а выдавать неполное действие чьего-то зелья... Руки бы ему оборвать, чтобы больше так не делал!

Ибо если это неприятель, то ничего хорошего из моей временной нетрудоспособности не выйдет. А если свои – то могли бы проверить процедуру и поприятнее. Или предупредить, в конце-то концов. Я бы накрасилась, отпечаток на ковре оставила бы, а так только нос подозрительно хрустнул и губам мокро стало.

– Аккуратнее не могли? – Первый раз за получасовую пытку я услышала хоть чей-то голос. – Нам *это* еще тащить и заказчику демонстрировать.

– Не могли, – огрызнулись в ответ, и меня перебросили через плечо. Костлявое. Наверняка синяки останутся. Но, судя по состоянию моего лица, товарный вид похитителям был нужен в последнюю очередь.

– Достаточно. Зелье долго действовать не станет. Забираем девку и уходим.

– Ты хоть проверь, та или нет. А то как с пацаном будет. Повелись на эту пигалицу, чуть не упустили, – пожаловался недовольный голос.

– Проверил уже.

И тишина. Разве что с меня капает и об пол стучается. А язык, как назло, не шевелится, поэтому даже шепотом вызов не прочтешь.

– Браслет надень, – напомнил кто-то умный и мысленно мной проклинаемый. Мало того, что испортили мне лицо, так еще и магию хотят отобрать! Хотя где это видано, чтоб похитители поступали иначе?

Полная бессильного негодования, я тряслась на плече будущего клиента целителя и мечтала, чтобы он упал, сломал себе что-нибудь и меня подальше откинуло. А как иначе,

если та дрянь, которой они напились для смены облика, начала выходить вместе с потом. Отчего запах у него был... лучше вам такое не нюхать – напрочь обоняние отобьет!

Увы, моим мечтам не суждено было сбыться. Быстрый переход порталом, создание которого прямо из дворца могли себе позволить очень немногие, и извечный запах тлена. Ну вот почему все похитители предпочитают мрачные темные места с низкими потолками, капающей мутной водой и крысами-переростками?

Мой носильщик ожидаемо споткнулся на лестнице, но, судя по недовольству тех, кто шел позади, его поддержали, не дав свернуть шею ни ему, ни мне. Хоть одна хорошая новость. Впрочем, никто не гарантировал, что конец моего бренного существования не таится за поворотом. Все же свидетели долго не живут.

Падение на мягкую поверхность я восприняла стоически и ничем не выдала своего изумления. Даже глаз не открыла, когда возникший из ниоткуда целитель торопливо приводил в порядок мое лицо. И именно ему принадлежали те противные восстанавливающие чары, которые отправили мое сознание в долгий сон.

Придя в себя, я испытала нечто сродни удивлению, омрачаемому лишь моим же недоумением. Комната, в которой мое бренное тело возлежало на кровати, была точной копией предыдущего моего жилья. Вплоть до картины, которая и во дворце мне не нравилась. Решив было, что Дайрин шутить изволил, я перевесилась через край и заглянула под ложе. Пошерудила рукой, но собственноручно спрятанных там накануне конфет не отыскала. Следовательно или мои запасы подверглись нападению горничных, или комната была не та.

Память услужливо подсказывала, что догадки не лишены логики и комната действительно лишь копия одних знакомых мне покоев. Но вот зачем? Смысл забирать меня со всей обстановкой или же городить все то же самое. Для чего?

Голова немилосердно заболела, не давая мыслить здраво. Торопливо попыталась вспомнить прошедший день и едва не взвыла. Подробности практически стерлись из памяти. Остались только неясная обида и злость.

Нахмурившись, я постаралась вспомнить более ранние подробности. И визит Дайрина, и ужин, и беседа с его величеством – все это странным образом сохранилось в моей голове и не вызывало приступов мигрени, а вот вчерашний день...

Я неторопливо подошла к окну, отодвинула портьеру и хмыкнула. Вид остался тем же. Разве что был создан искусным магом-иллюзионистом. Очень хорошо создан, качественно. Если бы этого мастера не знала, может, и купилась бы, но, к сожалению, сама периодически с Трайком работала. Редко, ибо дорого его услуги обходились, но с большим удовольствием. Его иллюзии были по-настоящему живыми, проработанными до мелочей и настолько захватывающими, что уничтожать их не хотелось.

Вот и сейчас «вид из окна» на дворцовый парк был до того восхитительным, что я никогда не оторвалась бы от него. Если бы не помнила, что его прототип мне не понравился и вызвал лишь одно желание: больше его не видеть. А здесь и переливающие воды фонтана играли в лучах закатного солнца, и алое небо отражалось от до блеска отполированных плит, и сочная зелень листьев, несмотря на пору года, притягивала взгляд...

Прикусив губу, я отвернулась. Красиво, конечно, смотреть на иллюзию, вот только опасно. Сам Трайк предупреждал, что так можно потерять разум, сгореть, поверив в несуществующую сказку. Именно поэтому он предпочитал видеть свои работы один раз – в момент создания – и не появляется больше в местах, где их у него заказали. Без веских причин, разумеется: императору так просто не откажешь, когда он желает получить очередной шедевр.

Как бы то ни было, ничего хорошего появление иллюзий на месте окна мне не сулило. Разве что много и много дел. Но прежде...

Я услышала торопливые приближающиеся шаги и поспешила юркнуть под одеяло. Незачем кому-то знать о моих подозрениях. Значит, симулируем пробуждение и полнейшую слабость. И на головную боль не забываем жаловаться: все же, если мне

память чистили, как я подозреваю, последствия вполне закономерны и действительно имеют место быть. Так что тюремщик должен поверить.

За пару секунд до открытия двери к шагам присоединился и голос. И даже не один. Как будто у дверей неожиданного торопыгу перехватили и призвали к ответу. Вот только у того уже был заготовлен если не ответ, то достойный откуп.

Дверь отворилась без скрипа, но сомнения в появлении гостей у меня отсутствовали. Ибо никем иным виконт Авалийский, в быту – Сайсери, в пылу гнева – Поганец, быть не мог.

– Спит... – с облегчением выдохнул он.

Кровать едва заметно прогнулась, принимая на себя и его вес. А в моем сознании прогнулась теория заговора, ибо Сай и заговор – выжить мог кто-то один. Не подходил он на роль заговорщика ни мирового масштаба, ни даже местного. Все его пакости были просты и незамысловаты. А здесь полноценная подмена помещения и иллюзия. Нет, не сходится.

– Ничего. Спи... Все хорошо будет. Отец обещал не впутывать тебя в это.

Он погладил мои волосы, наклонился, судя по теплоте дыхания... Только бы не хмыкнуть и не закашляться. И момент испорчу, и себя выдам. Но с каждой минутой изображать бревно было все сложнее. Впрочем, радовало одно: знакомое лицо, от которого теоретически знаешь, чего ждать.

– Сай... – Ломать комедию мне было не впервой, но еще никогда я не была так близка к провалу. Лучше бы я, конечно, молчала и дальше изображала спящую красавицу, но каждый миг сдерживаемого чиха был пыткой. – Апчи!

Бум! Глухой удар наших двух лбов раздался совершенно внезапно. Никто не мог этого предсказать, но ныне не одна я начала страдать от головной боли.

– Прости. – Я втянула голову в плечи и поспешила откинуться назад, уходя в глубокую одеяльную оборону. Заодно и о приличиях вспомнила, старательно краснея и намекая на поспешный уход, которым должен озаботиться Сай.

– Ничего, – мужественно стерпел парень. – Сам виноват.

Я слабо улынулась, изображая из себя... кого-то, кто мной быть никак не мог. Но виконту определенно этот вариант меня нравился больше. Ибо меня до сих пор не вывалили в пыли и не одарили щедром презрением.

– Что ты здесь делаешь? – не могла не поинтересоваться я, разглядывая посетителя во все глаза. Еще бы мне не удивляться его появлению «во дворце», да еще в личных покоях «принцессы». – Тебя пропустила охрана?

Парень едва заметно поморщился. Видно, врать ему не хотелось, но вряд ли его желания, как и мои, могли на что-то повлиять.

– Я прокрался мимо них, – доверительным шепотом сообщили мне.

– Так уж и прокрался? – не смогла я сдержать здоровый скепсис.

– Подкупил, – с облегчением выдохнул собеседник.

Такое поведение для Сая было естественным и не должно было меня насторожить. Вот только оставались другие поводы для беспокойства.

– Дорого, наверное? – Юноша согласно кивнул. – А не знаешь, они смогут сделать вид, что не видели моего ухода? – закинула удочку я и радостно отметила волну удивленного удовлетворения на лице виконта. Нет, тот, кто его отправил сюда, либо не в курсе моей квалификации, либо чересчур уверен в собственном чаде, либо само чадо в нарушение всех инструкций полезло на рожон.

– Думаю, могут. – Парень наклонился ко мне и заговорщицки, на ушко, шепнул: – Я все

подготовлю. Вечером помогу тебе покинуть дворец.

– А куда мы пойдем? – Выглядеть полной дурой в глазах собственных похитителей не хотелось. Полные дуры, как и худые, были явлением редким и крайне подозрительным. Особенно после того, как тот же Сай видел мои проказы и ужимки в Школе. – А мы вернемся во дворец?

Последний вопрос не был праздным любопытством. Все же мне хотелось знать, с концами меня «похищают» или планируют вернуть на место, заставляя поверить, что я по собственной инициативе сбежала и накуролесила. Так, чтобы праведный гнев монарха упал на мои виноватые плечи, не встречая никаких возражений.

– Конечно, – горячо заверил меня Сай, виновато улыбаясь. – Как только ты захочешь, сразу вернемся.

Значит, захотеть мне не дадут. Интересно...

– Тогда до вечера? – предположила я, желая избавиться от собеседника и обдумать сложившуюся ситуацию и пути выхода из нее.

– До вечера, – вздохнул юноша, наклонился было, но тут же отпрянул, не желая портить то ли свою, то ли чужую игру поводом для скандала. Ведь если он меня сейчас целовать начнет, какова вероятность, что принцесса учинит скандал и выбежит в коридор? Вот то-то же, никто рисковать не станет. Втемную хотят разыграть.

Сай вышел, оставляя меня наедине с самой собой. Только сомнительно, что эти благие минуты продлятся долго. Ведь в одиночестве чего только не сделаешь: даже о судьбах родины думать начнешь, не говоря уже о своей собственной и единственно ценной.

Итак, что мы имеем и как с этим лучше поступить? Кому-то, предположительно отцу Сая или другим заинтересованным лицам, требуется мое физическое отсутствие во дворце. Вместе с тем сама «принцесса» должна быть уверена в обратном. В противном случае меня не пытались бы убедить «сбежать из дворца», уравнивая ложь и текущее положение вещей. Ибо вряд ли кто-то будет разбираться, когда именно произошел этот самый побег, если «принцесса» впоследствии сама виновато подтвердит сам факт своего отсутствия. Если это потребуется, конечно, и в планы похитителей входит моя дальнейшая жизнь.

Если же нет, то стоит пересечь порог дворца, и чей-то метательный нож или любой другой острый предмет по чистой случайности вонзится мне куда-нибудь, обрывая существование принцессы. И вновь несчастный случай – бандиты сослепу не опознали и неудачно ограбили беглую аристократочку. Кто ни при чем? Герцог Авалийский, разумеется. Напротив, он искренне скорбит вместе с сыном. А в искренности Сая сомневаться будет сложно не только мне: полшколы подтвердит его теплые чувства и их причины. Вот тебе и алиби. Не стал бы герцог единственное чадо расстраивать, да так, чтобы и от императора на орехи получить.

Но вернемся непосредственно к ситуации. Я якобы во дворце и о собственном похищении не знаю совершенно. До вечера мне предстоит занимать себя вышивкой или чтением романов – книжку из моих покоев кто-то не постеснялся забрать. Или же одолжили у другой впечатлительной девы, положили на видное место и теперь надеются занять меня чтением. А мы и поддадимся на уговоры.

Если за комнатой наблюдают, то лучше вести себя подобающе. Подобающе легенде, ибо вряд ли Сай ничего обо мне не рассказывал. Значит, берем книгу, читаем минут пять. Рвем книгу, распахиваем окошко и бросаем томик куда подальше, внимательно слушая, как быстро он упадет и куда именно.

Придуманно – исполнено. Книжка перекочевала со столика в мои руки и была нагло использована для прикрытия лица и губ. Ну не могла я не рискнуть и не попробовать:

– *Танис Эртан Дайрин, ларге?* – для пробы произнесла я, но ничего не произошло. Хм, опоили, значит. Решили не экономить. Браслеты ведь вещь ненадежная – опытный вор может попробовать снять, а вот так... И ведь чувствую, что сила со мной, только достучаться до нее... Беда, одним словом. Но разве это повод не попытаться лишний слог

добавить?

Три-четыре... Томик послушно пролетел через иллюзию и бултыхнулся. Не меньше пяти метров от окна. Я так не допрыгну. Разве что разжиться веревкой, камнем потяжелее... Ага, так я этот камень без левитации и доброшу, чтобы себе путь к спасению натянуть.

Где-то вдалеке слышались торопливые шаги. У меня даже сомнений не возникло, куда же они так спешат. Сигануть, что ли, в окошко? Истеричные барышни и такое иногда делают. Останавливало лишь одно – здравый смысл. Сигать через иллюзию, конечно, интересно, никогда не знаешь, куда угодишь, но ломать из-за простого любопытства ногу? Не было у меня времени для подобных экспериментов.

Да и вообще его не осталось, – поняла я, глядя на мужеподобную мадам, застывшую в дверях. Такая меня на плечо закинет и унесет, куда прикажут. Не зря же у «мадам», если краем глаза смотреть, усы сквозь личину проступают.

– Ваше высочество, не изволите ли позавтракать? – предложила «дама», не тратя времени на уверения в своей искренней радости прислуживать моей особе.

– Изволю. Шашлык, мясо с ананасом, колбаски жареные, вяленые, с грибами и специями, буженина, котлетки, тефтельки и соленый огурец, – сменив гнев на милость, потребовала я.

«Мадам» посмотрела на меня с нескрываемым уважением, но вспомнила про свою роль и всплеснула руками:

– А как же фигура?

– Фигура – в порядке. – Я огладила себя по самым выдающимся местам. – Так что несите. Будем праздновать.

– Что праздновать? – не поняла «дама».

– Восход солнца. Ведь каждый день – это праздник, если есть что поесть! – выдала я прописную истину бродяг и голодранцев. И «мадам» снова не сделала мне замечания.

Н-да, неужели ни одной дамы не нашлось, что согласилась бы терпеть мои выходки.

Но это мне на руку. Провести настоящую «гранд-даму» я бы не сумела, а вот обставить коллегу, который вряд ли что-то смыслит в женских штучках и которому наверняка запретили вести себя как на базаре в людный день...

Вне зависимости от того, где располагалась кухня, для приготовления всего богатства, что я попросила, требовалось время, и время немалое. Если будут нести поочередно, ближайшее блюдо я получу через четверть часа. И следовало решить, как себя вести и не стоит ли покинуть эти гостеприимные стены и отправиться в канцелярию, раз уж на мне ни браслетов, ни ошейника. Все же обходилась я как-то без магии во времена ученичества? Так что ничего смертельного пока не произошло. Шкурку знаками мне портить не стали: с трупа их так просто не убережешь, а потом любой мало-мальски сведущий маг установит постороннее вмешательство. И кто поверит в легенду о глупой выходке ее высочества?..

К возвращению «мадам» я уже была готова. Заранее выбрала место, из-за разницы в росте даже пришлось перенести табурет, но удар вышел на славу. Мгновение, и бедная «мадам» уже падала к ножкам табурета. Надеюсь, сердце не остановилось. Но других вариантов, кроме точного удара по сонной артерии, я не видела. Не с моей массой и полным отсутствием оружия лезть против наемника в честный бой.

Фокус с переодеванием был недоступен из-за слишком очевидной разницы в пропорциях. Правда, совсем без вандализма я не обошлась. Какой бы ужасной ни была заточка спрятанного за корсажем «дамы» ножа, я от него отказываться не собиралась: мне даже пилочки для ногтей не выдали.

Пользуясь тем, что иллюзии Трайка требовали огромных расходов энергии, и памятуя о том, что брошенный роман достиг воды, я рискнула... Нет, не сигать в окно. Туда полетел ставший ненужным табурет. А следом – пара колбасок. Не могла же я «убегать» без

провианта.

Выждав пару секунд, я набрала в грудь побольше воздуха и проорала, копируя, насколько могла, чужой голос:

– Объект за окном! Попытка побега!

И отошла за дверь, чтобы первый, кто вбежит в комнату, меня не заметил. Да и кому какое дело до вешалки, когда на ковре лежит в беспамятстве коллега, а охраняемый объект несется на всех парах то ли к портнихе, то ли к начальнику канцелярии, кто о чем подумает в силу романтичности натуры.

Выждав, пока ворвавшийся «лакей» устремится к коллеге, я выскользнула за дверь. Чудом (не иначе Дадари решил вспомнить о своей непокорной слуге!) не встретила с очередным охранником и все же добралась до одной из боковых лестниц.

Тут Дадари, вероятно, отвлекся на кого-то более перспективного, и божья благодать оставила меня. В момент моего блистательного побега в нижнем платье лестницу старательно отмывали и натирали. Я едва успела присоединиться к уборщицам, когда оценить их усердный труд решил сам герцог. По крайней мере, судя по обуви, прошагавшей мимо, никому менее титулованному туфли принадлежать не могли. Я с трудом удержалась, чтобы не пролить из соседнего ведра воду и не ринуться торопливо исправлять свою промашку, вместе с жидкостью убирая и золотые пряжки.

– Все вон! – Едва начальство скрылось из виду, на лестницу прибежал всклокоченный дворецкий. – Все по комнатам, и чтобы не высывались. Если понадобится – лично позову! И пусть только кто-то попробует сунуть свой нос!..

Выкрикнул – и помчался следом за его светлостью. А я что? Я ничего. Сказано – идти по комнатам, вот я и пойду. Никто же не уточнял, что я в «свою» комнату вернуться должна! Да и «моя комната» находится далеко за пределами этого дома.

Взгрустнув, я отправилась следом за толпой, с удовольствием отмечая, что униформа местных служанок того же цвета, что и нижнее платье на мне. Вклиниться в их расторопную толпу не потребовало усилий. Шеренга быстро-быстро семеня ножками и убегала от гнева хозяина, здраво рассудив, что за личное волнение не доплачивают. Я же и вовсе находилась здесь на птичьих правах и даже жалование не получала, а потому с чистой совестью отстала от девушек где-то в районе кухни.

Запахи, доносившиеся оттуда, заставляли нехорошо думать о графе. При других обстоятельствах я бы не преминула задержаться и продегустировать все предложенные яства, но времени на праздное шатание по поместью не было. Следовало уносить ноги или прятаться так, чтобы найти не могли.

– Олухи! Кто из вас занимался жарким? Неужели так сложно не спалить?! А если герцог прикажет подавать незамедлительно! Кто готов распрощаться с головой, если его гостям не понравится? Отродье демона, кто испортил соус?! Тарелку вытри! За ней придут с минуты на минуту! Адес, руки в ноги и в лавку, приличного мяса не осталось... Сходи к начальнику стражи, он амулет даст. Так сбегашь? Ножками? Что за чушь, не видишь, что творится? Да тут и муха не пролетит без позволения его светлости. Пошел, демоны тебя раздери!

Судя по долетавшим крикам, покидать здание, несмотря на лязганье крышек и ор повара, было плохой идеей. Как и оставаться подслушивать. Сомнительно, конечно, что у Красса еще осталась моя кровь, но даже если и осталась, свежей ее уже не назовешь, а потому точное местоположение она не укажет. А приблизительное...

Я заговорщицки, как мне казалось, улыбнулась. Раз покинуть территорию нельзя, будем маскироваться. Пятерке полезно понырять, выискивая мое брэнное почившее тело, мне же доставит удовольствие понаблюдать за ними. Только где бы спрятаться так, чтобы не нашли?

В памяти всплыл подслушанный разговор. Выходило, что, помимо меня, в доме находится еще один гость, поставленный на довольствие. И в свете недавних событий я справедливо предполагала, что знакомец-незнакомец из библиотеки, несмотря на все

мои усилия, попался. Печально, но почему бы этим не воспользоваться? Перекушу, отдохну, а там и решим, как отсюда выбираться.

Как и любые благие намерения, моя идея не принесла дивидендов, на которые я рассчитывала. Вместо этого на лбу теперь вспухала шишка, а над ухом беспрерывно извинялись. С каждым новым горестным всхлипом все больше хотелось покинуть покои юного лорда и сдать спасательной операции, разыскивающей меня по всему поместью. Познакомившись лично с Жаном, наследником герцога Радлиса, я, признаться, сомневалась, кого и от кого следовало спасать. Зато его светлость нисколько не сомневался:

– ...вдвоем мы сможем прорваться. Мне бы только шпагу, и я... – Пыл юноши можно было понять: на императорском турнире шпажистов он занял почетное третье место. Среди таких же молоденьких дворян, под надзором судей и с тысячью ограничений, нарушать которые ни-ни, а то дисквалифицируют. – ...И мы спасемся.

Парень перевел дыхание и требовательно взглянул на меня. Я же стряхнула с руки капли – все, что осталось от принесенного льда, – и перехватила поудобнее вазу. Пусть не лед, но тоже потрясающе прохладная вещь. Авось и шишка решит не вылезать.

– Майя, вы меня слышите? – встревоженно поинтересовался юный наследник больших капиталов.

– Разумеется, ваша светлость, – вздохнула я. – Еще как слышу. И за дверь вас прекрасно слышно. Хотите прервать наше с вами уединение? Боюсь, охрана откажется участвовать в гастрономической оргии, которую мы с вами затеяли, и поспешит испортить праздник.

Лицо Жана покрылось красными пятнами то ли стыда, то ли гнева. Я ставила на последнее, но кто разберет этих лордов.

– Ваша светлость, – негромко начала я, – это, конечно, прекрасно, вы почетный член общества шпажистов двора и, добравшись до шпаги, сможете всем это доказать, но вы упустили одну немаловажную деталь в своем плане.

– Какую?

Юноша нахмурился. Ему казалось, план был идеален.

– Ни у меня, ни у вас, ни даже у охраны в доме нет шпаг. А сможете ли вы проделать все то, что обещаете, двуручным мечом или сковородой, раздобыть кои реальнее?..

– Не смогу. – По лицу виконта пошли маршем желваки. – Но неужели в этом доме нет ни одной шпаги?

Я вздохнула и развела рукой. Вторая продолжала держать вазу.

– Возможно, и есть. – И, не давая собеседнику времени на раздумья, добавила: – Но мы искать не будем. Лучше возьмите вот эту вазу, – я протянула юноше уже изрядно потеплевший предмет интерьера. – Ею вы орудуете не хуже.

Жан смутился. А я поднялась, проверяя, не закружится ли мир. Пронесло. Стены устояли, еда в лицо не бросилась. Прошло. А могла и застрять до вечера.

Впрочем, сомнений, что куковать придется до ночи, не было. Проскользнуть в чужие охраняемые покои всегда проще, чем покинуть их. Страже на дверях платят за пленников внутри, и, если нужный среди прочих окажется, вряд ли лорд сильно огорчится прибавке.

– Миледи, я рад, что вы столь высоко оценили мои успехи...

Я заподозрила неладное еще на третьем слове. Неужели его светлость настолько пришел в себя, что решил-таки поинтересоваться, что я вообще забыла в его покоях, еще и в виде, больше подходящем для брачной подставы, чем для спасения попавших в беду лордов? Хотя... что он в правильном виде спасителей понимает, в свои семнадцать лет-то?

- Но что вы все-таки здесь делаете? Кто вас послал ко мне? И зачем?

Сурово сдвинутые бровки его светлости заставили меня вспомнить, что я сама выгляжу не лучшим образом, и ржа... смеяться над ближним своим – задача не для попавшей в заварушку леди.

- Я сижу, – призналась я. – И жду.

- Чего? – не понял собеседник.

- Десерта, – пояснила я и указала на накрытую трудом десятка слуг полянку. – Суп есть, салат есть, жаркое есть. Десерта нет.

- Вы не просили десерт, – обиделся парень и сердито добавил: – Вы переводите тему.

- Вовсе нет. – Я покачала головой. Чересчур активно, ибо перед глазами потемнело. – Это вы ее переводите. А я сижу и жду.

- Чего?

- В данный момент – пока пройдут последствия ваших необдуманных действий, – напомнила я. Парень поник. Все же с воспитанными людьми работать приятно. – Посидите, подождете со мной? Может, быстрее пройдет. И тогда...

- Вы мне все расскажете? – предложил Жан.

- Нет, мы приступим к десерту, – разбила я в пух и прах его мечты. – А потом я вам все расскажу. Если успею что-нибудь придумать...

Последнюю фразу я говорила тихо-тихо. Чувствовала, что расслышь ее виконт – и с десертом я могла не встретиться.

- ...И тогда граф Разетти сказал: «Иди-ка ты, Майка...»

- Меня спасти? – нетерпеливо перебил Жан мою историю.

- Примерно, – благодушно кивнула я, хотя на самом деле от Дайрина дожدهшься. Чтоб он меня отпустил кого-то спасти – прежде небеса на землю рухнут и Мамари перестанет быть злопамятной старухой. – Поэтому не расслаживаемся, собираемся. Ночь темна и полна...

- Ужасов?

- Возможностей, – нравоучительно закончила я. – Темна, потому что никто ничего не видит, и полна возможностей, которые мы будем всячески использовать. И да, не ужинай, а то потом в засаде сидеть неудобно.

- В какой засаде?

Жан соображал туго. Но что взять с потомка высокого лорда? На то они и высокие, чтоб доходило с опозданием.

- Тайной. Думаешь, нас прямо сразу и выпустят? И не придется ползти по канализации? А там крыски знаешь какие? – Я показала, какие. – Во! Зазеваешься – они за тобой увяжутся. И будешь их до скончания дней выкармливать вместо матери родной. Так что не зевай, рот не разевай и меня слушай. Скажу падай – падай. Скажу лети...

- Я еще не прошел курс левитации, – признался парень. – Только парение. Но недолгое.

- А ты на кого учишься?

Я прищурилась, понимая, что что-то упустила.

- На целителя, – гордо откликнулся Жан. А мне прямо поплохело. – Вам помочь?

- А раньше ты мне помочь не мог? Когда у меня голова после твоих художеств болела?!

– Я забыл, – виновато пробормотал парень, а я едва не расшибла своей головой давешнюю вазу. И ради этого недоразумения я подставлялась? Ребят Красса дразнила? К шефу угодила... Да его скоро Силандж сам вернет. Еще и доплатит сверху. Или главный массовик-затейник избегает своего гостя? Не удивлюсь, если именно поэтому к нам до сих пор никто не заглянул. Не считать же бедную служанку, принесшую запеченного карпа.

– Жан, – позвала я. Голос попыталась сделать подружелюбнее, но, кажется, парень не поверил. – А скажи мне, тебя за что сюда посадили? Чем ты отличился, что тебя украл и до сих пор не убили?

После тесного общения с его светлостью последнее интересовало меня особенно. Я б не выдержала и суток в компании виконта: сама бы во всем призналась и поспешила отбыть в далекие и недружелюбные места. Только бы его не видеть. Посоветовать, что ли, Дайрину нового сотрудника...

Парень пожал плечами, а у меня закрались сомнения в его искренности. Ну нельзя же быть настолько наивным! Такое чувство, что сама с собой разговариваю, когда я не лучшее впечатление пытаюсь произвести.

– Жан, плохо играешь, – серьезно заметила я. – Переигрываешь. Ты здесь сидишь не первый день, как-то в прошлый раз сумел сбежать. Лицо целое, значит, никого, кроме меня, довести не сумел. Мне поклясться, что я не работаю на Силанджа? Да лучше бы и работала: тогда бы мне за все это хоть заплатили. А от Дайрина только на орехи попадет, если я опять влезла куда не следовало.

Лицо моего собеседника подернулось неуловимой волной. В один миг вместо простецкого наивного наследника-виконта передо мной возник, полагаю, коллега, хищный оскал которого был так похож на знакомую мне улыбку. Они случайно не родственники с любимым шефом?

– Не рекомендую пытаться, – очень ласково заметил Жан.

Хотя какой он Жан? Да и маг под личиной вряд ли. Личины недолговечны и крайне энергозатратны. Чтобы столько времени притворяться другим человеком, нужно быть по меньшей мере архимагом, а таких в империи – раз-два и, по слухам, принц Магнус.

На последней мысли у меня отвисла челюсть.

– Нет, – утешил коллега, правильно истолковав охватившее меня изумление. – Его высочество давно отошел от подобных выходов. Розги порой оказывают эпохальное воздействие на подрастающих магов. Складывается впечатление, что вас с ними не знакомили, – предположил собеседник.

– Знакомили, – вздохнула я и не удержалась от похвалы: – После этого знакомства ни одного прутика в радиусе пятисот шагов не осталось, а пока слуги бежали дальше, учителя успевали остыть.

– А как же деревья? – вздернул брови маг, возвращая себе личину.

– Их еще раньше не стало. Однажды директор решил наказать неинициированного огненного мага...

Я многозначительно замолчала. Распространяться о сем факте своей биографии Райд не любил. Да и директора выставить полным идиотом... Но кто ж знал, что он даже не заглядывал в личные дела учеников, как, впрочем, и экономил на полноценном магическом осмотре. Знатно вспыхнуло, хорошо еще, по соседству водник жил: обошлось без лишних жертв.

– Полагаю, мерами безопасности он пренебрег, – проговорил «Жан» задумчиво. – А не подскажете, в каком году это случилось?

– Не подскажу, – отрицательно качнула головой я.

– Что ж, полагаю, я и сам выясню, – пожал плечами волшебник, поднялся и подошел к окну. В отличие от моих покоев, здесь на иллюзию поскупились, отчего мы прекрасно

видели, как снуют по двору поисковые чары, а красный от ярости Красс выговаривает своей команде.

– Вас здесь не найдут, – утешил меня маг. – Я заблокировал поиск.

– Разве вас не проверили на дар? – задала я мучивший меня вопрос.

– Проверили, разумеется. Но что вы знаете о магии, невоспитанное дитя? – Тон, каким это было сказано, заставил меня покраснеть. Хотя, по-хорошему, мне стоило смеяться: так контрастировали слова собеседника и внешность Жана.

– Базовый и углубленный курс вскрытия охранных амулетов, низкоуровневые щиты со временем полного исчезновения следа до пяти минут, высокоуровневые базовые боевые чары, – принялась я перечислять свои навыки.

– На теорию магии времени не осталось, – заключил собеседник. Я виновато кивнула. – Более слабый маг не сможет обнаружить превосходящего его в силе коллегу, как и собственноручно созданный артефакт никогда не предаст создателя.

Я прикусила язык, чтобы не выругаться от пришедшей на ум нехорошей догадки. Постоянная личина, артефакты, благоразумно помалкивающие об истинной силе проверяемого мага... Раз уж его высочество по-прежнему не отличается дурью и подставляться не желает... Мне только придворного архимага, главы Академии Магических Проявлений или магистра Кронстанда не хватало. Тут уж не знаешь, кого выбрать, все хороши! Когда спят зубами к стенке где-нибудь на острове Вирхейм, единственном месте, где магия отказывается работать напрочь, превращая могущественных чародеев в обычных брюзжащих стариков. Правда, не всех. Магистр Кронстанд, по слухам, не старше сорока, без магии развалиться пока не должен.

Я с тревогой покосилась на собеседника, пытаюсь угадать, с кем свел Дадари. В случае необходимости Дайрин мог привлечь кого угодно. Все сильные маги давали клятву служить и защищать империю и ее столпы.

– Даже знать не хочу, сколько вам за все это заплатят, – хмуро сообщила я, понимая, что кого-то гонораром не обделят.

– Нисколько, – успокоил меня чародей. – Семья превыше всего.

– Императорская? – хмыкнула я.

– Разумеется, – усмехнулся собеседник, наградив меня снисходительным взглядом.

Я тряхнула головой, не желая углубляться в геральдику. Никто из сильнейших магов, кроме принца, не хвастался своей генеалогией. Загадка...

– Майя, – внезапно обратился ко мне маг, отступая от окна. – Заранее прошу меня извинить, но вам придется некоторое время провести без движения. Вы справитесь?

– Под кровать? – оглядев комнату, уточнила я. – Или в шкаф?

– Где вам будет удобнее, – предоставил мне свободу выбора собеседник. – И поторопитесь.

Я кивнула и опустилась на пол. Перекатилась под кровать, с удовольствием отметив, что пол недавно мыли. Сверху одернули покрывало, напоследок наградив меня задумчивым взглядом.

– Чары излишни, – торопливо предупредила я, пока мужчина не решил обездвижить меня превентивными мерами. Но, кажется, в мое благоразумие поверили.

Звуки оповестили меня об уборке. Видно, тарелки на полу не соответствовали имиджу пропавшего в недрах канцелярии Жана, либо маг просто не хотел, чтобы слуги из любопытства заглянули под кровать в поисках посуды. Бывают и такие люди, чье расторопное поведение отправляло в казематы неопытных воров либо, что случалось еще чаще, отнимало большую часть заработка, ибо жалованье слуги не входило в список самых доходных. Правда, не во всех домах.

– Не передумал? – Дверь открылась бесшумно, отчего внезапно прозвучавший хрипловатый голос едва не заставил меня нарушить конспирацию. Обошлось, разве что пострадал прикушенный от неожиданности язык.

– Нет, ваша светлость, – муки в голосе лже-Жана было ровно столько, чтобы заинтересованный слушатель не разочаровался в игре собеседника. – Вам не удастся меня убе...

Договорить маг либо не захотел, либо не успел. Зато матрас надо мной прогнулся, принимая немаленький вес решившего передохнуть мужчины.

– Клент, приступай, – распорядился, судя по обращению, герцог. – Можешь не церемониться. Жить мальчишке осталось недолго.

– Вы уверены?

Я мысленно выругалась. Не узнать голос моего любимого надзирателя спустя столько проведенных наедине минут... Маджери, что ты тут забыл? Впрочем, не буду лукавить, избавиться от секретаря Дайрина я бы не отказалась, а тут он сам на плаху шагает. Если, конечно, будет кому его заложить. Но ради такого случая я всем богам на подношение разорюсь.

– Уже поздно что-либо менять.

– Майю вы не нашли? – осведомился Маджери. До моих ушей донеслось неприятное хлюпанье. – Она способна доставить проблем.

– Можешь избавиться от нее при случае. После всего, что ты о ней поведал, едва ли кто-то усомнится, что за щедрое вознаграждение она не предаст прежнего нанимателя.

Я поморщилась. Как раз нанимателя, с которым заключен контракт, не принято кидать без веских причин, угрожающих здоровью исполнителя. Другое дело, что между мной и Дайрином контракта не было, следовательно, я была вольна заниматься чем угодно.

– Это будет дороже. На слово его светлость не поверит даже мне.

– Я дам доступ к счету. Переведешь сколько потребуется. Но получить их никто не должен.

– Даже я?

– Ты получишь больше.

– И титул, – напомнил Маджери, цокая от усердия. – От Красса избавьтесь сами. Ни к чему вам пятнаться связью с его ребятами. Но прежде – пусть еще раз обыщут дом. Все комнаты. Майя где-то здесь. Периметр не потревожен, посторонние не покидали его пределы. Слуги связаны клятвой, Красс – контрактом. Никто не стал бы помогать этой твари.

– Столько эмоций, – заметил герцог.

– Наши чувства взаимны, – заверил собеседника Маджери, и здесь я была полностью согласна с предателем.

– Они с Райдом должны были исчезнуть уже давно, но каждый раз выкарабкивались. Пришлось рискнуть, чтобы узнать, где она пряталась, и уговорить Разетти туда отправиться. Граф предпочитает не покидать столицы без нужды.

– Тем не менее тебе удалось его убедить, – отметил Авалийский.

– Удалось, – хмыкнул Маджери. – Мне объявили благодарность и навесили дополнительной работы. Контролировать сумасшедшую девицу без воспитания, зато с неограниченным набором подлых трюков. А наказать ее мог лишь граф, который, впрочем, не торопился. Да и его высочество не оправдал ожиданий.

– Скорее – его величество, – хмыкнул герцог. – Альран была чудо как хороша, ее дочь не унаследовала и половины ее красоты.

– Вам виднее, – сухо согласился Маджери. – Не имел чести видеть эту особу, и нет никакого желания знакомиться.

– Придется – познакомишься, – заверил собеседника герцог, разворачиваясь на каблуках. – Заканчивай здесь. До бала осталось меньше получаса.

– Через пять минут я присоединюсь к вам, – заверил Маджери. На пол, недалеко от его сапог, капнула багровая капля. – Пусть здесь приберутся. Вещи – сжечь.

Герцог не ответил. Точнее, мне из-под кровати не был виден его ответ. Впрочем, едва ли его светлость сам не понимал необходимости тотальной чистки. По-хорошему, чтобы замести следы раз и навсегда, вся комната должна выгореть дотла. Пойдет ли на это герцог? Зависит от того, что стоит на кону.

– Не дергайся, – тихо предупредил Маджери. В поле моего зрения возникли бледные пальцы мага. – Неосмотрительно с вашей стороны, магистр, снимать с себя всякую защиту. Отличная работа. Жаль, последняя в вашей жизни. – Матрас скрипнул. – Не пытайтесь. Яд уже вошел в вашу кровь. Какая жалость, будь вы обычным человеком, даже не заметили бы его. Но маги бессильны против зелья Карлана. Чем сильнее маг, тем быстрее он умирает. А вы сильны, магистр. Прощайте.

Бесшумно, что раньше было ему совсем не свойственно, Маджери покинул комнату.

Плюнув на конспирацию, я выкатилась из-под кровати и торопливо поднялась на ноги. Карлан был гениальным человеком: не магом, но искусным отравителем. Больше всего на свете он желал уравнивать магов с обычными людьми. И на пути достижения этого «равенства» не пожалел даже собственного племянника, коему не повезло родиться одаренным и попасть под опеку дядюшки.

Впрочем, парень тоже сумел прославиться. Слабый маг, он желал выбраться из ставшего ему тюрьмой родового поместья. И смог. Не в силах противостоять дяде, проклиная собственный дар, он избавился от силы, передав ее... своему собственному дяде. Едва ли последний был счастлив (он в тот момент как раз доказывал соратникам безопасность своего открытия для обычных людей), но от карающей длани богов так просто не уйти. А жалоб на Карлана успело накопиться... В общем, как и положено близким людям, умерли дядя и племянник в один день. Карлан – на банкете (боги решили прибавить дяденьке силы, чтоб уж наверняка сработало), а племянник едва выполз за ворота.

Мы с магистром в кровной связи не состояли, да и оба обладали силой. Поэтому, замерев над лже-Жаном, иллюзия которого начала разрушаться, я хаотично вспоминала, как можно избавиться мага от силы надежно, быстро и без последствий для себя. Все же альтруистом я не была: смерть во цвете лет ради неизвестно кого мне претила.

– Уходи, – сквозь зубы процедил магистр.

– Угу, – многозначительно откликнулась я. Боги, ну вот что прикажете делать? Паркет предательски блеснул, мое отражение пошло рябью, превращая привычные черты в тоже привычные, но не сулящие ничего хорошего для холостого статуса мага. Маленькую рожицу Мамари исказила довольная гримаса. – Вот так, значит? – Я поморщилась и еще раз взглянула на магистра, на лбу которого выступили уже ничем не прикрытые капли пота. – Магистр, а вы богаты? – хмуро уточнила я. Мало ли, спасти не удастся.

– Не... жалуюсь.

– А женаты?

Магистр закатил глаза то ли от неуместности вопроса, то ли ему просто плохо стало.

– Нет...

– Уже почти да, – мученически заявила я и села на край кровати. – Как насчет поделиться силой с будущей женой? А впрочем, выбора у вас все равно нет. – Я вздохнула и резко провела сформировавшимся в руке воздушным ножом по запястью. Хлынула теплая кровь, закапала слегка простынь и попала в рану умирающего мага. Да уж, не так я свадьбу представляла. – Благослови, Мамари, раз уж все равно тут

ошиваешься.

Рожица на паркете скривилась, но по нашим запястьям пробежали искры, залечивая разрезы и расцветивая брачным узором. Большим и красивым, чтоб ее демоны драли. Сколько ж придется потратить, чтоб свести!

– Супруг, отдавай долг, – хрипло напомнила я и, пользуясь сформировавшейся связью, ополовинила резервы мужа. – Не жадничай, – заявила я и хапнула еще. Мужчина на кровати застонал. То ли от благодарности, то ли от моей наглости. – Так не пойдет. Мамари, он долги не отдает. Мне весь его дар нужен. И раз ты так ему благоволишь, что на подлог пошла, женив нас в обход желания супруга, давай помогай, ради твоего желания стараюсь. Вдовами уже не ты заведешь, да и состояние у него, сказал, неплохое. Лакомый кусочек для Карата, не находишь? Мне ему помол...

Договорить мне не дали, обрушив на неподготовленную мою головушку такой поток чистой силы, что я рухнула прямо на новоиспеченного супруга. Перед глазами – нет, не потемнело – взорвалось солнце, да не один раз. Кажется, я ослепла, не в силах отвести взгляд. Увы, едва ли это бы помогло.

И боль... боль пронзала каждую клеточку многострадального тела, отдувавшегося за тщеславие хозяйки. Не из гуманизма же мы грабанули магистра на всю его силу, так ведь? Узнают – засмеют.

Я глухо застонала, закусывая чужую рубашку и впиваясь ногтями в покрывало.

– Потерпи еще немного, – донеслось сквозь мои стоны. – Пара минут, и ты адаптируешься.

Я промолчала, закусывая своеобразный кляп, чтобы не орать на весь дом. И так времени в обрез. Слуги здесь пусть и нерасторопны, как у Разетти, но совсем от обязанностей не бегают.

С трудом разжав пальцы, я скатилась с мага, практически удачно встав на ноги. Пол при этом нехорошо приблизился, но это мелочи. Магистр, сориентировавшийся быстрее, успел перехватить меня в паре сантиметров от паркета.

– Лучше? – тихо осведомился он, придерживая меня за талию.

– Если бы, – выдохнула я, пытаюсь сосредоточиться и разогнать рябь перед глазами. – Но надо – значит, вздрогнули и сделали. Пора убираться отсюда.

– Создашь иллюзию? – уточнил собеседник.

Я посмотрела на него как на не слишком умного человека. Ага, иллюзию ему на коленке. А вечный щит Альфрама он не желает?

– Вероятно, нет, – хмыкнул он.

– Вы очень догадливы, – прошипела я, прикладывая ладонь ко лбу и констатируя повышение температуры.

– Постэффекты при передаче силы длятся до пары месяцев, но чем дальше, тем проще их терпеть.

– Большой опыт? – съехидничала я, пытаюсь хоть так отвлечься от неприятных ощущений.

– Немаленький, – хмыкнул мужчина, а я наконец смогла выцепить из сверкающей ряби дверь. – Не вырывайся, проблемы с координацией – одни из основных, – сообщили мне, а после подхватили на руки и понесли. – Не хотелось бы, чтобы моя новоявленная жена упала с лестницы и навсегда лишила меня дара. Как накладывается стазис, знаешь? – Я кивнула. – Тогда готовь его. Пускать будешь по команде, – распорядился мужчина и совсем уж по-варварски перекинул мое брненное тело через плечо. Как мешок картошки. Развод, определенно развод.

Выбраться из поместья в отсутствие хозяев оказалось не слишком тяжело. Вспыхнувший

в одной из комнат (не будем уточнять, в какой именно) пожар отвлек внимание на себя, а ребята Красса удивительным образом оказались где-то заняты. На мгновение мне даже стало их жаль, но лишь на мгновение. Профессии у нас были одинаково опасные и требовали вдумчивого выбора. Заказчика и путей отхода. И, по-хорошему, у моих коллег должен был иметься план на случай предательства нанимателя. Не зря во всех типовых договорах отдельно оговаривался вариант об отказе от обязательств по причине подлой натуры заказчика.

За спиной громыхнуло. Не иначе обрушилась крыша. Приближающийся лязг, а также скрип заржавевших рессор оповестили, что по проторенной дорожке подальше от поместья двинулся не самый новый экипаж. Речь в лучших традициях дешевого кабака изящно продемонстрировала, кому выпала роль тягловой силы. Плохо Маджери работает, неаккуратно. Либо слишком хорошо, но не на герцога.

Последняя мысль мелькала у меня не впервые.

– Пропустим страждущих, – прошипела я.

Быстро поняв, что положение мешка – не предел моих мечтаний, я приняла некоторые не слишком гигиеничные меры, чтобы перебраться на спину бывшему магу, и теперь держалась практически самостоятельно. Впрочем, норм приличия мы не нарушали: муж имел моральное право придерживать супругу за бедра в процессе таскания оной на спине. По весьма понятным причинам сест в прямом смысле новоявленному мужу на шею не представлялось возможным.

– Все для вас, миледи, – хмыкнул магистр, сходя с дорожки. Мне пришлось пригнуться, чтобы разросшийся без контрабандистов лес не лишил меня глаз.

Мимо на всей доступной людям скорости пронеслась запряженная четверкой крассовцев карета. Судя по отсутствию среди тягловой силы самого Красса, он пребывал либо без сил, либо без жизни. Но ставить на последнее я бы не рискнула: проигравшие ставки не возвращались, а денежки и мне лишними не будут.

– Как думаете, – задумчиво начала я, – откуда нас Дайрин подхватит?

– Не стоит сомневаться в силах его светлости.

– И то верно. Сомневающиеся долго не живут, – пробормотала я себе под нос и, обхватив собеседника покрепче, выдохнула: – *Танис Эртан Дайрин, ларге.*

Не знаю, сидел ли граф в засаде, но нас буквально втащило в переход. Правда, желание шефа увидеть нерадивых подчиненных было настолько сильным, что на ковер перед ним мы не вышли, а выпали.

– Живая, – с облегчением выдохнули у меня над головой. Я хмыкнула и попыталась выбраться из-под свалившегося на меня мага. Все же делить одиночные порталы на двоих – удовольствие ниже среднего.

– И пинается, – чересчур бодро для бывшего умирающего ответил маг, скатываясь с меня и занимая вертикальное положение.

Меня поднимать, между тем, он не стал. Предатель!

Впрочем, его произвол быстро исправили. Любимый бывший шеф (особенно когда пахнет вкусно и на ручки берет) наклонился и сам поднял меня. Аккуратно придержал, давая время привыкнуть к вертикальному положению.

– Не отпускай, – посоветовал бывший маг. – Она силы хватанула, а как это влияет, сам знаешь.

– Докладывай, – распорядился Дайрин, обнимая меня за талию. И отчего-то так хорошо стало, словно и не было кошмарного дня с прятками и вампиризмом.

Перед глазами поплыло, как перед обмороком или наведенным сном. А вот нетушки. Злобно зыркнув, я прикусила губу, снимая наваждение проверенным дедовским способом. По подбородку потекло.

- Зачем? – устало осведомился мужчина. Одна рука разжалась, но практически тут же появилась в поле моего зрения с зажатым носовым платком. – Я бы залечил, но пока лучше воздержаться от применения к тебе магии. Даже перенос был не лучшим решением.

- Не пришлось пешком идти, – со второй попытки перехватив платок, заспорила я.

- Позже обсудим, – отмахнулся Дайрин. – Шаерин, – требовательно обратился к «Жану» граф.

Внимательно наблюдавший за нами маг хмыкнул.

- Ты лапаешь мою жену, – ехидно заметил магистр и, посерьезнев, добавил: – Маджери ведет свою игру. В распоряжении герцога нет императорской крови, но сообщать ему об этом Арьяс не стал. Зато испробовал на мне зелье Карлана. Предлагать противоядие не стал и условий не выдвигал, так что я должен быть благодарен твоей подопечной за решительные матримониальные действия. Забрала всю мою силу, и куда только влезло столько?

- Мамари благодарите, – скривилась я, уязвленная не слишком лестным отзывом. – Злопамятная стерва, а на мне и так прегрешений больше, чем даров на День восшествия. Граф, не окажете услугу?

Дайрин помрачнел и отрицательно качнул головой.

- Браки, заключенные при посредничестве богов, расторгаются ими же.

- То есть просто подать заявление не выйдет? – уточнила я, размышляя, не сделаться ли вдовой. Профиль, конечно, не мой, но как аргумент должен прокатить. Не станет же Мамари упираться, если на кону будет жизнь ее подшефного?

Я с подозрением уставилась на бывшего мага. Или женатый он больше не представляет ценности для богини, рушащей жизни приятным и не очень способом?

- Мы решим эту проблему, – пообещал любимый шеф. – Что-нибудь еще прояснилось?

- Кроме Арьяса – ничего нового. Он в состоянии создать нам проблемы?

- Да, – кратко ответил Дайрин. – Свяжись с Тарленом и предупреди Салжара. Жду обоих через пять минут на нижнем уровне. И покажись Аскелиру, он сейчас во дворце, ужинает с его величеством. После Карлана бывают последствия.

- Сам знаю, – поморщился бывший маг и подмигнул мне: – Не прощаюсь, малышка. Нам предстоит еще много совместной работы.

- Иди, – поторопил обнаглевшего недомага шеф.

Я медленно выдохнула, успокаиваясь. Гнев не приводит ни к чему хорошему, как и желание избежать лишних трупов. Говорили мне умные люди: погубит меня моя доброта и хорошая репутация. Райд и тот успел где-то подмочить.

Шаерин хмыкнул и, помахав на прощание рукой, спиной вперед покинул комнату. Это он правильно – поворачиваться к нашему брату тылом не стоит, а сил на щиты и защиту от мелких пакостей у него не осталось. Вся моя теперь.

Стоило посторонним оставить нас наедине, Дайрин крепче прижал меня к себе. Я попыталась пнуть его, намекая, что границы нужно соблюдать, но была вынуждена капитулировать, услышав просительное:

- Постой так еще немного.

- Это неудобно, – заметила я.

- И помолчи, – дополнил свое пожелание самый невозможный мужчина.

Оскорбленная в лучших чувствах, я брыкнулась. Он себе такого не позволял, даже когда мы по Разару гуляли под луной. Тогда он был мил и вежлив, хоть и пытался

подтрунивать над моей не слишком удачной для свиданий ролью. Ныне же всю злоупотреблял служебным положением и моим состоянием.

– Подаю жалобу императору, – пригрозила я. – Пусть рассмотрит поведение своего служащего и укажет на недопустимость приставаний к подследственным и осужденным.

– Ты не относишься ни к одной из категорий, – усмехнулся Дайрин, щекоча мне ухо теплым дыханием. – А иметь близкие отношения с иностранными гражданами, входящими в верха, весьма предусмотрительно с моей стороны.

– С вашей стороны весьма предосудительно тратить время на флирт, когда ваш же секретарь пытается проверить, что за вашей спиной, которую вы сейчас оставили без прикрытия, – заметила я. – К тому же приставать к чужой жене претит вашему воспитанию и убеждениям.

– Ты получишь развод, – пообещал мне бывший шеф.

Судя по тону, в самое ближайшее время.

– Нужен ли он мне, – из духа противоречия фыркнула я. – Наследство после развода не причитается.

– Даже не пытайся. – Меня развернули и погрозили пальцем. – И так из-за тебя Маджери перешел на темную сторону.

– Не доказано. К тому же мы с ним практически не общались, в то время как, будучи вашим секретарем, он ежедневно находился с вами в тесном контакте. Поэтому целесообразнее винить вас, чем меня. К тому же сами посудите: именно вокруг вас происходит больше всего преступлений. Не карма ли это?

– Работа, – убежденно отрезал Дайрин. Его взгляд скользнул на часы. – Придворные уже начали собираться.

– Могу посидеть здесь, – предложила, пока в голову его светлости не пришло ничего более экстравагантного. – Стол уцелеет.

Он недоверчиво вздернул брови. Еще бы, добиться от меня гарантий – этого без контракта никто не ожидал.

– По крайней мере, если он и падет, то не от моей руки, – уточнила я и заметила, как дрогнули сжатые губы собеседника. – Я бы с удовольствием составила компанию или влезла в бальный зал через окно, но сейчас немного не в состоянии. Поэтому не были бы вы столь любезны...

Я печально вздохнула и просительно взглянула на собеседника, а после – на диван. Последний оказался на редкость мягким. Не чета тем, что имелись в управлении. Впрочем, там и функции у рядовой мебели были иные: даже сотрудники не рисковали без необходимости и мягкой подушечки садиться на стесанные сотнями гостей сиденья.

Впрочем, всегда можно воспользоваться ковром, если иметь хоть грамм фантазии. В конце концов, если бы ковер не отличался чистотой, его никто не стелил бы в кабинете у начальства.

Дайрин уходил медленно. То и дело косился в мою сторону, но я продолжала лежать на диване, изучая потолок. Ничего нового: белый, с лепниной, ни пятнышка копоти. Убирались во дворце не в пример лучше, чем в управлении или в доме Дайрина. Впрочем, если бы император появлялся в собственном доме так же редко, как его подчиненный во времена моего проживания там... Словно нарочно у шефа находились дела, требовавшие его присутствия где угодно, лишь бы не дома. Знал бы он, как подобное пренебрежение меня бесило! Даже больше, чем намеки на спальню.

Спохватившись, что давно не слышу чужого дыхания, я резко села. Черные мушки радостно бросились ко мне, но были остановлены простейшими целительскими чарами. Простейшими они, правда, были лишь для магов с колоссальным резервом, но как не злоупотребить, если нашлось чем.

Довольно потирая ручки, я поднялась на ноги, с досадой осознавая, что и Дайрин, и сам Шаерин могли подсказать, как улучшить мое самочувствие, но не пожелали этого делать. Неужели всерьез думали, что какая-то рассинхронизация конечностей сможет заставить меня не лезть на рожон или, на худой конец, в первые ряды зрителей? Нет уж, не для того я зубы на Маджери точила! Как чувствовала, что рыльце у него не только в юношеской щетине. Поддельной, как мне казалось теперь. Недаром главный подпольный зельевар столицы так усмеялся, глядя на мое вытянувшееся лицо. А вытянулось оно не просто так: узрев под колбой с зельем «Прелести пубертата» пометку «хит продаж», я чуть не задохнулась сначала от смеха, а после от осознания, сколько в столице извращенцев, скучающих по прыщам, тонкой неравномерной щетинке и прыгающему настроению, чтоб Кларстон на товар «хит» повесил.

Впрочем, если зелье закупало одно заинтересованное лицо, не обделенное возможностями... Это что же получается? Прыщавый и писклявый Арьяс вовсе не прыщавый и не писклявый? Нехорошо, половина моих придилок мимо. А чтобы новые придумать – надо его хотя бы увидеть в истинном облики. А что для этого нужно?

Я облизнула пересохшие губы. Надеюсь, лорд Аскелир занят и вообще незлопамятен! Хотя кого я обманываю...

Безбожно используя практически совместно нажитое, но ныне только мое имущество в виде уникального магического резерва, я не сэкономила, развернувшись как могла. Да и кто бы удержался?! Легкие, воздушные, сильнейшие магические плетения, о которых ранее мне даже мечтать не стоило, замирали вокруг меня, обещая защиту от всего и намекая, что развод и раздел имущества едва ли стоят того, чтобы отказываться от привалившего счастья. И вот почему кому-то достается подобное богатство, а кому-то и жизни не хватит, чтоб столько накопить? Разве что после череды запрещенных и крайне сомнительных с этической стороны ритуалов.

Не встретив сопротивления (меня попросту никто не заметил – да здравствует закон об иерархичности магических плетений), я бодро шагала по коридорам дворца. Порой, правда, мой бодрый шаг замирал, давая возможность полюбоваться невиданными ранее плетениями. Но в целом никто и ничто не мешало мне получать удовольствие от процесса.

План дворца еще не успел стереться из моей памяти, а его составитель работал на совесть. Посему я верила, что тремя этажами ниже обязательно найдется лаборатория лорда Аскелира для экстренных случаев. Мало ли, его величество сляжет с расстройством желудка, а целителям ниже уровнем и без соответствующих клятв канцелярия не доверит хрупкое здоровье монарха. Не верится? Что ж, тогда, предположим, нужного яда не окажется, а устранить ретивого подданного нужно будет быстро и во дворце, пока он еще не уехал на острова и доступен для канцелярии? Такая версия лучше? Зато первая – правильная!

Донесшийся гул оповестил о скором начале представления. Если, конечно, Маджери не решит пожертвовать эффективностью ради более высоких шансов на успех. Теоретически, во время бала следовало избавиться от герцога, подставив его нехорошим образом, а уже после, когда страсти улягутся, творить, что угодно замыслу.

Я вздохнула и съехала по мраморным перилам одной из лестниц. Не центральной, но достаточно доступной, чтобы не скупиться на материалы. Впрочем, предположение оказалось поспешным: острый угол я умудрилась найти и тут. С противным треском рвущихся ниток я соскочила на ступеньку и, выругавшись, внесла коррективы в маршрут. Надеюсь, у служанок во дворце имеется больше двух форменных платьев.

Хоть в чем-то Дадари снизошел до меня: прошерстив три комнаты, я обнаружила практически чистое зеленое платье. Если бы не большое, ничем не выводимое винное пятно на груди, напротив сердца, было бы вообще идеально. Но бытовая магия настолько энергозатратна и порой бесполезна, что я не стала рисковать и тратить время попусту. В конце концов, под тем слоем маскировочных чар, что я на себя наложила, никто не должен увидеть. А кто увидит – ну, с теми придется серьезно поговорить. Или с их вещами в отсутствие хозяев. Пусть только повод дадут, а возможности у меня теперь... О-го-го.

Главное, не попасться и вспомнить, что мне известно о поимке высокоуровневых магов.

На чем они попадались? К сожалению, не обладая с рождения особенным даром и работая над улучшением собственных возможностей, я как-то упустила этот вопрос, предпочитая более насущные.

Словно специально, стоило подумать над насущными проблемами, как коридор неожиданно кончился. Хотя на плане заказчика здесь значилось еще с полсотни метров, плавно уходящих вниз, на уровень первого этажа, а там – и того ниже. На деле же имелась стена, которую я не преминула простучать. И даже попрыгать на каждой плиточке. Увы, земля не разверзлась, как бы мне этого ни хотелось.

– Так и вижу, как самый мрачный лорд империи прыгает на одной ноге на потеху публики, – пробормотала я себе под нос и опустилась на пол. Если проблема не решается стоя, всегда есть шанс, что сможешь решить ее из другого положения.

Увы, ни стоя, ни сидя, ни лежа гениальные мысли не пожелали меня посещать. Зато злость на собственную уязвимость – легко. Раздраженно стукнув по одной из плиток, я задумчиво взглянула на свою ладонь, а потом обратно. Хмыкнула и отступила на пару шагов, вновь присела и сравнила плитки. Практически идентичные. Практически!

Отбежав подальше, я вновь опустилась на колени, и вот тут уже контраст был заметнее. Целых полпальца разницы. И куда же они столько дели? Оглянувшись, я отметила длинный коридор, оценить размеры которого не смог бы даже самый выдающийся живописец. Впрочем, последний мог приложить свои заляпанные краской пальцы к созданию этого произведения маскировочного искусства. И если принять за рабочую версию, что продолжение коридора существует, а плитку во дворец не случайно завезли идентичную во всем, кроме размера...

Я еще раз обвела внимательным взглядом коридор. Все должно быть легче, чем кажется. Из-за обилия магии порталы во дворце приживались слабо, и выводить их в коридоры никто бы не стал. Значит, проход обычный. Осталось лишь найти его.

И я начала прощупывать стены, лапать картины и пытаться свинтить шишечки с подсвечников. Последние свинчивались с большой неохотой, зато приятно тяготили карманы. Наконец мне повезло. Впрочем, тяжело назвать везением резкий поворот одного из холстов и выпадение меня любимой на каменный пол еще одного, параллельного коридора. И если в его публичном аналоге имелось неплохое освещение, то здесь на артефактах явно сэкономили.

Кромешная тьма приняла меня в свои объятия. Сквозняк донес сырой воздух с нотками гниения. «Серьезно?» – захотелось крикнуть. Не хватает еще костлявых пальцев, вцепившихся в лодыжку, и завываний о тщете всего сущего.

Только подумала – и тут же получила.

– Фэд фуорд начмериес индас, – недовольно буркнула я, закрывая глаза. Благо с энергозатратами считаться не приходилось. Простейшее, развенчивающее наведенные кошмары заклятие мгновенно изменило тьму на яркий стерильный свет, пробивавшийся даже сквозь закрытые веки. Одно плохо – пока я использовала чары лишь на себе, они не тревожили общий фон дворца и не фиксировались. Ныне же я развеяла чью-то магию, и ее хозяин, если, конечно, не дурак, почувствует откат. Следовательно, времени до встречи с лордом Аскелиром либо кем-то из его доверенных лиц оставалось немного.

Словно вторя моим мыслям, свет потускнел, а артефакты начали транслировать шорох чужих шагов.

Я хмыкнула и неторопливо, заглядывая в каждую из комнат, двинулась дальше по коридору. Дайрина о моем дурном поведении все равно уведомят, зато зельями разживусь. Если повезет, то такими, какие ни на одном суде озвучивать не станут. Закон же для всех един, верно?

Прежде чем мое занимательное путешествие прервали, я успела обнести половину ящичков в дальней лаборатории и поджечь горелку. Увы, все хранившееся здесь было до противного ценным в долгосрочной перспективе и абсолютно бесполезным – для мгновенного использования. Разве что небольшие, с гречневое зерно, капсулы.

Подумав, я взяла одну и сунула в рот, в один из зубов. Дорогую стоили услуги целителя, но теперь ни одна из вложенных в остатки зуба капсул самовольно не могла покинуть импровизированную клетку. Теперь главное – вовремя выплюнуть отраву, пока оболочка не растаяла, иначе придется попрощаться с долгой жизнью при любом из раскладов.

– И как вы этим будете обходиться, если что-то действительно случится? – спросила я, уловив изменение в напряженности магического поля. С моими новыми возможностями это происходило практически мгновенно и не требовало никаких действий с моей стороны.

– Ничто не случается без веской причины, – хрипло ответили мне.

Голос был незнакомый, но время, когда бы я могла посмотреть на новоприбывшего, истекло вместе с закипевшим отваром, требовавшим мгновенного охлаждения. Я прямо видела, с каким неодобрением собеседник следит за моими телодвижениями.

– Аккуратнее. Кто вас вообще учил?

– Вряд ли вы их знаете, – пожала я плечами, работая щипцами. Закончив, подняла глаза на мужчину, отмечая, что слухи о красноглазости лорда Аскелира несколько не преувеличены, и добавила: – К счастью для них. Добрый вечер, ваша светлость.

– Не слишком, – не согласился со мной страх, ужас, а также мечта всех законопослушных зельеваров, стремящихся к признанию и высокой оплате труда. Да, вечно молодой и прекрасный (насколько это возможно с его экстравагантной внешностью) лорд Аскелир с излюбленно поджатыми губами и прищуренными глазами. Последние делали его похожим на выходцев степей. И если не двуногих, то ползучих и шипящих – вполне.

– Не слишком, – подтвердила я и, решив не искушать судьбу, ополовинила содержимое карманов. – Вот, возвращаю. Не извольте гневаться.

Пепельноволосый пренебрежительно вздернул бровь.

– Ладно, это тоже забирайте. – Из карманов были вытряхнуты последние не слишком нужные мне травки.

Лорд демонстративно втянул носом воздух и требовательно протянул ладонь.

– Не отдам, – отрицательно качнула головой.

– Семь лет каторги, – без всякого ехидства или сочувствия заметил мужчина, поправляя выбившуюся пепельную прядь. И как он с такой длиной зелья варит?!

– Знаю, – развела я руками и доверительно сообщила: – Мне и больше светило, так что это такая мелочь... Думаю, решим этот вопрос с графом любовно.

Я отвернулась, чтобы найти, куда перелить свое кустарное, но очень полезное зелье.

– Майя, – хмыкнул себе под нос алхимик и подсказал: – Второй ящик сверху.

– Благодарю, – кивнула я и потянулась за посудой. Уже переливая в сверхпрочный флакон, заметила: – Нас не представляли.

– Наслышан.

– Полагаю, только дурное.

– Отнюдь, – не согласился мужчина. – И зачем вам «Снятие покровов»?

– Как вы могли догадаться из названия, снимать покровы, – усмехнулась я и прищурилась, оценивающе разглядывая лорда. Всегда хотелось узнать: красноглазость лорда естественная или приобретенная? Жаль, если поддамся любопытству, для великих дел не останется. – Не проводите поближе к бальному залу? Боюсь здесь еще что-нибудь испортить.

– Только из-за этого, – милостиво кивнул Аскелир и предложил руку. Я ответила ему

укоризненным взглядом: касаться отравителя после того, как без приглашения завалилась в его святая святых, – увольте. – Я приготовлю ужин. Придете? Разумеется, если не хотите огорчить меня.

– Буду ждать приглашения, – выдала я единственное, что, собственно, могла. Увы, его светлость был в своем праве, хотя я бы предпочла головомойку от графа. – Если со мной что-то случится, Шаерин своей силы обратно не получит, – выложила я последний аргумент.

Алхимик усмехнулся.

– Я обязательно учту данный факт при составлении меню, – пообещали мне и указали в сторону выхода.

Лорд ориентировался во дворце не в пример лучше меня: ему не приходилось вспоминать, куда ведет тот или иной поворот. А еще он внаглую пользовался тайными ходами. Каких-то две минуты, и мы уже стояли на галерее. Молодой человек приятной наружности, замерший у лестницы в поклоне, старательно сделал вид, что так и должно быть: гости появляются прямо из стен и даже приглашающих не предъявляют.

– А все придворные могут так? – бросив быстрый взгляд себе за спину, где от точки выхода стационарного портала не осталось даже марева, уточнила я.

– Нет. – Судя по краткости ответа, я исчерпала лимит откровенности лорда. – Не вмешивайтесь, Майя. Вы зритель, не более.

– Конечно, – покладисто согласилась я и ручки за спиной сложила, как примерная девочка, только что сморкавшаяся в штору. Сама я подобной привычкой не обладала, но пару раз видела в дешевом трактире. Тучная подавальщица была само благочестие и невинность, когда хозяин трактира летал по заведению с тазом и грозился поувольнять всех напрочь, если еще хоть раз кто-то осквернит гардины времен его прадедушки и до сего дня не стиравшиеся. Видать, и наросты грязи были дороги владельцу как память.

Его светлость отчего-то не оценил мое рвение и, щелкнув пальцами, подозвал одного из невидимых ранее стражей. По гробовому многословию обоих я заключила, что ментальными способностями природа обделила одну меня. Райд – и тот имел слабую, но предрасположенность к телепатии. Как будто ему внешности не хватало, чтобы иметь успех у дам. Всегда знал, чего от него хотят леди.

Оставив меня на подчиненного (еще бы знать, чьего), лорд неторопливо удалился. Спустился в зал, с кем-то поздоровался, облобызал ручки двум хорошеньким леди, похожим на портрет герцогини Ифринс, и исчез за возвышением с тронном. И это все несмотря на музыкантов, всюю отрабатывающих свой гонорар. И ни одна дама не сумела увлечь высокородного кавалера на паркет!

Я вздохнула, хотела было развернуться и уйти, когда мое запястье сжал узкий браслет, а цепочка от него обмоталась вокруг перил, прижимая мою руку. И все бы ничего, но проклятый металл отрезал доступ к магии. Как будто, кроме нее, у меня оставалось хоть что-то приятное в этой... Ладно, и без нее моя жизнь была неплоха.

– Вам велели не делать глупостей, – сухо сообщил незнакомый голос.

– Я знаю. Но посещение дамской комнаты не глупость, а необходимость. Сами понимаете. – Я старательно покраснела. – Не подскажите, где она?

– Нет, – не поддался на провокацию страж.

– И вам совсем не жаль? Вы понимаете, на что меня обрекаете? – Я всхлипнула. По щеке скатилась скупая слеза, стойвшая полминуты напряженно распахнутых глаз. – Так опозориться на императорском балу... Вы губите мою жизнь! Меня уволят, меня...

– Не ломайте комедию, Майя, – пришел на помощь недрогнувшему стражу герцог Шарнес. Принесли ж демоны! – Юар, вас ожидают у второго выхода. С минуты на минуту прибудет император.

Мужчина с поклоном удалился. На слово поверил? Или опять ментальные беседы?

- Навевает воспоминания, верно?

Герцог шагнул ближе, оказываясь за моей спиной. Я же пожалела, что на мне платье служанки и совсем нет украшений. Да и каблуки у чужих туфель практически стерлись, а новые я, сопровождаемая Аскелиром, раздобыть не решилась.

На талию меж тем легла ладонь, неторопливо спустилась чуть ниже...

- Что вы делаете? - процедила я сквозь зубы. Лишенная возможности обернуться и высказать в лицо, что думаю о распускании рук, я скользила взглядом по наводнившим зал придворным.

- Пользуюсь случаем, - фыркнул мне на ушко герцог и перехватил свободное от браслета запястье. - Брачная метка? - разглядел собеседник недоступный обычному глазу рисунок. - Кому прислать соболезнования?

- Я не настолько жестока.

- Вы - нет, - усмехнулся герцог и поцеловал метку, отчего та налилась недовольным алым светом, чувствительно опалив мне кожу.

- Достаточно, - буркнула я, вырывая запястье из захвата. На удивление, мне это удалось. - Вы чересчур настойчивы для незаинтересованного лица. Лучше ответьте, что сейчас происходит у Альверанского?

- Ничего, что не могло бы не радовать.

- Кого? - уточнила я, оценив явное удовлетворение в голосе герцога.

- В первую очередь - меня. А теперь - потише, император прибыл.

Его величество, и правда, появился у трона. Следом за ним, шаг в шаг, ступал и хмурый Дайрин. Не удалось поймать Маджери, или последний сообщил что-то крайне неприятное? Не хотелось бы думать, что с неприятностями мы не разминулись.

Словно почувствовав мой взгляд, граф вскинул голову. Наши взгляды встретились, и я смутилась - столько осуждения и обреченности было направлено в мою сторону.

- Вы опять его послушались? - хмыкнул герцог, кивая другу. На лице Разетти мелькнула тень неудовольствия, но мгновение спустя исчезла. Бесстрастная маска вновь взяла свое.

- Поступила как считала нужным, - откликнулась, ощупывая освободившейся рукой ограничительный браслет и цепочку. - У вас не найдется ничего тонкого и острого?

- Откуда? - с деланым удивлением заметил герцог и протянул мне шпильку. Знакомую до ужаса, отчего по спине прошел холодок.

- Благодарю, - кивнула и постаралась сосредоточиться на единственной доступной мне работе - вскрытии замка. Увы, мысли непроизвольно скатывались на герцога. Зачем было столько хранить одну из моих рабочих шпилек? И где ему удалось получить ее? Направо-налево я свой реквизит не раздавала, теряла что-то редко, да и не воровал никто у меня. Оставался лишь тот комплект, что при аресте изъяли, но он должен храниться в канцелярии - вещдок по делу как-никак. Герцог же даже не на службе там состоит - так, друг главы. Ему бы никто не стал отдавать улики. Или стал?

Я бросила быстрый взгляд на довольного спутника. Шарнес не торопился покидать балкон, напротив, удобно облокотился на балюстраду, собрал пальцы в замок и в целом наслаждался видом. Спускаться и приветствовать императора не входило в его планы. Но зачем тогда явился?

- Ваша светлость, - позвала я, отвлекая герцога.

Юлиар перевел взгляд на меня.

- Не справляетесь?

- Не так быстро, как хотелось бы, – признала я, ковыряя миниатюрный замок.
- Не торопитесь, едва ли Дайрин хотел ставить вас под удар. Впрочем, у него нет шансов, когда вы сами упорно лезете в сундук с неисправными артефактами, верно?
- Неверно. Работать с неисправными артефактами предпочитают другие, я больше по проклятиям.
- Вы с ними близки.
- Это на что вы намекаете? – сделала вид, что обиделась, я, кося одним глазом в сторону приветствующих императора гостей. Пока ничего странного не было заметно. Вереница дам в шуршащих платьях, кавалеры в узких брюках, куда не спрячешь и монокля. Сползающие пластами иллюзии, делавшие новоприбывших сродни неудавшимся экспериментам некромантов: защита зала работала исправно.
- Вы сами проклятие. А мы с Дайрином всегда отличались похожими вкусами. Порой это полезно, порой – раздражает.
- Рада за вас, – буркнула я, чувствуя, как на плечо ложится чужая ладонь. – Но это не помешает мне слегка испортить вам настроение, – намекнула я, переступая с ноги на ногу. Пусть без каблучков, но все же.
- Попробуйте, если сумеете, – предложил Юлиар. – Никогда не знаешь, к чему приведет вражда.
- В таком случае лучше дружить, – заметила я, прислушиваясь. Противный замок отказывался срабатывать, несмотря на все мои усилия. Там этот паз вообще зачем? Для красоты?!
- Друзья еще опаснее, – не согласился со мной герцог. – Они – наши самые коварные враги. Всегда знают, когда и куда ударить, чтобы наверняка.
- Это вы о ком сейчас? – с подозрением осведомилась я.

Герцог не ответил, зато самым наглым образом забрал из моих пальцев шпильку. И я уже практически нашла, что можно позаимствовать с костюма самого аристократа, когда весь зал внизу заволочло туманом. Серым, плотным туманом алхимического (судя по запаху) происхождения. Стража, до того чинно стоявшая на балконах, бросилась вниз.

- Началось, – довольно заметил герцог, словно все было под контролем. Меня так и подмывало уточнить, под чьим, но я отчего-то прикусила язык и предпочла промолчать. – Не суетись, – снисходительно бросил мужчина, подаваясь вперед.

Я последовала его примеру, но разглядеть ничего не сумела. А тумана становилось все больше, он рос и ширился, подбираясь к балкону, целуя носы герцогских туфель... Я забралась на балюстраду, благо длина цепочки позволяла. Шарнес только усмехнулся и, чтобы не сорвалась случайно, положил руку мне на талию.

- Трусишка, – ехидно заметил он.

- Не люблю оказываться в зоне действия чужих чар, – пояснила я, забыв уточнить, что, не будь моя рука прикована к перилам, сиганула бы вмиг. Нет, не из любопытства, а из простого желания сохранить свою жизнь. Ведь никто не давал гарантий, что туман, скрывавший от нас происходящее внизу, так же плотен и непрогляден там, в зале.

Я принялась определять состав, и едва не прикусила язык в прямом смысле, когда герцог сдернул меня с перил и, прижимая к себе, оттащил за колонну. Тумана уже было по колено, но никто ничего не предпринимал. И это императорский дворец? Совсем с ума посходили? Новая кадровая политика в действии?

Я брыкнулась, но неожиданно промазала. Руки на моей талии сжались сильнее.

- Не делайте глупостей, моя дорогая, – посоветовали мне, прикасаясь губами к мочке уха.

Я дернулась, проворачиваясь в объятиях герцога, и боднула собеседника. Лоб запекло, знаменуя, что я таки очень везучая. С одного раза порезалась о пуговицы камзола собеседника.

– Дурочка. – Одна рука собеседника покинула мою талию, чтобы ухватить за подбородок и заставить посмотреть на герцога. – Специально поранилась?

Я промолчала, поджав губы. Происходящее мне коренным образом претило.

– Что ж, придется пока оставить тебя здесь. Никуда не уходи, – усмехнувшись, попросили меня. – Я скоро вернусь.

И даже не забыв о вежливости, герцог учтиво поклонился перед тем, как исчезнуть в противоположной от лестницы вниз стороне.

Я недовольно сплюнула. Кровь противно стекала, мешая сосредоточиться и напоминая о последствиях обильной кровопотери. Там уж мне все равно будет, кто брэнное тело найдет. Поэтому лучше не доводить до этого.

Пальцы крепко сжали добытую потом и кровью пуговицу. Что ж, по такой цене она просто обязана мне помочь. Мимоходом отметила, что один из краев декоративного листа чересчур острый для обычной фурнитуры. Да и действие на металл... На моих глазах ограничительный браслет начал рассыпаться в месте соприкосновения с «пуговицей».

Однако украшения у почтенных лордов. Самим бы такие купить, кто только разработал?..

Наверное, мне бы удалось навскидку выдать парочку имен, но туман добрался до середины бедра, и с ним следовало что-то делать. Нахмурилась, припоминания отработанный арсенал заклинаний, и, решив, что ученье все же нужна штука (особенно хорошо понимаешь эту простую истину, когда знаний не хватает), я во все горло крикнула:

– Ложись!

Следом ушла воздушная волна. Здание трянуло, двери сорвало с петель, парочка колонн треснула, люстра подозрительно просела, но крепление выдержало. Хух, надеюсь, покушение на императора мне не инкриминируют...

Медленно, но неумолимо туман потянуло за пределы зала. Первыми проявились звуки. Громкий плач, причитания, оглушительная ругань, стоны... И ни одного требования объясниться или угроз закрыть меня за самоуправство на сотни лет. Ничего, ни единого плохого слова в мой адрес. Дайрин словно язык проглотил. Или... его самого поглотили.

На мраморных плитах зала не было ни графа, ни императора, ни его наследника.

Выругавшись, я сиганула вниз.

– Где они стояли? – крикнула я, схватив за грудки аристократа, недоумевающего, отчего слуги позволяют себе такую дерзость. Ни один из известных мне составов не испарял людей выборочно, значит, исчезли они из-за чего-то другого. Осталось лишь вычислить, как.

– Кто? – проявил чудеса сообразительности придворный.

– Император, – буркнула я, оглядываясь.

Гости медленно приходили в себя, но это были именно гости. Ни стражи, ни представителей ведомства, ни одного из более-менее осведомленных лордов. А мне сейчас даже Аскелир был бы в помощь. Даже за второй ужин.

– Император? А разве он успел подойти? – удивленно осведомилась моя жертва. – Его величество еще не почтил нас своим вниманием. И если он увидит это... – Придворный с ужасом взирает на учиненные мною разрушения. – Нужно немедленно все исправить! Чего стоишь? Бегом за управляющим!

Я побежала к выходу. Но не за управляющим, как мог надеяться пострадавший, а в противоположную сторону – к уже известной мне лаборатории. По пути попыталась дозваться Дайрина, но безуспешно. Граф упрямо молчал.

Не выбирая заклятий, чистой силой выдрала кусок стены, разделявшей общественный коридор и вход в логово Аскелира. Если последний не успел покинуть дворец, подобный вандализм должен привлечь его внимание.

Расчет оправдался. Блондин появился за моей спиной в считанные секунды.

– Жизнь наскучила?

– Вы не исчезли, – с облегчением выдохнула я и вцепилась в опешившего от моей наглости лорда. – Вы уже были в бальном зале?

– Разумеется, – раздраженно ответил блондин. – И вы тоже. Не сошлись во взглядах с Дайрином и решили отомстить мне?

– Если бы. Вы можете связаться с императором?

– Для этого нужна веская причина, – прищурившись, напомнил мне лорд.

– Посмотрите сами, – попросила я и поймала взгляд собеседника. Минута, и носом пошла кровь, напоминание, что даже добровольное согласие на ментальное воздействие не спасало от его последствий. Особенно если доброжелатель решил считать не только кратковременную память, но и более ранние фрагменты.

– Идем, – бросил лорд и сделал попытку открыть портал. Проступившее было марево дрогнуло и сорвалось. – Догоняй.

Я едва успела разглядеть, как недовольно поджались губы лорда, прежде чем он сорвался на бег. Скорость была достойной. Настолько, что я заподозрила в лорде чемпиона по легкой атлетике. Впрочем, если задуматься о совсем уж абсурдном, его светлости могло доводиться именно таким образом спастись от жертв своих экспериментов. Либо же, по старой памяти, он решил не игнорировать физическую подготовку.

Стража, попадавшаяся нам на пути, была на редкость спокойна. Зато лицо лорда утрачивало всякое безразличие. На пороге императорских покоев он принялся, как самая настоящая ищейка, скривился, но от комментариев воздержался.

– Ваша светлость. – Стражники учтиво поклонились. Взгляда при этом они не отрывали от меня. – Девушка с вами?

– Да. Его величество покидал свои покои?

– Никак нет, – уверенно отрапортовал караул. – Ждем с минуты на минуту.

– Свободны, – кивнул им лорд. – Встретите герцога Шарнеса, передайте ему мое приглашение. Мы подождем его в компании брата.

– Будет исполнено.

– Майя?

Я торопливо шагнула вслед за его светлостью. Дождавшись, пока я окажусь внутри, мужчина плотно закрыл двери, активировав защиту.

Мне стало не по себе. Не хотелось подозревать змеиного лорда, как его порой называли, в измене. Но ведь Аскелиру покровительствовал сам император. Иначе стража не пропустила бы его в личные покои сюзерена, не поинтересовавшись целями визита и не испросив позволения у его величества.

Я с тревогой следила за перемещениями лорда по гостиной. Они не были суетливыми или нервными, напротив – казались слаженными и словно бы привычными. Мужчина перемещался быстро, но без лишних движений. То здесь, то там он касался спинки дивана или скругленного края журнального столика. У одной из картин, портрета

предыдущего императора в полный рост, даже остановился на пару мгновений. Хмыкнул и без всякого почтения взялся за раму, отодвигая картину в сторону.

Я разочарованно выдохнула: ни потайной двери, ни даже захудалой дырки в стене за портретом не обнаружилось. Я уже было совсем разочаровалась в лорде, но он успел реабилитироваться: как ни в чем не бывало шагнул прямо в стену. И на сей раз – исчез с концами. Хмыкнув, я решила в кои-то веки сначала посмотреть, куда предстояло шагать, прежде чем щупать стену собственной головой. Взглянула – и усомнилась в собственном зрении. Обычном. Поскольку магическое не могло подводить настолько. Или могло?

Сомнения разрешил сам лорд. Появившаяся из стены рука ухватила мое плечо и втянула меня в соседнюю комнату. Хорошо освещенную, без пыли и паутины. С большим круглым столом, который уже был сервирован на четыре персоны. Не хватало лишь молочного поросенка и разлитого по бокалам вина.

– Идем, – бросил мужчина, недовольный моей заминкой. И скрылся за нормальной дверью. И все наконец стало как и положено: с полумраком, скрипучими половицами, пробирающим до костей сквозняком и мрачным спутником. – Пока я не разрешу, будешь молчать, – распорядился змеиный лорд.

Я кивнула, подтверждая, что уже приступила к исполнению распоряжения.

– Открой резерв, мне понадобится больше, чем я могу себе позволить.

Помедлив, я с трудом, но придержала рванувшиеся было навстречу «пиявке» щиты. Настроение мгновенно опустилось ниже плинтуса. Желание жить, а в частности идти куда-то, улетучилось практически мгновенно. И только один вопрос бился в моей голове: какого я вообще слушаюсь змеиного лорда, как родного и любимого папочку? Не требуя объяснений и доказательств?

– Врожденный талант, – пояснил, усмехаясь, мужчина. – Передается по наследству из поколения в поколение. В отличие от ментальной магии.

Я хотела задать вопрос, даже рот открыла, но не издала ни звука. Вот, значит, как? Подкрепил просьбу магией? Прищурившись, просканировала лорда с ног до головы, словно бы на гроб, но вновь промолчала.

Маг хмыкнул.

– Клятву о неразглашении с тебя позже возьмет Дайрин, – устало, как-то слишком человечески вдруг сообщил собеседник.

А в следующее мгновение меня взяли на руки и понесли. Кажется, у окружающих это начинает входить в привычку. И я бы порадовалась, но кому я сама буду нужна без чужой силы?

– Есть оригиналы, – не сдержался мой временный носильщик и ощутимо хлопнул чуть ниже спины. Да уж, стоит быть повежливее: чем меньше оставалось во мне силы, тем лучше лорд должен быть слышать чужие мысли и влиять на них. Оставалось загадкой, почему мне вообще до сих пор способность придумывать всякие глупости не отказала?

– Не мешаешь, – пояснил лорд и нахмурился. – Минуту тишины, мне нужно их найти.

Я прикусила язык. На сей раз осознанно.

– Нашел, – самодовольно, не без вошедшего в притчи шипения сказал лорд и разом опустошил мой резерв. Не держи он меня на руках, наверняка бы упала. – Сидишь там, где оставляю. Тихо и незаметно.

Я кивнула. Чересчур резко. Перед глазами поплыло, намекая, что отсутствие силы, как и ее резкий приток, дела практически равнозначные для неподготовленного организма.

Лорд ускорил шаг, я же обратилась в слух насколько могла. Увы, в переданных нам с Райдом планах дворца не значилось ни одного из местных коридоров. Да и терзали меня сомнения, что в отсутствие лорда я и шага здесь не ступлю без неприятностей. Пусть силу мою мужчина выпил, но крупницы здравого смысла оставил. А тот буквально орал,

что вон те закорючки подозрительного багрового цвета не сулят ничего хорошего всяким «мимопроходящим». Магия крови, будь она неладна. И чем мы ближе к охраняемому ею объекту, тем она сильнее. Не удивлюсь, если незадачливые воры уже валялись бы на полу в конвульсиях, а сквозняк не то что трепал их волосы – драл с корнем.

– Практически, – подтвердил мои опасения Аскелир, остановился, прислушиваясь, и прошел сквозь стену. Со мной на руках.

В какой-то момент мне показалось, что ноги так и останутся в стене: с такой неохотой камень отпускал мои щиколотки. Обошлось, но дыхание сбилось. И не успела я его выровнять или вцепиться в лорда крепче, как он остановился и поставил меня на ноги.

«Не больше трех шагов», – раздалось у меня в голове.

Лорд кивнул и отступил назад, прямо в стену. Я хотела проводить его долгим осуждающим взглядом, но вздрогнула от раздавшегося откуда-то снизу знакомого голоса.

– Вам следует поторопиться, ваше величество, – донеслись до меня подхваченные эхом слова.

Помня о трех разрешенных шагах, я аккуратно подобралась к колонне и взглянула вниз. В центре хорошо освещенного зала стоял лично его величество. По тому, как он опирался на бортик неглубокой, но очень широкой, в человеческий рост, фонтанной чаши, создавалось впечатление, что вертикальное положение для него крайне неудобно. Скосив глаза вниз, я осознала, почему. Темные брюки прекрасно скрывали кровь, но светлый мрамор, коим был устлан пол, уже успел окраситься багровыми каплями. Впрочем, не только его величество успел поспособствовать загрязнению пола. Принц Магнус и вовсе не подавал признаков жизни, кулем распластавшись у ног связанного Дайрина. Последний был странно неподвижен, будто не вполне осознавал происходящее.

– Спешка ничего вам не даст, – устало отозвался император. – Вы не принадлежите к династии. Хранитель не признает вас, даже если все мои потомки умрут.

– Не обязательно убивать всех, – заверили его в ответ. Голос был смутно знакомым, что удивительно. Я ожидала застать здесь герцога, а увидела графа. Отчего-то мне не верилось, что старший Силандж смог бы провернуть нечто подобное. – Ваша дочь станет прекрасной партией для моего сына.

– Которая? – усмехнулся его величество, но в голосе мне послышалась нотка напряженности.

– Ее высочество Кристалин, – отрезал его собеседник. А мне даже обидно стало: стараешься, строишь из себя принцессу, а папочка возможного жениха даже всерьез не рассматривает желания сына. Какой он после этого отец?

«Никакой, верно, – хмыкнула я своим мыслям и нащупала баночку с проявителем. – Не хотелось бы влезать, но, может, и придется».

Как назло, Аскелир свое присутствие ничем не выдавал, а мне не нравился блеск обнаженного кинжала в руках «графа».

– Мне казалось, вашему сыну по душе другая моя дочь, – пытливо заметил император.

– Не тяните время. Если вам не достает решимости отдать свою кровь, я могу в этом помочь, – раздраженно предложил кто-то, скрывающийся под личиной Силанджа.

– Магия крови не терпит спешки, юноша, – заметил его величество, но опустил кисть в чашу фонтана.

Едва пальцы коснулись воды, по потревоженной глади пробежали искорки, коснулись кожи мужчины и словно бы впитались в нее. Мерцающее сияние охватило всю фигуру императора, вспыхнуло... и погасло. Только сквозь порезанную штанину продолжил пробиваться свет. Император негромко застонал. Его собеседник, напротив, с довольной

усмешкой полоснул его величество по предплечью. Горячая струйка потекла прямо в чашу.

– Так-то лучше.

– Это ничего вам не даст. Сколько бы ран вы мне ни нанесли, рядом с источником ни одна из них не продержится долго.

– Разумеется, но чем больше сил хранителя уходит на вас, тем меньше их останется для защиты дворца и его обитателей. Вы же понимаете, что будет странно, если при обрушении здания пострадают лишь те немногие, кто имеет отношение к вашей семье. Траур должен стать делом многих, никак не избранных. Иначе кто поверит в несчастный случай? – риторически спросил граф.

– Дворец устоит, – уверенно не согласился император. – Даже если здесь все рухнет...

– Вы так в нас не верите? – с деланным огорчением отозвался собеседник, любуясь, как искорки скачут по коже сюзерена, и не забывая обновлять порезы. – Не все службы верны вам до последнего вздоха. В нашем распоряжении уже давно имеются планы всего дворцового комплекса. Неужели вы думаете, мы ими не воспользовались? Пока вы занимались Альвераном и похищением своего родственника, у нас было достаточно времени для подготовки. Благо и для Разетти нашлась своя красная тряпка. Пришлось постараться, чтобы их свести, но Майя слишком уж подходила. Такой шанс нельзя было упускать.

Услышав свое имя, я с трудом удержалась от зубного скрежета. Вот не зря мне так не нравился тот заказ на кражу. Чувствовала, что есть подвох, но даже аванс, который мы выбрали в трехкратном размере, не убедил заказчика нас не кидать. Впрочем, ему и не требовался наш успех, судя по прозвучавшим откровениям.

– Девушка с вами?

– Помилуйте боги, – открестились от подобной перспективы. – Иметь дело с этой сумасшедшей может лишь ваш подчиненный. Я бы избавился при первой возможности.

«Маджери», – сделала вывод я и прищурилась, оценивая количество вытекшей из императора крови: вода в чаше уже заметно потемнела, но всполохи искр пока и не думали иссякать. Дать ему, что ли, возможность проявить себя? Пару минут должна выиграть.

Я покосилась на не приходящего в себя Дайрина и передумала. Не в моем нынешнем положении проявлять чудеса героизма. Один точный бросок – да, но никак не рукопашный бой. А Шарнеса все не видать. Или у них разные интересы в этом деле?

– Долго... Хорошие у вас резервы, ваше величество. Но и им пора уже иссякнуть, раз уж нам от них никакой пользы. – Маджери оглянулся и неторопливо, чтобы его собеседник в полной мере ощутил угрозу, направился в сторону его высочества. Присел, проверил пульс, оттянул веко и хмыкнул: – Пожалуй, проку от него все равно не будет.

Взвалив тело принца на себя, он донес его до чаши. Без магии. Я недоуменно воззрилась на бывшего служащего канцелярии. Не замечала ранее за Маджери любви к физической нагрузке. Прислушалась к себе и попыталась вызвать крошечный огонек. Напрасно. Ни искорки. Зато быстрый взгляд его величества в сторону прикрывавшей меня колонны я почувствовала отчетливо.

«Сиди тихо, – раздалось недовольное у меня в голове, и я выдохнула с облегчением. Аскелир был где-то рядом, но вмешиваться отчего-то не спешил. – Не критично».

«А когда его величество окочурится от потери крови – будет в самый раз?»

«До этого не дойдет», – заверили меня.

Но я отчего-то не слишком в это поверила. Особенно ввиду того, что Маджери дотащил его высочество до чаши, сбросил на бортик, отчего принц уже мог распрощаться с парочкой ребер, и оценивающе прошелся по фигуре наследника, выбирая, куда удобнее вогнать лезвие.

– Граф, понимаю, что этот титул вам не принадлежит, но...

– Сына жалко?

– Возможно. – Лицо его величества заледенело, словно он принял для себя крайне неприятное, но необходимое решение. – Магнус поймет, дерзайте.

– Если вы приказываете, – не вдаваясь в тонкости мотивации, согласился лжеграф.

Я поморщилась. Вот теперь вода в фонтане стала по-настоящему красной. И даже мне, не любившей его высочество всеми фибрами души, было жаль. Каким бы засранцем ни был принц Магнус, он имел веские основания меня не любить.

«Вы не вызываете в нем таких чувств, – авторитетно заметил Аскелир, а я отметила, что о принце он продолжает говорить в настоящем времени, будто не ему только что под ребра вошел клинок. – В источнике родовой силы он не умрет».

Я предпочла поверить на слово. Мертвецы никогда не вызывали у меня любопытства, и смотреть лишний раз на чашу было противно.

– Полагаю, следующим буду я? – спокойно уточнил его величество. Искры, пытавшиеся остановить кровотечение, погасли в тот же миг, едва чаша приняла тело принца.

– Вам не откажешь в прозорливости. Отойдите от фонтана, – распорядился Маджери. – Вы должны погибнуть в другом месте.

– И в каком же?

– По дороге отсюда. Скажем, вы пытались сбежать, но тайный ход неожиданно обрушился.

– И никто при разборе завалов не увидел нескольких колото-режущих ран, которые невозможно получить при обрушении?

– В вашей ситуации – возможно. Закономерный несчастный случай для вашего положения. Не волнуйтесь, я лично набросаю протокол осмотра.

Я недовольно повела плечами. Ну когда уже что-то произойдет? Конечно, не смерть его величества. Нынешний император устраивал меня куда больше, чем Маджери или его поделщики. Но, лорд Аскелир, сколько можно терпеть эти вдумчивые беседы самодовольного маньяка и его жертвы? Вы для этого мой резерв пили, чтобы теперь представление смотреть?

Мне показалось, где-то за спиной раздался смешок. А следом... А ничего не произошло следом. Мое пламенное воззвание напрочь проигнорировали. И, понимая, что нервы сдают, я решила нарушить главное правило долгой жизни. Впрочем, не впервой.

Одно рукой я нащупала бутылек с зельем, другой вцепилась в перила. С усилием закрепились в вертикальном положении, оценила расстояние между своим укрытием и Маджери, неторопливо подталкивающим императора в спину. Глубоко вздохнула, замахнулась и... поняла, что в процессе замаха кто-то нагло вытянул у меня из пальцев флакон.

Язык прикусила автоматически, но вот удержаться от резкого поворота оказалось сложнее, как и от удивленного вдоха. Благо его величество соображал быстрее ошеломленной меня. Мгновенно оказался рядом и зажал мне рот. После чего аккуратно, не создавая лишнего шума, выволок из укрытия куда-то в стену.

– А там?..

– Аскелир, – коротко ответил император, к чему-то напряженно прислушивающийся. – При всем уважении к вашим способностям, я не имею никаких данных, подтверждающих вашу чрезвычайную меткость. Вмешавшись, вы могли задеть и брата, а рисковать им больше необходимого мне бы не хотелось.

– А сыном? – только и смогла выдавить я, осмысливая услышанное и мимоходом, чего уж

греха таить, сравнивая змеиного лорда с его величеством. Странно, но сходство действительно имелось, если забыть о красных гипнотических глазах главного зельевара, его светлой до белизны коже и снежно-пепельных волосах.

Император промолчал.

– Я могу чем-то помочь? – неловко предложила, понимая, что уже чуть не «помогла». Главное, обойти вопрос – кому.

– Помолчать и не вмешиваться. Даже будь у тебя полный резерв, здесь невозможно применение магии никем, кроме членов нашей семьи, к которой ты не принадлежишь, – устало пояснил мой собеседник. – Да и Дайрин просил не втягивать тебя в это дело.

– А сам-то, – не удержалась я, вспомнив, в каком плачевном состоянии его видела. – И, ваше величество, герцог Шарнес...

– Брат уже поведал мне об этом. Это еще одна причина, по которой вам не стоит вмешиваться, – вновь перешел на официальный тон император. – Я допускаю, что герцог может войти в эту часть дворца самостоятельно, не прибегая к тем уловкам, на которые пришлось пойти господину Арьясу.

– Это верно, – без тени ехидства или самодовольства сообщил нам Юлиар, проходя сквозь одну из стен, как мне казалось, каменного мешка. – Радость моя, я же просил дожидаться меня в зале.

В его голосе и взгляде было столько усталого негодования, что в глубине души появилось нечто похожее на раскаяние. Стоп! Раскаяние – у меня? За абсолютно трезвое решение? Я прикусила губу и с недоумением воззрилась на герцога. Тот не без одобрения усмехнулся, словно был доволен моим раздражением.

– Майя, отойди от его величества.

– Я бы с удовольствием, – начала оправдываться, про себя пытаюсь понять: а как лучше поступить? Что выбрать: свою шкурку, которая, как известно, ближе к телу, или возможность войти в историю? Впрочем, удовольствие созерцать свое имя в пыльном справочнике едва ли стоит усилий, разве что к нему будет прилагаться что-то еще. – Но сил никаких нет. Весь резерв выпили, – пожаловалась я и протянула руки к герцогу. Намек был прозрачен и, что самое странное, сработал.

Воздев глаза к небу, Юлиар стремительно пересек разделявшее нас расстояние и подхватил меня на руки. Непроизвольно обняла его за шею, чтобы не сбросил в неподходящий момент. Ну-с, ваше величество, что могла – то для вас и сделала: руки у вашего противника теперь заняты прочно.

Стены дрогнули. С потолка посыпалась крошка, но моя опора даже не шелохнулась, чего нельзя было сказать об императоре. Его отбросило к противоположной стене. И, судя по отсутствующим попыткам подняться и расплывающемуся кровавому пятну... Н-да, похоже, император у нас теперь будет новый. Главное, чтобы не Маджери.

– Пожалуй, нам пора, моя дорогая.

Герцог пощекотал своим дыханием мое ушко. Я тяжело вздохнула: не питала никаких иллюзий по поводу своей дальнейшей судьбы. Это только истинно верующие адепты Мамари считают, что любовь, возникшая между представителями разных сословий, ведет к браку. Более матерые ее приверженцы знают, что, прежде чем жениться, состоятельный жених, коли уж действительно решил связать свою судьбу с неровней, быстро подтягивает ее до своего уровня. Или максимально возможного.

На душе заскребли кошки. Предчувствие начало обретать нехорошие очертания. В открывшихся обстоятельствах моя поразительная живучесть и в некотором роде удачливость оказывалась далеко не следствием собственных заслуг. Еще и кража артефакта, трогать который безболезненно могли лишь представители монаршего семейства либо особо доверенные лица, которым это позволили. А ввиду нашего быстрого удаления из святого дворца, куда ходить могут также не все...

– Ваша светлость, а вы случайно не?..

- Случайно - нет, - усмехнулся мужчина и аккуратно, со всеми предосторожностями прошел в дверь, следя, чтобы я ничем не стукнулась об узкий дверной проем.

Комната, в которую мы вошли, напоминала нечто среднее между тюремной камерой и больничной палатой. Разве что с той поправкой, что пользоваться ею перестали с век, а то и больше. Но переделать во что-то более полезное забыли и оставили. Несмотря на это, ни плесени на стенах, ни паутины по углам не наблюдалось. Осветительный шар потускнел - этого не отнять, ржавчина прошла по ковanej окантовке двери, да и запах... Старый матрас и не думал благоухать розами.

- Где мы? - шепотом спросила я, крепче сжимая пальцы. Не хотелось оказаться на пыльном ложе, особенно в отсутствии данных о предыдущих постояльцах комнаты. Мало ли... может, у них были вши или того хуже?

- Нигде, - хмыкнул герцог, ставя меня на ноги у стеночки. - Официально этого места не существует. Едва ли остались люди, помнящие, для чего его когда-то использовали и почему забыли.

- Но вы знаете, - забросила удочку я.

- Разумеется, - хмыкнул герцог, проводя пальцами по выемкам в двери.

На миг меня передернуло от осознания, чем могли быть оставлены столь характерные следы. Ногти. Обычные ногти, которые несчастный пленник не единожды стесывал о дверь. Бр-р...

- Сможешь идти сама? - прервал мои размышления Юлиар, толкая дверь вперед.

Со скрипом, от которого хотелось закрыть уши, она отворилась.

- Постараюсь, - честно ответила, отлипая от стеночки. Накатившая слабость была ожидаемым ответом на попытку, но вертикальное положение удалось удержать. - Если вы не спешите.

- Уже - нет.

Дворец ощутимо качнуло, но герцог среагировал вовремя: мой нос с полом познакомиться не успел.

- Зачем вам?..

Договорить я не успела. Непроизвольно вжала голову в плечи, когда где-то над головой рухнули перекрытия. Громыкнуло так, что на какое-то время я потеряла способность к ориентации, и только чужие объятия удержали от попытки рвануть куда-то, не разбирая дороги.

- Тише. Что бы ни творилось наверху, здесь мы в безопасности. Старый дворец строили на века, небольшой взрыв ему не повредит.

- Он повредит тем, кто не успел уйти, - лихорадочно соображая, что же мне делать, пробормотала я.

- У высшей аристократии достаточно защитных амулетов, чтобы отделаться незначительными повреждениями, - заверили меня.

- Как раз их судьба меня слабо интересует, - призналась я.

- Какая жестокая принцесса, - покачал головой мой собеседник. - Не заботится о своих верных подданных.

- Я не принцесса.

- По крови, может, и нет. Но по статусу... Слухи быстро распространяются по дворцу. Все, кто должен знать, осведомлены о твоём новом положении.

- Это была игра.

– Нет, если все, кто знает об обмане, замолчат. Родовой артефакт тебя признает, я позабочусь об этом.

– А дальше? – хмыкнула я, впрочем, понимая, какое последует продолжение.

– А дальше, моя дорогая, вы выйдете замуж. В отсутствие других наследников – уж поверь, их не будет – вас с супругом незамедлительно коронуют.

– Супругом будете вы? – Герцог благосклонно кивнул. – Но к чему такие сложности? Переворот вы уже практически свершили.

Юлиар снисходительно щелкнул меня по носу.

– Моя дорогая, к чему показывать дурной пример подданным? Перевороты крайне заразны. Стоит один раз показать народу, что власть монарха не абсолютна, и найдется не один глупец, возжелавший это проверить. Кому-то может даже повезти. К чему мне так рисковать? Быть героем куда приятнее.

– Вы могли жениться на настоящей принцессе.

– Не мог, – отрицательно качнул головой герцог и, крепко ухватив меня за руку, повел куда-то. – Жениться пусть даже и на дальней родственнице претит моим убеждениям. Порой это не лучшим образом сказывается на наследственности. К тому же знамение Мамари пренебрегать не принято. Поверьте, моя дорогая, корона вам прекрасно подойдет.

– Но кто гарантирует, что я выберу именно вас?

Моя шпилька несколько не смутила герцога:

– За вас это сделает регентский совет. Вероятно, вы не интересовались принципами престолонаследия Тарской империи. В случае, подобном нашему, когда от всей династии остается лишь одна ее представительница, для восшествия на престол она должна выйти замуж за одного из старших лордов родного государства. Брак с иностранцами или кандидатами, чей род не может похвастаться благородными предками, не будет позволен.

– Но что мешает вовсе отказаться от престола?

– Отказывайтесь, – разрешил герцог. – Но совет позволит вам этот опрометчивый поступок лишь после заключения официального брака с одобренным кандидатом, а далее – воля вашего супруга. Полагаю, ваших знаний достаточно для понимания роли императрицы в управлении страной?

– Богадельни открывать? – хмуро припомнила я.

– Именно. Поэтому на роль мужа и выбирается представитель старшего дворянства. Считается, что лишь он сможет действовать в интересах страны наилучшим образом.

– Но с чего вы решили, что на эту роль подойдете лишь вы? Или все остальные старшие лорды встретили свой конец там, наверху?

– Отчего же? Я не стремлюсь к лишним жертвам, к тому же среди моих старых друзей.

– То-то граф сейчас лежит где-то в подземелье, – не смогла удержаться от напоминания я. Хотела уязвить собеседника, а испортила настроение самой себе. Внутри все сжалось от осознания, что больше я не увижу серых глаз, взирающих на меня с выражением обреченного смирения.

– Приходится кем-то жертвовать, но Дайрин, к моему большому сожалению, не отказался бы от вас. Порой схожесть вкусов так вредит... Кэлана же больше заботила судьба его княжества. И я не смог отказать давнему другу в желании обрести независимость, пусть это и стоило ему всех притязаний на престол. Иностранные кандидатуры к рассмотрению не принимаются.

– И нет ничего, что может бросить на вас тень...

Последнее слово потонуло в оглушительном грохоте. Вжав голову в плечи, я наблюдала, как трескается потолок и ширится усмешка на лице герцога. На какое-то мгновение он даже закатил глаза, словно от небывалого наслаждения, а потом с удовлетворением прошептал:

– Все.

Я больше прочла по губам, чем услышала: разобрать хоть какой-то звук в обрушившемся на нас грохоте было нереально. Но по тому, как резко расслабились плечи герцога, как из его фигуры ушло всякое напряжение, я могла с уверенностью заключить: дела Тарской империи действительно плохи. Не осталось никого, кто может пролить свет на истинное положение вещей. Никого, кроме меня, если кто-то пожелает слушать «неразумное создание», коими считают принцесс «умудренные опытом» мужи.

– Их больше нет?

– Как и всего западного крыла, – поморщился Юлиар и вдруг сосредоточился. Тревога проступила на лице герцога. Тревога с оттенком ужаса и непрошеного понимания катастрофичности произошедшего.

Захотелось сплюнуть от того, с каким лицемерием Шарнес обращался с человеческими чувствами. Увы, это не мешало мне в чем-то восхищаться его искусством. Если бы еще это было посмертно... Я даже готова носить траур по этому человеку, чтобы никогда больше не встречать его на своем пути.

Герцог внезапно обернулся, останавливаясь, и я влетела в его объятия. Рывок, и меня взяли на руки. Внутри все сжалось.

– Наш выход, – прошептали мне на ушко. – Будь умницей, Майя. Считай это заказом. Последним и самым дорогим.

Я глубоко вздохнула, зажмурилась, а когда вновь распахнула глаза, в них стояли слезы.

– Хорошая девочка, – удовлетворенно отметил герцог.

Повезло, что ему возможность читать мысли по наследству не передалась. Иначе он знал бы, что оплакивала я себя. Не будущее, а настоящее, время которого подходило к концу. Но что мне терять? Райда? Едва ли он будет горевать долго. Мы были всего лишь напарниками, пусть и начинали путь давным-давно. Матушку? Едва ли она помнит обо мне. Лиди и девочек? О проходящих знакомствах не принято долго горевать, а я не питала иллюзий на их счет. Если, конечно, их не было сегодня во дворце. Если же были... Думать еще и об их смерти на алтаре герцогских амбиций было невыносимо. Сайсеры? Мое решение пойдет на пользу виконту. Он наконец-то получит свободу и сможет найти кого-то лучше, чем простая воровка. Да и не до того ему будет. Кто бы ни сел на трон, граф Силандж для всех останется козлом отпущения. Тем, кто замыслил и практически осуществил переворот.

Язык ощутимо кольнуло. Мое время было на исходе, но выплевывать начавшую истончаться капсулу я уже не собиралась. Меня устраивал любой исход.

Герцог в последний раз взглянул на меня и распахнул дверь. На меня обрушился крик. Сдавленный, истеричный, радостный... Ему вторили рыдания. То стихающие, то рвущие пространство с новой силой. И запах... Я ненавидела его. Им пахла улица в худшие свои времена: времена разборок, магических дуэлей и обычных кабацких драк. Кровь и отходы, которые никто не собирался убирать. И не нужно было ни о чем думать: от открывшегося зрелища слезы сами наворачивались на глаза.

– Милорд? – Кто-то окликнул герцога, узнав его в толпе.

На губах Юлиара мелькнула удовлетворенная улыбка. Незнакомец бросился к нам, застыл, словно замороженный, а после – упал на колени, взыв то ли от облегчения, то ли от хорошего зелья:

– Ваше высочество! Вы целы! Боги сжалились над нами. Династия не прервалась!

Он кричал и, сотрясая руками воздух, с остервенением бил грязный пол. И ни у кого не

было шанса не услышать этот вой, не почувствовать силу эмпата. Люди затихали под гнетом чужих эмоций, отвлекались от собственных бед и начинали верить в чудо, истово радуясь чужому спасению. И с каждой секундой обработки в их сердцах крепла вера в лучшее будущее, которое обязательно настанет.

– Герцог спас ее высочество! Герцог спас династию! Герцог...

Мы утонули в восторженном гуле одурманенных людей. А они все прибывали. Перешагивали через мертвых, не замечали покалеченных. Шли, ведомые чужой силой, наполнившей оставшийся без защиты дворец.

Я не знала, отчего осталась глуха к эмоциям толпы. Может, всему виной был плотный контакт с герцогом, которому, судя по мимолетной гримасе, эти восхваления не приносили никакого удовольствия, а может, усилившаяся головная боль просто не оставляла шансов чьему-то хорошему настроению.

Но, глядя на все это представление, чувствуя, как немеет тело, как в ушах стучит кровь, я поняла, что могу попробовать уйти не в одиночестве. Ведь все они, одурманенные, верили в сказку со счастливым концом. А в конце должно быть что?

Из последних сил я потянулась к герцогу и с искренней радостью, что мне хватило на это сил, впиалась в его губы. Раскушенная за миг до этого капсула стала моим триумфом.

Очень хотелось пить. Настолько сильно, что, будь я в состоянии, укусила бы саму себя, лишь бы хоть на мгновение освободиться от этого всеобъемлющего желания. С трудом разлепив губы, я поняла, что, кажется, исполнила его. Они ссохлись настолько, что тонкая кожа треснула под моим напором. Я бы улыбнулась, но сил едва ли хватило бы на перенос пера.

С огромным трудом удалось открыть глаза, чтобы в полной мере насладиться ослепляюще ярким светом и чувством, будто мне щедро сыпанули песка под веки. На большее меня не хватило: от бесплодной попытки тело прошли сотни иголок, как после долгого лежания в одной позе.

Над ухом завыл амулет, призванный, видимо, сигнализировать о возвращении пациента в сознание. Вместе со звуком пришел и страх. Уйти достойно не удалось, и, раз я снова чувствую свое изнывающее от боли тело, повторить былое уже не удастся. Второго шанса герцог не даст, а ведь едва ли ему досталось больше яда.

Грохнула дверь, приблизились торопливые шаги, каждый из которых отзывался новым приступом боли в моей голове, и беспокойный голос спросил:

– Ваше высочество?

Я скривилась от громкого звука, и, верно, что-то отразилось на лице. Уже тише мне сообщили:

– Все будет хорошо, не бойтесь. Яд был полностью нейтрализован. Те, кто дал его вам, наказаны. Милорд обо всем позаботился. Отдыхайте. Теперь, когда вы пришли в себя, больше не нужно ни о чем беспокоиться. Кризис миновал.

Хотелось орать в голос. Как можно быть таким непонимающим человеком? Как будто мне важно, выживу я или нет? Даже если и выживу, что толку, если с этого дня я буду декорацией для Юлиара? Если единственное решение, которое мне позволят принять, – это цвет туфель под платьем. Надеяться на большее после моей выходки не приходилось. Герцог не тот человек, который совершает ошибки дважды.

Из груди вырвался тяжелый вздох. Я закрыла глаза: все равно толку от доступных моему восприятию пятен не было.

– Простите, – шепотом проговорил целитель, не спеша уходить. Хорошо еще, что додумался амулет отключить. – Я бы снял вашу боль, но это будет стоить вам дара. Слишком много чужой силы было использовано, чтобы вы не ушли за грань. Сейчас мы обходимся травами, чтобы ваш дар окончательно не потух.

Я мысленно кивнула. Обычная, отработанная годами практика восстановления тяжело

пострадавших магов: заставить силу пострадавшего латать дыры в организме. Для этого резервы могли заполнить чужой силой и поддерживать их на нужном уровне до тех пор, пока не минует кризис. Вот только после... Источник, постоянно стимулировавшийся чужой энергией, с большой неохотой возвращается к своим обязанностям и в первое время вообще может отказаться питать дар. Либо начнет отдавать столько сил, что вновь уложит пострадавшего на больничную койку. На сей раз – из-за перерасхода сил, поскольку, привыкнув оперировать искусственно наполненным резервом, дар будет требовать больше и больше.

– Выпейте. – Мне в губы уткнулась кромка стакана. – Обещаю, станет легче.

Я повиновалась и не успела сообразить, сколько успела выпить, прежде чем погрузилась в сон.

Повторное пробуждение принесло больше приятных ощущений, нежели предыдущее. Во-первых, отступила жажда, хотя ничего, кроме снотворного зелья, я выпить не успела. Во-вторых, тело уже не воспринималось какой-то отдельной, неподконтрольной мне частью. Я смогла достаточно бодро (за каких-то пять минут) сменить горизонтальное положение на вертикальное. И, в-третьих, благополучно упала обратно, разглядев силуэт замершего у окна человека. Да, в-четвертых, зрение восстановилось достаточно, чтобы я могла опознать этого человека.

Вздых облегчения вырвался непроизвольно. Стало ясно, почему мне удалось очнуться после яда из запасников самого лорда Аскелира. Еще бы, кто, как не сам создатель, знает, чем нейтрализуется созданная им отравы.

– Рад видеть вас на пути к выздоровлению, – учтиво кивнул мне лорд, оборачиваясь.

Я вздрогнула, не в силах проигнорировать исхудавшее лицо, глаза, ввалившиеся, словно пылкий влюбленный, торопящийся на свидание к возлюбленной, вглубь головы, и бледную до синевы кожу. Лорда раньше с трудом можно было назвать симпатичным, ныне же он мог пугать людей, не представляясь и не используя ментальную магию.

– Вы, как всегда, непосредственны в своих суждениях, – напомнил о проявлении родовой магии глава алхимического отдела.

Я почувствовала, как краска заливает щеки. Если я хоть наполовину похожа на лорда, мы могли бы выиграть конкурс чудовищных костюмов, не прибегая к маскараду.

– Рад, что вы не теряете присутствия духа, но боюсь, в сложившихся обстоятельствах мне придется нанести удар по вашему приобретенному спокойствию.

– Говорите, – тихо разрешила я. Хотела продолжить, но поняла, что на длинные речи меня не хватит. – Что с остальными?

– В стране объявлен траур. В ходе разбора завалов было найдено тело его величества. Его высочество, несмотря на все мои усилия, не приходит в сознание. Прошло уже более двух недель, – предвосхищая мой вопрос, пояснил лорд. – Принцессы... Их сознание повреждено слишком сильно. Ни один ментальный маг не берется предсказать, оправится ли хоть кто-то из их высочеств и как скоро это произойдет.

– Дайрин? – Я закусила губу, ожидая худшего. Аскелир отвел взгляд.

– Я должен был выбрать кого-то одного. Жизнь его высочества была приоритетнее.

Сердце пропустило удар.

– Понимаю, – четко, чтобы не сорваться, ответила я. Перед глазами поплыло. Я зажмурилась, пережидая нахлынувшую волну отчаяния. Почувствовала, как мне в руку опустил теплый, мягкий отрез ткани.

– Я сожалею.

Я промолчала. Слова излишни, да и не было у меня на них ни сил, ни желания. Стоило радоваться, избавившись раз и навсегда от блондинистой заразы, сумевшей меня провести и посадить на короткий поводок, но хотелось плакать. Рыдать в голос. Перед

глазами, как назло, проносилось не мое заключение, а наши прогулки под луной в Разаре. Его ироничный взгляд и усталая улыбка. Даже игнорируемые мной предложения посетить его покои уже не воспринимались издевательством.

– Герцог?

– Испытал пару неприятных минут прежде, чем его голова отделилась от тела. Я бы должен отчитать вас за своеволие, но те минуты, что Юлиар боролся с ядом, дали мне преимущество. Потому обойдемся без нотаций.

Наверное, меня должны обрадовать его слова, ведь нотации никогда не были моим любимым типом разговора, но мне было все равно. Эмоции ушли, будто кто-то из менталистов сжалился надо мной и выключил захлестнувшие меня чувства. Я медленно проваливалась в равнодушие.

– Я хочу уйти сразу, – попросила я.

– Это невозможно. – Лорд сел на краешек моей кровати, достал свой платок из моих пальцев и медленно вытер мокрые дорожки на моих щеках. – Я не могу вас отпустить, как бы вы этого ни желали. Слова герцога были услышаны, его люди потратили много сил, чтобы ваша «история» стала достоянием народа, и все ждут, когда вы очнетесь и сможете выйти к ним.

– Вы можете это сделать. Вы часть императорской семьи, иначе не смогли бы пользоваться магией в том месте, и сейчас самое время, чтобы вы...

– Это время никогда не настанет, – оборвал меня лорд. – Никчемному выродку никогда не занять место пресветлого императора. – Судя по изменившейся интонации, Аскелир кого-то процитировал. – Я поклялся отцу, что никогда не унаследую трона.

– Но вы сможете его удержать? – Мужчина кивнул. – Тогда мы поступим так...

Наверное, день свадьбы должен быть чем-то особенным. Самым радостным днем, самым счастливым. Но для меня он стал самым утомительным за многие годы. Никогда прежде мне не приходилось столько терпеть и улыбаться. А ведь всеобщее помешательство случилось задолго до ритуала в храме.

День, когда лорд Аскелир в первый и последний раз сопровождал меня в зал совета, стал самым шумным для дворца за последние несколько столетий. Даже обрушение несущих конструкций не вызвало такого ажиотажа, как мое решение. Увы, оспорить его лорды не посмели. Или не смогли.

Покойный император сделал все от него зависящее, чтобы младший брат занял достойное его происхождению положение. Приемные родители, герцог и герцогиня Аршант, согласились на ментальное воздействие и ни секунды не сомневались в собственном родстве с королевский братом. Даже его внешний вид не смущал пару, обреченную на бездетность. Они были рады любому ребенку, лишь бы иметь возможность почувствовать себя родителями. Говоря о них, Даерон неизменно улыбался, сбрасывая свою ледяную маску. Но что было еще важнее в нашей ситуации, герцоги Аршант стояли третьими в очереди на престол, уступая лишь императорской семье и ныне лишенному привилегий роду Шарнес. К тому же не зная о службе лорда Аскелира не мог ни один из действительно посвященных в дела империи советников.

Им пришлось согласиться. Сжав зубы, чтобы удержаться от едких комментариев, но согласиться. Все же внешность кандидата нигде не была прописана, а потому жениться на принцессе мог и хромым, и косым, и, что было бы катастрофой для государства, психически больной. Главное, чтобы происхождение не подводило. А дальше Даерон Аскелир, герцог Аршант, обещал справиться со всем, что выпадет на его долю. Как справился он и с расторжением моего поспешного брака с магистром Кронстандом, благо никто из нас не собирался за него (брак, разумеется) держаться. Напротив, Шаерин даже получил неплохие отступные в виде возвращения собственного дара, с которым уже практически простился.

– Вы уверены в своем решении?

Сам Аскелир задал мне этот вопрос лишь единожды. В тот раз я промолчала, а лорд не

стал настаивать. Была ли я уверена? Нет. Но так было правильно. Спокойствие империи напрямую связано с сохранением династии, а единственный путь для этого – посадить на престол того, кто и так должен там находиться. Никто другой не справился бы с родовой магией императорского дома, а лишний козырь в защите границ и поддержании порядка будет полезен.

Стоя у окна в императорских покоях, я обреченно смотрела на украшенный парк. После произошедшего распорядитель празднеств напрочь отказался доверять безопасности последней «представительницы династии» стенам, опасаясь вместо свадьбы вновь готовить похороны. Пришлось пойти на уступки.

И сейчас я смотрела, как с трепетом и почтением в центре парка устанавливают статую Мамари. Горько усмехнулась. В чем-то я должна быть ей благодарна: несмотря ни на что, герцог Шарнес сохранил мою жизнь. Но внутри я не испытывала к ней благодарности. Напротив, мне хотелось разбить статую, чтобы не вспоминать о другом, очень важном человеке. Ставшем, как оказалось, мне очень близким вопреки всему.

– Ваше высочество? – тихо позвала меня от порога молоденькая служанка. Не сдержала восхищенного вздоха и очень смутилась. Замолчала, пытаясь успокоиться.

Я не торопила. Я знала, что она мне скажет. Пора. Пора идти в храм, пора выходить замуж, пора дать осиротевшей стране ее нового повелителя.

– Ваше высочество, герцог Сарвазский уже прибыл. Он ожидает в гостиной. Подарки для подношения уже готовы.

– Благодарю, скоро выйду, – вновь вернувшись к созерцанию сада, ответила я.

Служанке пришлось удалиться.

На свадьбу я не пригласила никого. Более того, единственной моей просьбой оказалось полное отсутствие гостей в храме. Только мы с Даероном, жрец и боги, если те пожелают снизойти.

Мне пошли навстречу. Вероятно, так было проще и для охраны, а потому лорд Аскелир добился требуемого. Оттого на площади перед храмом людей собралось больше, чем на ежегодную имперскую ярмарку. Даже здесь, в императорских покоях, я слышала гул толпы.

Когда я вышла к герцогу Сарвазскому, руки дрожали. Чтобы как-то унять противную дрожь, я крепче вцепилась в стеганый лоскут, в котором, судя по запаху, имелись не только обрезки ткани, кукла и веревочка, но и съестное с королевской кухни. Все, чтобы задобрить Мамари.

– Я мог бы сказать вам, что происходящее не стоит вашего волнения, – глубоким низким голосом начал седой лорд, в чьих чертах я узнала Лиди, – но я бы соврал. Волнение – неотъемлемая часть нашей жизни, спутник наших значимых решений и наш помощник в выборе пути. Я рад, ваше высочество, что вы волнуетесь. Значит, вы в полной мере понимаете, на что идете.

– Я боюсь, – тихо призналась, протягивая лорду руку.

С мягкой понимающей улыбкой он склонился к моим пальцам, как полагалось по этикету, но не стал лбызать кружевные перчатки. Выпрямился, становясь выше меня на целую голову, и предложил руку. Я благодарно кивнула.

– Страх дает нам силы идти вперед. Это нормально.

«Бояться – нормально».

Я повторяла это себе, когда мы шли по мосту над главной площадью. Когда тут и там вспыхивали искры фейерверков, рассыпались салютом огненные шары, высоко в безоблачном небе маги-иллюзионисты показывали отрывки из истории империи. А внизу были люди. Много людей, чьи взгляды устремлялись на меня.

На мгновение я почувствовала себя на месте лорда Аскелира, вынужденного читать всех

вокруг.

Сглотнув, малодушно отвернулась от толпы.

– Они не видят вашего лица, – попытался успокоить меня спутник. – Этим мостом редко пользовались их величества. Обычно монархи приходили в храм порталом.

– Тогда зачем?..

– Народ нужно успокоить. Показать им принцессу. Распорядитель приносит вам свои извинения, но это необходимая жертва. К тому же кто-то должен задать моду на свадебные платья. Казне не помешает прилив средств. Восстановление дворца требует больших вливаний. И я взял на себя смелость...

– Прощаю. – Мне даже удалось улыбнуться, хотя внутри все ощутимо подрагивало. И как люди решаются на второй брак? Второй раз переживать подобное... – Но в будущем давайте обойдемся без излишних нервных потрясений. Хотя вы и на продаже успокоительных настоек «От принцессы» сумеете заработать.

У меня вырвался нервный смешок.

– Вы безмерно проникательны, – согласился, улыбаясь в усы, казначей. – Осталось совсем немного. Потерпите.

Я застонала. Может, для него полплощади и было немного, но для меня это целых полплощади. И даже то обстоятельство, что ажурная арка начала отчетливо проступать за своей монументальной сестрой, отделявшей владения мирских правителей от божественных, не внушало мне оптимизма.

В какой-то момент нога скользнула по неровному краю брусчатки, и я буквально повисла на герцоге Сарвазском. Прошипела сквозь зубы все, что думаю о строителях, и неожиданно успокоилась. Взглянула на весело подмигнувшего мужчину и смутилась. Да уж, ее высочество не должна знать тех слов, коими я наградила обычный камень, пусть и неудачно возникший под ногами.

– Я никому не скажу, – пообещал мой спутник, прикладывая палец к губам. – Ваша репутация не пострадает.

Я с трудом удержалась от уточнения, дескать, моей репутации уже ничего не повредит. И никто. После свидания в темном коридоре с Аскелиром все ипостаси Маджери Арьяса исчезли. Райд же... Боюсь, если бывший напарник станет болтать, и его постигнет незавидная участь. Впрочем, я с трудом могла усомниться в уме Рыжего.

Выпустив наконец пар, я уже уверенней двинулась по направлению к храму. Еще бы, хоть на миг удалось вырваться из образа благовоспитанной девы, которую пусть и подводило происхождение – бастард все же, – но она старалась брать воспитанием. Видела бы меня матушка... Последнее было из разряда невозможного: Аскелир убрал из города всех, кто мог претендовать даже на отдаленное родство со мной. Конечно, рано или поздно кто-то узнает мой портрет, но к тому моменту...

– Пора, – отпуская мой локоть и слегка подталкивая вперед, сказал герцог, останавливаясь у арки. – Дальше территория храма.

Я взглянула на украшенную цветами арку, на беснующуюся внизу, на площади, толпу, которая ни секунды не сомневалась в происходящем, и слабо улыбнулась.

– Спасибо.

Герцог благосклонно кивнул.

Глубоко вдохнув, я ступила на балкон храма. Порадовалась, что отстояла минимально возможный шлейф, доходивший мне до щиколоток. Одной рукой чуть приподняла подол темно-синего, вышитого серебром платья – носить императорское золото мне пока не позволялось – и, пообещав себе не оборачиваться, резким, совсем не подходящим для леди шагом направилась в храм. На подношение для богини брака и последующих событий старалась не смотреть.

Облицованный светлым камнем снаружи, внутри он был мрачен. Сквозь высокие витражи, словно по велению богов, не проходило ни капли света. Отблески пламени свечей рождали угрожающие тени, а неожиданные блики заставляли жмуриться начавшие привыкать к плохому освещению глаза. Еще и странный гул, с каждый шагом слышавшийся все отчетливее, заставлял ежиться, но я не останавливалась.

Справа показалась первая статуя, и я не глядя поклонилась. Вторая, третья... На алтарь Дадари положила запасенный заранее медный кругляш. Его я стянула у служанки, взамен пожаловав той золотой. Увы, никто из высоких лордов не носил при себе денег во дворце, а жертвовать покровителю воров следовало добытое нечестным путем.

У алтаря Мамари меня уже ждали. Жрец, на лице которого не дрогнул ни один мускул, и лорд Аскелир. Он держался не в пример лучше меня. По сосредоточенному лицу милорда нельзя было прочесть ровным счетом ничего. Без лишних слов он подал мне руку, и пришлось отпустить платье, надеясь, что у алтаря я ни за что не зацеплюсь и не устрою пожар, который смог бы разорить казну на еще одну немаленькую сумму.

Помедлив, я опустила на призывно вспыхнувший алтарь подношение, даже не взглянув, приняла ли его богиня. Эта свадьба состоится в любом случае, даже если никто из богов не одобрит союза. Отшатнулась, когда постамент Мамари вспыхнул белым негаснущим сиянием.

– Ваше подношение принято. Богиня одобряет союз. Можем начинать.

Я хмыкнула. Порой мне казалось, что боги – те еще садисты. Не всегда влюбленные получали одобрение от Мамари, а наш вынужденный брак после всех намеков на совсем другого жениха богиня благословляет и, судя по интенсивности сияния, желает огромного потомства. Угу, как же.

Даерон подошел ближе, коснулся теплыми пальцами моей холодной ладони и, приподняв ее, нежно освободил от перчатки. Я поморщилась. Ни один серьезный ритуал не обходился без проливания крови вне зависимости от того, под чьим покровительством происходил и чего просили страждущие. Вот и сейчас, под тихий речитатив жреца, читавшего воззвание, Даерон протягивал мне чашу. Готовый вкушать нашей крови ритуальный кинжал уже был зажат в его правой руке.

Молча я приняла чашу, слегка поморщилась, когда струйка крови потекла вниз, и протянула будущему мужу руку. В первый миг боли не было: таким острым оказалось лезвие. И только глядя, как по бледной коже стекают алые капли, а сознание стремится помутиться, я поняла, что стремительно теряю силы. И мне бы швырнуть эту чашу на алтарь, но приходилось ждать. Жрец еще не закончил свои песни, а чаша не наполнилась до краев. Одно выручало – Даерон отложил обагренный кровью кинжал и помогал удерживать чашу, над которой замерли наши руки.

Капала кровь, и не думавшая останавливаться от нашей магии, сознание меркло, а противный – теперь он был мне и вовсе ненавистен – голос жреца все не стихал. Напротив, бил по ушам все сильнее, отзываясь эхом в темноте.

– Твое желание? – неожиданно мурлыкнул кто-то у меня над ухом. Я вздрогнула. – Какой свадебный подарок пожелает столь щедрая невеста?

Иронии в вопрошавшем женском голосе было хоть отбавляй. Еще бы Мамари питала какие-то сомнения по поводу моего подарка. Но я была не слишком ей благодарна за вмешательство в мои дела. Так можно и вечной невестой прослыть. И каждый раз брак по расчету: что с магистром Кронстандом, что с его светлостью...

Я прикусила язык, чтобы не сказать лишнего. Как бы ни был высказан вопрос, проигнорировать собственные слова богиня не сможет: должна при составлении своего божественного графика работ хотя бы учесть мое пожелание.

С новой силой накатила тоска. Боги не всемогущи, как порой хотелось бы. Вернуть умершего им не под силу, а других неосуществимых для простого человека желаний у меня не было.

– Хм, оригинальное желание. Выходить замуж за одного, а просить жизнь для другого.

Я криво усмехнулась. Будто бы собеседница сама не знает всех перипетий этого брака.

– Я услышала, – наконец объявила богиня, а у меня подкосились колени от внезапно накатившей слабости.

Если бы не Аскелир, успевший ухватить меня за запястье, и чаша, и я равновероятно оказались бы на полу. Но нет, отменной реакции лорда не повредил даже храм.

– Чашу нужно поставить на алтарь, – шепотом подсказал жрец.

Жених утвердительно кивнул, но не стал торопиться. Дождался, пока я приду в себя и смогу устоять на ногах без его поддержки.

Вымученно улыбаясь, я кивнула в сторону алтаря. Пора заканчивать с этим фарсом. Взметнулось пламя, принимая подношение. Мое бедное, покалеченное запястье словно само вспыхнуло. С трудом удержавшись от ругани в священном месте, я со злостью смотрела, как по коже расползается витиеватый узор. То же самое происходило и на руке моего теперь уже мужа.

– Мамари благословила ваш союз, – с поклоном обратился к Аскелиру жрец.

Впрочем, мы и без его слов это поняли. Цветные рисунки проявлялись крайне редко, говоря о полной совместимости внутри пары и обещая одаренных детей.

Я хмыкнула, разглядывая брачную татуировку. Не заметить, что кроме традиционных цветочков и листиков я получила еще острые колючки, было невозможно. И тут уж никуда не деться: решили боги не игнорировать мою колючую натуру и показать «мужу», с кем он связал свою жизнь.

Я хотела было рассмотреть, что досталось Аскелиру, но не успела. Герцог спрятал свою метку под расшитой золотом рубашкой. Отчего-то ему было позволено сразу облачиться в положенные императору цвета, и, покидая полумрак храма, я отчетливо видела, как сияли в лучах заходящего солнца золотые нити парадного мундира.

Гул, мгновенно стихший при нашем появлении на лестнице, перерос в оглушительный крик. Я с трудом удержала улыбку, когда над нашими головами гроыхнул салют и с неба посыпались разноцветные ленточки. Слабенькие артефакты на удачу, которые ударными темпами зачаровывали все специалисты столицы ради этого дня. Не удержавшись, поймала одну из них.

– Я помогу, – предложил император, протягивая руку. Я вложила ленту в его пальцы. – Не знаю, о чем вы просили Мамари, но надеюсь, смогу помочь вам в исполнении желания.

– Никто не сможет, – тихо ответила я, понимая, что перекричать возбужденную толпу мне не дано. Но лорд услышал... или прочитал мои мысли.

– Вы можете остаться во дворце, – предложил Аскелир, беря меня за руку с брачной татуировкой и показывая ее толпе. Едва ли кто-то мог разглядеть мою руку, но традиции следовало соблюдать.

– Дворец отныне ваш. И я надеюсь на вашу честность.

Император не ответил, но я не могла его осуждать. За любое из решений, которое ему придется принять.

Эпилог

«С прискорбием сообщаем, что в ночь на шестнадцатое эйера после продолжительной борьбы с болезнью нас покинула ее величество Майя Альран Дейон Альтресс Анаир, императрица Тарская. В связи с чем в империи объявлен двухмесячный траур. Отменяются все намеченные на осень развлекательные мероприятия. Бал дебютанток будет перенесен на конец осени. Подробнее о расписании траурных мероприятий читайте на странице 2 “Имперского вестника”...»

Я хмыкнула и отложила газету. Что ж, пора прощаться с императрицей Майей, грозой дворца и возлюбленной супругой императора. Отчего-то в нашу любовь верил каждый обитатель дворца от поломойки до канцлера. Магия – не иначе. Мне даже пришлось серьезно поговорить с Даероном, чтобы убедиться, что его воздействие не скажется фатально на мозгах казначейства. Последнее могло вылиться в огромные проблемы для страны, а я после свадьбы начала чувствовать перед ней некоторую ответственность, побороть которую удалось с трудом. Но я смогла.

Так что упомянутую в некрологе болезнь, навязанную мне императорской короной, я сумела победить. Не сумела бы – так и осталась бы в Тарине, благо Даерон обещал поспособствовать моему дальнейшему обучению в Высшей Таринской. Да и всему тому, что не будет бросать тень на доброе имя императорской четы. К счастью, вместе с мужем мне достался и иммунитет к его чарам. В противном случае не сидеть мне в скромном вдовьем одеянии в ресторанчике на центральной площади Разара и не предаваться воспоминаниям.

Я собиралась покинуть город следующим утром. Экипаж уже был нанят, вещи куплены. Все – новое, от старой жизни у меня не осталось ничего. Ни имени, ни друзей, ни сильного дара, даже от денег его величества отказалась: не хотелось светить тайные счета, благо доступ к ним не к имени привязан, а к крови.

Единственное, что осталось со мной в память о Тарине, – брачная татуировка. Свести ее, как сказали жрецы, может лишь смерть кого-то из супругов. Все же мы женились по всем правилам, в храме, с дарами и жертвенной кровью, заключая традиционный для императорской семьи брак. И это было одной из причин, по которой я спешно покидала страну. Ставший вдовцом юридически, император мог пожелать этого и фактически, во благо империи. А мне еще хотелось пожить. Желательно долго и по возможности счастливо. Ведь когда-нибудь и я смогу забыть...

Я пригубила горячий напиток. Первый в меню, лишь бы подавальщик отстал и не мешал мне смотреть на здание городской стражи. Не хватало только пирожков, но продавец, распродав все, что у него было, покинул площадь еще полчаса назад.

– Леди, вы не подскажете... – начал было чей-то смутно знакомый голос, но я даже не обернулась. Не было у меня сил на знакомства, пусть даже это оказался бы сам мэр.

За моей спиной недовольно закашляли, намекая, что игнорировать собеседника невежливо, и, когда я обернулась объяснить незнакомцу, что думаю о его способах привлекать внимание, добавили:

– ...где находится центральное управление стражи?

Чашка выскользнула у меня из рук, упала на пол, расплескивая по полу свое содержимое, звякнула, разрезая повисшую тишину, и с чувством выполненного долга разлетелась на кусочки. А я смотрела на призрака. Уставшего, запыленного, словно провел в седле весь день, и... настоящего. Пахнущего конским потом, который, казалось, не смог перебить ни один парфюм. Смотрела, а перед глазами все расплывалось, но я не делала попыток пошевелиться, боясь спугнуть внезапное наваждение.

Наверное, я для того и приехала сюда, чтобы еще раз, пусть даже в последний, пусть после дозы хорошей отравы (не могут же мертвые оживать), но увидеть того, кого больше всего хотела.

– Передайте его величеству, что я его прощаю, – шепотом (голос меня не слушался) сказала я.

- А он предполагал, что ты захочешь его убить. Как и меня, - с укоризной посетовало видение, и тот, кого я считала призраком, обнял меня, позволяя плакать на своем плече.

- Я вас убью. Обоих, - пообещала я, уткнувшись в плечо Дайрина. - Не разбираясь в причинах.

- Я знаю, - тихо сообщили мне, обнимая крепче. - Заслужил.